

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

" НАУКА "

МОСКВА - 2005

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В.З. Санников (Москва). Об истории и современном состоянии русской языковой игры.....	3
Г.М. Зельдович (Торунь). Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж.....	21
Е.Л. Рудницкая (Москва). Особенности синтаксической и информационной структуры (актуального членения) в предложениях со стативными предикатами психологического состояния в корейском.....	39
А.Б. Летучий (Москва). Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы.....	57
А.В. Архипов (Москва). К типологии комитативных конструкций. Часть I. Определение и формальная типология.....	76
П.М. Аркадьев (Москва). Функционально-семантическая типология двухпадежных систем.....	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Я.Г. Тестелец (Москва). Word order and scrambling.....	121
А.Д. Мостовая (Мельбурн). <i>M. Prandi. The building blocks of meaning</i>	128
Ю.Х. Сирк (Москва). <i>J. Bradshaw, K.L. Rehg (eds.). Issues in Austronesian morphology: a focusschrift for Byron W. Bender</i>	136
Л.А. Калимуллина (Уфа). <i>Л.М. Васильев. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика</i>	139
Е.Г. Которова (Томск). <i>Э. Вайда, М.А. Зинн. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта)</i>	143

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	147
---------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: *М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2005 г. В.З. САННИКОВ

ОБ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ*

В работе рассматриваются основные виды русской языковой шутки – каламбур, параномазия, ирония, пародия, перепев, парадокс, абсурдистская острота. Основное внимание уделяется истории этих видов словесного юмора на протяжении веков. На большом материале из художественной литературы и русского фольклора прослеживаются пять вопросов: 1. Отношение к юмору в разные периоды и в разных жанрах письменной речи; 2. Функции языковой игры; 3. Изменения в жанровом составе языковой игры; 4. Изменения в технических приемах создания комического; 5. Эволюция шуток, где превалирует смысловая сторона (абсурд, парадокс, ирония).

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Разумеется, эта сложная и очень интересная тема требует более серьезного исследования, и моя статья – не более, чем краткие заметки на эту тему. Хотя я многие годы занимался русской языковой шуткой, но в другом аспекте, без акцентирования внимания на динамике самого явления и его внешних проявлений (эволюция жанров, изменение видов словесного юмора, используемых технических приемов). Вторая особенность данной работы: значительное внимание уделяется слабо изученному вопросу о месте и особенностях юмора в СМИ (средствах массовой информации).

2. В сущности, всякое намеренно необычное использование языка (например, для создания художественного эффекта) – это языковая игра. Подчеркнем: речь пойдет не о словесной шутке в целом, шутке выраженной словами (есть еще шутки музыкальные, изобразительные и т. д.). Для нас, естественно, главный интерес представляет один вид словесной шутки – я з ы к о в а я шутка, шутка “с двойным дном”, где кроме создания комического эффекта, подшучивания над людьми, жизненными ситуациями, есть также подшучивание над самим языком, над чем-то “необычным” в нем (например, использование одного слова для обозначения разных явлений – омонимия, многозначность и т.п.)

Языковая шутка имеет важное свойство, которое заставляет нас (несколько сужая тему исследования) остановиться именно на этом виде языковой игры. Это – отмечаемая многими исследователями с м ы с л о в а я и г р а м м а т и ч е с к а я з а к о н ч е н н о с т ь шутки. Даже если она не составляет цельного законченного текста, а лишь часть большого текста, она обладает а в т о н о м н о с т ь ю в структуре этого текста и легко, без существенных смысловых потерь может быть из него извлечена. Это делает языковую шутку идеальным объектом лингвистического анализа.

3. Языковая шутка, как и комическое в целом, – это такое отклонение от нормы, которое удовлетворяет двум условиям: 1) приводит к возникновению двух содержательных планов (от исходной точки совершается внезапный переход к конечному результату, резко отличающемуся от этой исходной точки); 2) ни для кого в данный момент не

* Статья подготовлена в рамках проекта “Современный русский язык: система – норма – укус”, финансируемого РГНФ (грант № 04-04-00160а).

Бесконечно признателен Ю.Д. Апресяну, С.М. Кузьминой и А.В. Санникову за ценные критические замечания.

опасно, а для воспринимающих шутку даже приятно, поскольку это отклонение вызывает в них, лишенных этого недостатка, чувство превосходства или же (в случае “интеллектуальных” шуток) довольство по поводу исправности их интеллекта (подробнее об этом см. [Санников 2002; 2003]).

4. Хочется хотя бы бегло коснуться одного общего вопроса, который считается окончательно решенным, а между тем нуждается в дополнительном рассмотрении.

Вспоминается остроумное (но, на мой взгляд, не совсем справедливое) высказывание Л. Лиходеева: “Даже очень хорошая острота должна быть как шприц: одноразового пользования”. Здесь ярко проявилось присущее многим (в том числе и писателям) снисходительно-пренебрежительное отношение к языковой шутке, как к явлению “несерьезному”, “разовому”, недооценка языковой шутки как акта художественного творчества, зачастую в каком-то отношении более значимого, чем некоторые многотомные романы. Ведь почил в Бозе многие и многие литературные произведения (вечная им память!), а шутки Крылова, Пушкина, Минаева, Лескова, Эмиля Кроткого и других – живут. Это вклад в нашу культуру. И в язык! Мы начинаем внимательнее относиться к нашему языку, больше любить его, даже снисходя к его “слабостям”, например, выражению разных смыслов одним словом. Это приводит иногда к непониманию и недоразумениям, но это же позволяет шутить и смеяться:

Что сказать о браке? – Хорошую вещь браком не назовут;

Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в защите (Эмиль Кроткий).

И еще важнее другое: многие шутки обогатили язык, и не только пословицами, поговорками, яркими сравнениями, но и яркими фраземами и синтаксическими конструкциями, которые стали нейтральными употреблениями, используются нами успешно, ежедневно и многократно (*Денег кот наплакал; Скатертью дорога!; Золото, а не человек; Всем козам коза, мать – а не коза!* И т. д. и т. п.). Какие уж тут “одноразовые шприцы”!

5. История литературного языка “более динамична”, чем история русского языка в целом – главным образом, благодаря большему воздействию социальных факторов. История русской языковой игры, русской языковой шутки еще более динамична, поскольку здесь изменения обусловлены не только лингвистическими и социальными факторами, но отражают внутренние закономерности развития языковой игры как функционально-художественного явления. К тому же каждый из видов языковой шутки – каламбур, игра со значением слова, ирония, аллюзия, цитация и др. – имеет свою историю, и зачастую между этими видами возникает острая конкурентная борьба, происходит “пердел сфер влияния”.

Языковая игра в русской разговорной речи обладает целым рядом особенностей, в частности, большей непринужденностью, спонтанностью, неприязательностью (см. об этом в интересной работе [Земская, Китайгородская, Розанова 1983]). Естественно, что и сама история языковой игры в разговорной речи существенно отличается от ее истории в письменной речи (в частности, она менее подвержена воздействию социальных факторов). Поэтому на данном вопросе мы не будем останавливаться, он требует особого рассмотрения.

Коснусь пяти вопросов: 1. Отношение к юмору в разные периоды и в разных жанрах письменной речи; 2. Функции языковой игры; 3. Изменения в жанровом составе языковой игры; 4. Изменения в технических приемах создания комического; 5. Шутки, где превалирует смысловая сторона (абсурд, парадокс, ирония).

1. ОТНОШЕНИЕ К ЮМОРУ

1. В разные периоды жизни России с изменением политической обстановки менялось (в публицистике, да, пожалуй, и в самом народе!) отношение к месту юмора в жизни общества и к отдельным его формам. В середине XIX века борьбу за вседозволенность в литературе и в средствах массовой информации (СМИ) возглавил талантливый поэт и гениальный переводчик В.С. Курочкин:

*Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я.
Ведь, для мысли и для слова,
Чтобы Русь к прогрессу шла,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя.*

2. В период революции 1905-1906 г. наблюдается настоящий разгул хамско-холопской вседозволенности (не имеющей ничего общего с борьбой за демократию!). Некий Зиновий Исаевич Гржебин унизился (или – возвысился?) до того, что на обложке журнала “Жупел” портрет императора России Николая II изобразил в виде жирной задницы, увенчанной короной Российской империи.

3. Эта традиция сохраняется и в наши дни, в конце XX – начале XXI в. Запретных областей (не только политических, но и морально-этических!), областей, где “этим не шутят”, практически не остается. Особенно ярко это проявляется в современных СМИ, и на этом вопросе мы остановимся несколько подробнее.

Советские газеты доперестроечного периода находились, по меткому выражению М.В. Панова, на “стилистической диете” [Панов 1988: 4]. Тенденция к “динамичности” речи газет, отмеченная в 1988 году М.В. Пановым, продолжается и усиливается в последующий период, на рубеже тысячелетий. Она проявляется также и на телевидении, и в рекламе (которая в советские годы занимала ничтожное место).

Даже такой деловой, сверхстрогий стиль, как календарь, не избежал общей участи! В Санкт-Петербурге издан календарь 2004 года (авторы К. Мелихан и А. Зудин). Обычный календарь, только называется он *Календурь* – и не напрасно. Вот названия месяцев: *Пьянварь, Фигварль, Кошмарт, Сопрель, Сымай, Теплюнь, Жарюль, Августь, Слетябрь, Моктябрь, Гноябрь, Дубабрь*. Пожалуй, единственное действительно удачное из них – *Пьянварь*, но это шутовское переименование неоднократно обыгрывалось и раньше. В 2005 году этот календарь был переиздан.

Газеты используют различные приемы – гиперболы, цитацию, аллюзии, паронимии и др., ср.:

Если человек попал во власть, выковырять его оттуда чрезвычайно сложно (“Независимая газета”, 13 окт. 2003).

Город убитых журналистов (“Независимая газета”, 13 окт. 2003; о втором за последние полтора года убийстве журналиста – редактора “Тольяттинского обозрения”).

Ночные горшки в Урюпинске на полгода “легче” (“Московский комсомолец”; о сокращении на полгода продолжительности альтернативной службы в провинции, например, в Урюпинске).

Scissor Sisters спелась с Чебурашкой; Германский канцлер стал русским отцом [по поводу удочерения Герхардом Шредером девочки из Петербурга] (“Известия”, 17 авг. 2004).

Вторую золотую медаль в Афинах российским спортсменам пришлось добывать с помощью оружия [о соревнованиях стрелков на Олимпиаде в Афинах].

Однако львиную долю среди шуток, используемых в русских СМИ в конце XX – начале XXI в., занимает к а л а м б у р (примеры см. в разделе 4).

4. Характерно, что газеты чаще всего прибегают к языковой игре в заголовках – с целью привлечь внимание, заставить читать статью (зачастую неинтересную). Пожалуй, 2003 год – пик увлечения языковой игрой в СМИ. Уровень языковой игры и ее место в разных газетах различны. Некоторое представление об этом может дать проведенный нами анализ заголовков некоторых газет. Чтобы исключить “сиюминутные факторы”, я намеренно взял газеты (20 газет) за один день (25 сентября 2003 года), т. е. газеты, описывающие в основном одни и те же события.

В 10 московских газетах за этот день я нашел 22 шутовских заголовка.

Удивительно, в этот день бесспорный лидер по использованию шутовских и броских заголовков – “Московский комсомолец” – выступил довольно скромно, его обошел “Труд”.

“Известия” – шуточных заголовков нет.

“Российская газета” – нет.

“Труд” (25 сент. – 1 окт. 2003):

“Яблоко” укатилось далеко от яблони. Губернаторские выборы в Санкт-Петербурге закончились для этой партии неудачей.

В Госдуму рвется СЛОН [Союз людей за образование и науку].

Не МРОТом единым [МРОТ – Минимальная рабочая оплата труда].

Без труда не добьешься правды от суда.

Кто не рискует, тот не ест.

“Советская Россия”:

Канделябристи [заголовок статьи Л. Коврова о событиях октября 1993 г., навеянный репликой музыканта Петрова, обращенной к Ельцину на заседании в Большом театре: “Канделябрами их, канделябрами!”]

“Советский спорт”:

Кто из пациентов премьер-лиги окажется скорее жив, чем мертв? [о худших футбольных командах, которым угрожает вылет из премьер-лиги].

“Московский комсомолец”:

В постели с Бушем.

Бочка дегтя [заголовок статьи Марка Дейча о книге Александра Солженицына “200 лет вместе” – обыгрывание поговорки “Ложка дегтя испортит бочку меда”].

Свежо при Дании (о победе московского “Спартака” над датской командой “Эсберг”).

“Московская правда”:

Победителей осудят (по аналогии с *Победителей не судят*).

Цветы по осени считают (ср : *Цыплят по осени считают*).

“Яблоки” в Санкт-Петербурге закончились? [о поражении партии “Яблоко” на выборах мэра Санкт-Петербурга].

“Коммерсант”:

Дезорганизация объединенных наций [о сессии Генеральной Ассамблеи ООН].

Тони Блэра попросили на выход [об инициативе смещения лидера Лейбористской партии и премьера Великобритании].

Между клизмой и харизмой [о постановке в театре Моссовета пьесы Леонида Зорина “Роковая опечатка”].

Объявив полгода назад о смерти ООН, США вынуждены нести покойника обратно.

“Завтра”:

“Ед” а, “Ед” оки – о партии “Единая Россия” и ее членах.

Средства массовой дезинформации.

“Метро”:

Беломорканал [сигареты]. *Всем фильтрам назло. Беломор канал, канают и будут канать!*

Мэрайя Кэри доступна [о предстоящих концертах известной певицы в Кремлевском дворце].

5. Другие российские газеты (в том числе газеты “второй столицы” – Петербурга) “более строги”, реже используют “подобные шуточки”. Пожалуй, единственное исключение – “Петербургский час пик”. Вот результат обследования 10-и петербургских газет за тот же день – 25 сентября 2003 г. Шуточных заголовков – 9, в два раза меньше, чем в десятке московских газет:

“Санкт-петербургские ведомости” – нет.

“Вечерний Петербург” – нет.

“МК в Петербурге”:

Шевчук онародился (= Стал народным артистом Республики Башкортостан).

“Смена” – нет.

“Невское время”:

Увидеть Москву и умереть. ОТ СТЫДА ЗА ПАРИЖ (о легкоатлетическом турнире 2003 в Москве, где любая победа “весила” 500 тыс. долларов – в несколько раз больше, чем на чемпионате мира 2003 в Париже).

“На страже Родины”:

Стрелять готов: ...пристреливаться тошно.

“Новый Петербург” – нет.

“Новая газета” (25–28 сент.):

Вы имеете право выбирать, но выбранное вами будет использовано против вас.

“Новости Петербурга” (23–29 сент.) – нет.

“Петербургский час пик”:

Единственное, что их [грибы и губернатора] объединяет, так это то, что они размножаются спорами.

Вы слышите: грохочут чудачки? [перекличка со стихами Окуджавы: Вы слышите: грохочут сапоги?].

Есть вещи, которые нельзя украсть. Например, ваш ВКЛАД в историю.

Автомобиль не роскошь, а средство развития машиностроения.

Пока семь раз отмеришь – другие отрежут.

6. Интересно, что увлечение языковой игрой уже через год пошло на спад. В обследованных московских газетах за 13 августа 2004 г. (в основном, тех же, которые были обследованы в сентябре 2003-го года) случаев языковой игры немного:

“Московская правда”:

Кто лев и кто прав (о левшах и правшах).

Приговорили к лечению (решение суда о принудительном лечении от наркозависимости американской вокалистки Кортни Лав).

“Труд”:

Одиноким предоставляется кладбище [об убийстве хозяев-одиночек и присвоении их квартир].

“Время новостей” – нет.

“Российская газета”:

Теплые воспоминания о холодной войне.

“Известия”:

Министерство внутренних дел Россоссийской Федерации (2 ошибки в печати на заграничном (!) Натальи Гусевой).

“Культура” (12–18 авг. 2004):

Казнить нельзя помиловать.

Ното sapiens за решеткой.

Двадцать шесть иркутских эмиссаров [перекличка с *Двадцать шесть бакинских комиссаров*].

Па де де моря и солнца [о 21-м Международном конкурсе артистов балета в Варне].

“За Калужской заставой” (12-18 авг.):

Бог любит троицу [о рождении тройняшек в семье Горященко].

Расти большим, малый бизнес.

Вьнь и положи рядом с телевизором [о программе телевидения на будущую неделю].

Даже несомненный лидер 2003-го года по употреблению каламбуров и других видов языковой шутки – “Московский комсомолец” (“МК”) несколько охладел к этому способу привлечения внимания читателя. Так, в номере за 13 авг. 2004 г. в заголовках их всего 4 (причем 3 из них однотипны): *щедрый скупердяй*; *горячая 7 фильмов* (= семерка); *горячая 7 сериалов*; *горячая 7 передач*; в номере за 21 авг. 2004 г. – тоже 4: *Попугаев везли в Москву на птичьих правах* (= незаконно); *Военно-пулевой роман* (о супругах-стрелках Алиповых на Олимпиаде в Афинах – перекличка с названием фильма “Военно-полевой роман”); *Мишка пивопалый* (о медведе, обнаружившем в холодильнике и опорожнившем 38 банок пива); *Играй, гормон* (перекличка с *Играй, гармонь*).

7. “Вторая столица” – Петербург тоже переживает процесс охлаждения к шутовско-зазывным заголовкам газетных статей.

Вот данные о “шутливых заголовках” в семи Петербургских газетах за тот же период (14–20 сент. 2004 г.):

“Санкт-Петербургские ведомости” – нет.

“На страже Родины” – нет.

“МК в Питере” – нет.

“Смена”:

Анне Вески нагрели на шубах [о воровстве в сфере мехового бизнеса, которым начала было заниматься эстонская певица].

“Вечерний Петербург”:

Семья – семь “я” [крайне избитая шутка (см. Н. Глазкова), да и не оправданная в смысловом плане: речь идет о девяти художниках из династии Левитиных].

“Новости Петербурга”:

Раскинулись сети широко [о всемирной паутине Интернета].

Как и в 2003 году, фаворитом в Петербурге остался “Петербургский час пик” – но шутливых и броских заголовков тоже немного, а главное – они или неинтересны или неоригинальны:

Голландских окон негасимый свет [о петербургском фестивале “Окно в Нидерланды”].

Как чиновнику построить дачу из камней, брошенных в его огород?

Проявил себя? Закрепи! (Мило, но не оригинально, позаимствовано у А. Кнышева).

8. В следующем, 2005 году тенденция к снижению интереса к “броско-шутливым” газетным заголовкам сохраняется (предупреждаем: мы оперируем достаточно ограниченным материалом – около 20 номеров газет за 17–18 января и за 9 февраля 2005 г.). Заголовков, использующих языковую игру мы нашли в них (в общей сложности) всего 11:

17–18 января:

Социальный пожар потушат деньгами [о протестах льготников] (“Известия”).

Новый “Спартак” родился из пивной пены (“Известия”).

Груз прошлого топит “Волготанкер” (“Известия”).

Танками закидаем [о борьбе с террористами] (“Коммерсант”).

Испания потеряла голос [о смерти испанской певицы Виктории де Лос Анхелес] (“Коммерсант”).

Солдат вылепят из Глинки [о проекте призывать в армию молодых музыкантов] (“Новая газета”).

9 февраля:

Цвет в конце туннеля [вм: свет] (“Культура”).

Равняйся, мирно! [о переговорах Аббаса с террористами] (“МК”).

Время собирать камни [боевой призыв левой оппозиции, использующий известное библейское выражение] (“Завтра”).

Басаев опроверг слухи о своей смерти (“Известия”).

Басаев скорее жив, чем мертв (“Комсомольская правда”).

9. Несомненно, среди центральных и местных газет есть исключения. Это, в частности, “Новая газета”, которая, как и в предшествующие годы, охотно использует шутку в заголовках статей. В каждом из четырех обследованных номеров начала 2005 года (№№ 10, 17, 18, 19) я нашел по четыре-пять таких заголовков:

№ 10 (10.02 – 13.02)

Мир вашему до... [с подзаголовком: *Состоится ли перемирие, объявленное Масхадовым*].

Фрадков многоразового использования.

Пламенный борец [о попытке саможжения противника отмены льгот].

Как важно бить открытыми [об омоновцах, которые “работали” в масках].

№ 17 (10.03 – 13.03)

“Масхадовым” станет Басаев.

Саратовские стройки очистят от строителей.

Вся королевская юрть [о ложности мнений генералов, что многие солдаты умирают от неразделенной любви].

Закон божий [о недостатках жилищного законодательства; обыгрывается слово *бож*].

Не заболтали [о постановке в Большом театре балета Д.Д. Шостаковича “Болт”].

№ 18 (14.03 – 16.03)

Всё идет по клану [о господстве клановости в Татарии].

Водителей заставят дышать [о медицинском освидетельствовании водителей на состояние опьянения].

Тело-портация [о продаже женщин в Германию].

Коварно-денежные отношения [вм.: *товарно...*].

Цены из жизни [вм.: *сцены...*].

№ 19 (17.03 – 20.03)

Есть такая профессия – Родину защищать [вм. *защищать*].

У боевиков хороший уход [о выходе бандитов из окружения].

Фрадков фискал, но ничего не нашел [о налоговой политике правительства].

Мэры будут приняты [вм.: *меры*].

Опечатать шаг [вм.: *печатать*].

2. ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Резко менялись на протяжении истории сами функции языковой игры. Исконно основными были (кроме обучающей и маскировочной – см. о них [Санников 2002: 26–30]) развлекательная и “психотерапевтическая”. В XIX и в начале XX века основной была развлекательная функция, в условиях советского тоталитаризма – психотерапевтическая. Самоутверждение путем осмеивания окружающего было оправданной необходимостью в условиях советского тоталитаризма, когда мы остро чувствовали, что “все в бедной отчизне преступно иль глупо”, и ничего не могли изменить, когда смех оставался единственным общедоступным способом борьбы с окружающим злом. “Юмор – это убежище, в которое прячутся умные люди от мрачности и грязи”, – писал А. Вампилов в записных книжках (цитирую по карт. БАС). “Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес; она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе” [Фрейд 1925: 18–19].

С началом перестройки картина резко изменилась, на первое место вновь вышла развлекательная функция – развлечь или привлечь внимание, ошарашить (в первую очередь – в рекламе, но и в СМИ тоже).

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ЖАНРОВЫХ СОСТАВЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Изменение функций тесно связано с изменением в жанровом составе языковой игры.

1. Пословицы и поговорки, бывшие в Древней Руси одним из основных жанров, широко использующих языковую игру, стали достоянием прошлого, фольклором, – уже давно, вероятно, еще до XIX века. Затем их судьба постигла и жанр афоризма и максим. Этот жанр, жанр “мудрых изречений”, был чрезвычайно распространен и в России, и в Западной Европе, и в Азии (достаточно вспомнить максимы Ларошфуко, многие рубли Омара Хайяма). Однако после XVIII в. так называемые “общезначимые выражения” – сентенции, максимы – становятся не модными и нередко вызывают раздражение и насмешку. Брюсов едко издевался над Леонидом Андреевым за содержащиеся в его произведениях, в частности в “Жизни человека”, истины типа: “Молодость и любовь утешают и в бедности”, “В удаче все льстят, при неуспехе отвертываются” [В. Брюсов, Л. Андреев. “Жизнь человека” в Художественном театре]. Некоторое время жанр афоризмов и “мудрых изречений” сопротивлялся, явился в обновленном виде, используя другие виды языковой шутки – в первую очередь – каламбур.

В наше время сентенции типа: *Не посягай на чужое добро*, или: *В отношениях с людьми избегай трений* выглядят старомодно-занудными. Однако те же сентенции в “каламбурной упаковке” – вполне уместны:

Уголовников тоже влечет к добру, но, к сожалению, к чужому (Н. Глазков).

Что ты скажешь на это, физика? В отношениях между людьми трения ведут к охлаждению (С. Лец).

Впрочем, и в этом обновленном виде “общезначимые выражения” на рубеже III тысячелетия почти полностью исчезают.

2. Еще интереснее и сложнее история самого распространенного жанра комического – анекдота.

Меняется со временем само понятие анекдота. Начать с того, что до конца XVIII да, пожалуй, и в начале XIX века главенствующее положение в этом жанре занимает описание забавных примечательных реальных событий. Словарь русского языка XVIII века определяет анекдот следующим образом: “Рассказ, история (первонач. о событиях тайных, затем о любопытных, достопамятных)”. Потом это значение, сохранившись, стало, однако, периферийным, по оценке МАС – “разговорным”. Предметом анекдота стали вымышленные события и ситуации (хотя сами действующие лица зачастую – реальные, например, Сталин, Чапаев, Брежнев и т.д.).

Самоутверждение путем осмеивания окружающего было, как я уже отмечал, оправданной необходимостью в условиях советского тоталитаризма, и именно анекдот был любимым, чуть ли не единственным способом “отвести душу” в предшествующий семидесятилетний период нашей истории, причем главное место занимал анекдот политический. Достаточно напомнить, что в сборнике Телесина приводится 1001 политический анекдот [Телесин 1986]! На рубеже тысячелетий, в условиях нашей современной бурной общественной жизни наблюдается уменьшение роли анекдота, особенно политического, занимавшего столь важное место в период социализма. Показательно, что в интересной книге [Шмелева, Шмелев 2002] приводится лишь несколько современных политических анекдотов. Самое большое место из анекдотов перестроечного периода занимают анекдоты о новых русских.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО

Существенно менялись со временем не только отношение к комическому и его жанровая привязанность, но и технические (языковые) приемы создания комического. Отметим некоторые из этих изменений.

1. Тенденция к сокращению интереса к латыни наметилась уже в начале XIX века. Эту тенденцию заметил Пушкин (“Латынь из моды вышла ныне”). Впрочем, он несколько опережает события: обыгрывание латыни сокращается, но наблюдается еще на протяжении всего XIX века в художественной литературе – например, у Чехова, ср.:

– *Скажите, пожалуйста, как потом жила Софья Михайловна? – С десятью тысячами-то? Плохissime...* (“Старость”).

– *А вино, надо сознаться, препакуснейшее! Vinum plochissimum!* (“Аптекарьша”).

Бесспорно, интерес к латыни связан с образованием и врачебной практикой Чехова. Но ведь этот интерес проявляется и в сферах, далеких от медицины, даже в шутильной рекламе. Петр Потемкин, поэт-“сатириконец”, нацарапал на стене в ресторане “Вена”:

В Вене две девицы

Veni, vidi, vici.

(по Ю. Анненков. Дневник моих встреч).

Да и фольклор не чурался латыни (вспомним хотя бы анекдот о крестьянине, который, утомившись от того, что сын-семинарист отлынивает от деревенской работы, прикрываясь латинской речью, тоже переходит на “латынь”: *Сынуус, бери вилиус и иди чистить навозиус*).

2. Общее снижение уровня культуры после октябрьского переворота привело к изменению отношения к использованию (и уж тем более к обыгрыванию) не только латыни, но и других иностранных языков (см. [Новиков 1989]).

Разумеется, отдельные примеры встречаются (например, у Зошенко, Алексея Толстого), но это в основном крайне искаженная макароническая речь.

На рубеже тысячелетий наблюдается возрождение интереса к иностранным языкам (по преимуществу к английскому).

Вот один анекдот на эту тему. Учительница на уроке спрашивает: Петя, what is your name? – Чаво? Обращается к другому: Коля, what is your name? – Чаво? Обращается к третьему ученику: Боря, what is your name? – My name is Боря – Чаво?

Ср. также заголовки в газетах: *Пенси он-лайн* (“Известия”, 25 сент. 2003); *SUN ушла из SUN Interbrew* (“Ведомости”, 13 авг. 2004); *Scissor Sisters снелись с Чебурашкой* (“Известия”, 17 авг. 2004).

Да и латынь снова начинает использоваться, ср.:

Ното сариенс за решеткой (“Культура”, 12–18 авг. 2004).

А потом, обиженный, изуродованный, преданный, он [абажур] переживет последнее глумление: послужит кринолином в детском спектакле и навсегда канет в помоечное небытие. Сик транзит gloria mundi. (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

Prior tempore – portior jure [Первый по времени – сильнейший по праву] (Вл. Новиков. Роман с языком).

3. Наиболее интересна, порою драматична, и с т о р и я к а л а м б у р а. На протяжении последних веков меняется: 1) техника каламбура, лингвистические приемы его создания; 2) общественное отношение к каламбуру (социальные факторы); 3) художественно-эстетическое отношение к каламбуру. Этих вопросов мы коснемся вкратце в пунктах 3.1–3.7.

3.1. Техника каламбура. На ранних стадиях развития каламбура авторы ограничиваются простым суммированием смыслов созвучных слов. По такому типу строятся, например, многие каламбуры Д. Минаева. Вот один из них:

На пикнике, под тенью ели

Мы пили более, чем ели.

И зная толк в вине и в эле,

Домой вернулись еле-еле.

В каламбурах этого вида (“каламбурах-соседах”) нет богатого добавочного смысла, обыгрываемые слова “мирно сосуществуют”.

Потом каламбуры стали более технически изощренными. Для каламбура, который условно можно назвать “каламбуром-маской”, характерно резкое столкновение обыгрываемых слов: первоначальное понимание внезапно заменяется другим, ср.:

Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Но ваши протезы – человек способный? – О да! На всё!

И, наконец, наиболее интересный, получивший в последнее время распространение вид каламбура, – “каламбур-семья”, который совмещает признаки двух рассмотренных выше групп. Как в каламбуре-“маске”, обыгрываемые слова резко сталкиваются друг с другом, однако в этом столкновении нет победителя, второе значение не отменяет первое, и это роднит каламбур-“семью” с каламбурами первой группы (группа “соседи”).
Примеры:

И в нелётную погоду можно вылететь со службы (Эмиль Кроткий).

Есть пьесы настолько слабые, что не могут сойти со сцены (С. Лец).

3.2. В XIX–XX вв. каламбур, бесспорно, любимый и самый распространенный, самый “демократический” вид языковой шутки. Судя по сборникам русского фольклора, каламбурное обыгрывание слов не было редкостью и в Древней Руси. В качестве иллюстрации приведем несколько пословиц из рукописного сборника русских пословиц XVII в., изданного П. Симоном:

У Фили пили, да Филю же били.

Звал гостей, а накупил костей.

У сыра дуба, у суха сука привязана сука.

Однако в русской художественной литературе до XVIII в. каламбуры редки. Даже у протопопа Аввакума, прекрасно владеющего приемами комического (например, иронией), их мало, и они, на наш взгляд, не слишком удачны, ср.: “Я и к *объдне* не пошелъ и *объдать* ко князю пришелъ”; “Книгу *Кормъчю* далъ прикащику и онъ *мнѣ* мужика *кормицка* далъ” (примеры по: В.В. Виноградов. Символика Жигия протопопо Аввакума).

В XVIII в. к каламбурам прибегали уже почти все писатели, но употребительность каламбуров была еще невелика – даже у таких признанных мастеров острого слова, как Фонвизин и Крылов (см. [Ходакова 1969]).

В России расцвет каламбура падает на XIX в., особенно на вторую его половину. Одни лишь анекдоты и каламбуры о носе столь многочисленны, что академик В.В. Виноградов говорит о “пестром букете “носологической” литературы” первой половины XIX в., где “мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся”; “...по разным жанрам блуждают “носологические” мотивы, утопая в каламбурах” [Виноградов 1976: 10–18].

Разумеется, история русского каламбура к носологии не сводится, для нее характерно тематическое богатство и разнообразие. Признанный король каламбура Д. Минаев, как известно, “даже к финским скалам бурым обращался с каламбуром”.

Важное место каламбур занимает в творчестве А. Пушкина, Н. Лескова, В. Буренина, М. Салтыкова-Щедрина, поэтов “Искры”, А. Чехова.

XX век – “серебряный век русской литературы” – выводит целую плеяду талантливых юмористов. Достаточно указать А. Аверченко, Н. Тэффи, О. Оршера (О.Л.Д’Ор), О. Дымова и других юмористов, группирующихся вокруг журналов “Сатирикон” и “Новый Сатирикон”, в которых каламбур – частый и желанный гость (а точнее – веселый хозяин).

3.3. После октябрьского переворота, в эпоху “героических свершений” каламбур оказывается не у дел. В интересном исследовании советского каламбура А.А. Щербина отмечает, что некоторые советские литературоведы (напр. В.Фролов) относились к каламбуру пренебрежительно, склонны были отождествлять каламбур с “пустым зубо-скальством”, “комикованием”, “мелким острословием” [Фролов 1952].

Однако этот вид языковой шутки не жалуют и некоторые исследователи, не зараженные социалистической идеологией, – за его доступность, за “примитивность” его техники. З. Фрейд считает каламбур самой многочисленной и “самой дешевой” группой острот [Фрейд 1925: 59]. Чарлз Лэм писал: “Каламбур – это пистолет, из которого выстрелили у самого вашего уха; слуха вы лишитесь – но не разума” (впрочем, он же отмечал: *Каламбур – материя благородная. Чем он хуже сонета? – Лучшие* (Суета сует)).

Не жаловали каламбур и некоторые писатели. Так, Наталья Ильина в рассказе “Реформатский” пишет:

Каламбурный юмор всегда мне казался юмором уровня невысокого, и я рада была услышать однажды от А.Т. Твардовского такие слова: “Каламбур годится для домашнего употребления, для застолья, не больше!”

3.4. Как же примирить приведенные отрицательные оценки каламбура (их число можно было бы увеличить) с тем фактом, что каламбуром не брезговали такие взыскательные художники как А. Пушкин, О. Мандельштам, В. Маяковский, В. Набоков, Андрей Белый (последний, правда, со свойственной ему непоследовательностью бросает в “Начале века”: “...каламбур характерен для мозгов мешан”). Удачны многие каламбурные миниатюры Эмиля Кроткого, Ф. Кривина, А. Кнышева.

Критики каламбура не принимают во внимание одно важное обстоятельство, на наш взгляд, полностью каламбур реабилитирующее. Каламбур, как, пожалуй, никакой другой вид языковой шутки, весьма неоднороден по качеству. Это – оборотная сторона доступности каламбура. Хороший каламбур – это большое искусство.

А что уж говорить о фольклоре! Большинство анекдотов (будь то анекдот политический, анекдот о Штирлице, о поручике Ржевском, о “новом русском”) имеет “каламбурную закуску”.

3.5. Если из художественной литературы каламбур искоренить полностью в Советской России так и не удалось, то из “серьезных”, деловых жанров, например из газет, этот “легкомысленный” вид комического в советские годы был успешно изгнан: остались сатира, ирония – в основном при описании “загнивающего Запада” и наших “пережитков старого”. Одно из немногих исключений составляла “Литературная газета”, и то в основном одной лишь 13-й страницей, где было помещено немало языковых шуток, зачастую довольно остроумных. Украшением этой страницы был созданный Вл. Владыным сатирический образ писателя Евг. Сазонова – *великого душелоба и людоведа*.

3.6. То, что из “высших эстетических соображений” высокомерно третировала литература, охотно подхватывается прессой (где раньше каламбур был под запретом – но из соображений политических!). В конце 80-х и в 90-х годах XX века наблюдается некий “каламбурный бум”. Каламбуром охотно пользуются авторы многих газет, журналов, телепередач. Среди этих каламбуров есть и удачные (в частности, многие каламбуры Тимура Кизякова в телепередаче “Пока все дома”), некоторые газетные заголовки, напр.: *Нашла коса на Тамань* [двойная языковая игра – во-первых, переключка с известной поговоркой *Нашла коса на камень*, и, во-вторых, каламбурное обыгрывание слова *коса* (здесь – коса Тузла в Керченском проливе)]; *20 лет с “Покаянием” без покаяния* [о 20-летней годовщине фильма “Покаяние”] (“Российская газета”, 19 авг. 2004).

Но, как правило, техника каламбура очень низка, на уровне начала XIX века (если не ниже).

Газета “Завтра” (скромно именующая себя: “газета Государства Российского”) – орган серьезный, каламбуры здесь редки, но каждый из них – “настоящий перл”. Судите сами: *вождица мировых контролеров рождаемости* [об основателе “Международной федерации планирования семьи” Маргарет Зангер]; *Форос – красный нос; Горбачёв целует локон Иуды* [о Горбачёве, одном из “самых великих предателей в истории человечества”] (А. Проханов, авг. 2004).

Другие газеты (особенно “Московский комсомолец”) также охотно используют каламбур, но и там он зачастую достаточно низкопробен, ср.: *20 марта 2003: Уголовное тело; Жизнь бьет скрипичным ключом; Культ без личности* [о Василии Сталине]; *США томагавкнули по Ираку; Антиобщественный транспорт.*

24 марта 2003: Кредитка доверия; Обиженные и ОСКАРБленные [об отказе артистов участвовать в церемонии присуждения премии Оскар]; *Ой, “нанисты”* [о группе “На-на!”]; *ОКАянные дни* [о необычном высококом паводке на Оке весной 2003-го года].

10 октября: Ректоров проЕГЭнули [о вынужденном согласии столичных вузов принимать первокурсников по результатам ЕГЭ – единюго госэкзамена]; *“Яблоко” выкапилось на финишную прямую; Думайте сами – решайте сами: давать или не давать.*

13 октября 2003: Москвичи стали стукачами [о демонстрантах, стучавших крышками по алюминиевым кастрюлям]; *Кедровая политика Лужкова. Мэр Москвы умеет сажать* [О посадке кедров на Поклонной горе].

20 авг. 2004: Екимов не стар. Он – суперстар [о 38-летнем велосипедисте]; *Лужков выйдет во двор* [о турнире по мини-футболу].

“Советская Россия” 12 авг. 2004: *С тяжелой думой о Думе* (Через несколько месяцев – 2 дек. 2004 г. этот каламбур повторили по отношению к Украинской раде “Известия”: *Рада не рада*).

“Российская газета” 19 авг. 2004: *Озолотились и побронзовели* [о завоевании золотой и бронзовых медалей на Олимпиаде в Афинах]; *Ядреная среда* [о завоевании золотой медали в метании ядра в среду 18 авг. 2004].

Но и здесь, в СМИ, в последнее время наблюдается охлаждение к каламбуру (возможно, временное). Нужно оговориться: разумеется, отдельные примеры каламбурного обыгрывания в газетах встречаются, в первую очередь в “Новой газете” и “Московском комсомольце” (примеры приводились выше, в разд. 1). Нередки каламбуры в фолькло-

ре (ср.: *Сто грамм – не стоп-кран: дёрнешь – не останешься*; [О Василии Ивановиче]: – *А хорошо, Петёк, в деревне лезом – встал, вылил кружку парного молока и в лес. – Да, Василь Иваныч, а потом слез и снова спать*).

Да и в художественной литературе они встречаются, причем не только у юмористов, ср.:

Рекламный плакат: *МЕБЕЛЬ. Мы вас обставим* (М. Задорнов).

[Пипка] *рассказала, что нанялась юнгой на пароход, идущий в Японию, ...что капитан отдавал ей честь, а помощник капитана – отбирал* (Т. Толстая. Огонь и пыль).

[Детское восприятие разговоров взрослых]: *...он повесился от болезни мочевого пузыря! А еще до этого его переехало колесом фортуны! Потому что он запутался в долгах и неправильно переходил улицу* (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

И у Иуды был преданный друг (А. Кнышев).

“Не видите – я занят”, – надменно произнес туалет (А. Кнышев).

*Россия – странный садовод
и всю планету поражает,
верша свой цикл наоборот:
сперва растит, потом сажает.*

(И. Губерман).

На вопрос: “За что вы любите Пушкина?” Бонди ответил: за то, что он не Горький, не Бедный, не Голодный (М. Гаспаров).

Однако такие примеры сравнительно редки. Жанр “устал” от слишком частого использования и нуждается в отдыхе и обновлении. И все же каламбур живет, он вечен, как вечен питающий его язык – с его непоследовательностями, наименованием разных понятий одним и тем же словом и т. п.

Однако в настоящее время каламбур потеснили более изощренные приемы комического (в первую очередь – перепев, аллюзия, цитация, ирония и др.).

4. П е р е п е в, “перелицовка” широко известных художественных текстов (обычно стихов). Это явление представлялось несколько загадочным. Явное использование чужих стихов долгое время однозначно расценивалось как пародия, – до тех пор, пока не стало совершенно очевидным, что это делается подчас теми, которые не относятся враждебно или насмешливо к “пародируемым” авторам (таким, как Пушкин, Лермонтов), а даже “обожают” их и сами “пародируемые произведения”! Эта тема исчерпывающе полно исследована в блестящей работе о пародии Вл. Новикова (1989), к которой мы и отсылаем читателя. Вл. Новиков отмечает, что уничтожающая эпиграмма В. Курочкина, где фигурируют реакционный историк, юрист и философ Б. Чичерин и сверхреакционный журналист Фаддей Булгарин, направлена против них, а не против Пушкина, чьи стихи были использованы в эпиграмме:

Слышу умолкнувший звук ученой Чичерина речи.

Старца Булгарина тень чую смущенной душой.

Еще пример перелева:

И скучно, и грустно, и некого в карты задрать

В минуту карманной невзгоды.

Жену? ... но что толку жену обыграть –

Ведь ей же отдашь на расходы!

(Н. Некрасов)

Вл. Новиков пишет, что перепев – это “один из способов перевода художественной энергии вечных шедевров в сатирическую злободневную энергию” [Новиков 1989: 290].

Но в XX веке перепев, казавшийся в XIX веке новым, необычным и даже загадочным явлением (что это: пародия?), устаревает, хотя иногда используется вполне успешно. Ср.:

Не стесняйся, пьяница, носа своего,

он ведь с нашим знаменем цвета одного (И. Губерман)

– переключка со стихами С. Михалкова о красном пионерском галстукке:

Как наденешь галстук, береги его,

Он ведь с нашим знаменем цвета одного.

5. Перепев уступает место ц и т а ц и и, а л л ю з и я м. Они также предполагают достаточно высокий культурный уровень читателя, знакомство с соответствующими используемыми произведениями, но они менее прямолинейны, более изощренны.

Они использовались и в предшествующий период (даже в XIX веке) – чаще всего для создания иронического эффекта.

[Немец-служащий Фридрих Шульц] – *ведь я, говорю, господа, немец, шпрехензидейч, Иван Андрейч, колбасник* (Н. Лесков. Островитяне. 5) [Цитата из Гоголя].

[Товарищ прокурора о даме легкого поведения Папильоткиной] *Убитая была не простая дама, а дама приятная во многих отношениях <...> Она никому не делала зла, она, напротив, всем и каждому, по мере сил своих, стремилась доставить удовольствие. К ней, говоря словами поэта прошлого времени, “шел воин, купец и пастух”* (В. Буренин. Мертвая нога. IX) [Цитаты из Гоголя и Лермонтова].

Еще два примера – цитация стихотворения Пушкина “Памятник”:

И дикий тунгус, и сын степей калмык – все будут говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижика съел! (М. Салтыков-Щедрин. Сказки. Медведь на воеводстве).

– *Слава? – перебил Кончеев* [автор сборника стихов “Сообщение”]. – *Не смешите. Кто знает мои стихи? <...> В будущем, может быть, отыграюсь, но что-то уж очень много времени пройдет, пока тунгус и калмык начнут друг у друга вырывать мое “Сообщение”, под завистливым оком финна* (В. Набоков. Дар).

В конце XX века подобные приемы стали более многочисленными и изощренными.

Удачны в этом отношении многие стихи Иртеньева. Вот пример, где содержатся одновременно аллюзии и цитации целого ряда известных произведений – стихов Лермонтова, Есенина, Пастернака (“тысяча биноклей на оси”), советских песен – “Катюша”, “Три танкиста”, “Широка страна моя родная”:

*Выхожу я как-то на дорогу
В старомодном ветхом шушуне,
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Впрочем, речь пойдет не обо мне.
На другом конце родного края,
Где по сопкам прыгают сурки,
В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки.*

(...)

*Хорошо, что в юбочке из плюша
Всем известна зренья остротой,
Вышла своевременно Катюша
На высокий на берег крутой.
И направив прямо в сумрак ночи
Тысячу биноклей на оси,
Рявкнула Катюша что есть мочи:
– Ну-ка, брысь отседа, иваси!
И вдогон добавила весомо
Слово, что не с ходу вставишь в стих.
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.
Я другой страны такой не знаю,
Где оно так распространено,
И упали наземь самураи,
На груди рванувши кимоно.*

По насыщенности цитациями рекорд принадлежит, видимо, Татьяне Толстой (он может быть внесен в книгу рекордов Гиннеса). В ее рассказе “Сюжет” рассматривается другой возможный исход дуэли Пушкина: убит на дуэли Дантес, а Пушкин – опасно ранен в грудь, но выздоравливает. Бред раненого Пушкина – сплошные аллюзии, интерес-

ные не только чрезвычайной концентрацией, но, главным образом, своей “вневременностью”: в грезы Пушкина Толстая включает не только образы окружающих раненого реальных людей (его врача Даля) и не только цитаты из самого Пушкина и его современников, но и (что особенно интересно) цитаты из литературы послепушкинской, даже из литературы и фольклора XX-го века (Блок, Брюсов, Мандельштам, Пастернак, Хармс, Набоков, советские песни). Казалось бы: недостаточно оправданно! Но – не иллюстрация ли это неоднократно высказанной мысли, что вся наша литература “вышла из Пушкина”?

Пушкину грезятся огни, стрельба, крики, Полтавский бой, ущелья Кавказа, поросшие мелким и жестким кустарником, один в вышине, топот медных копыт, карла в красном колпаке, Грибоедовская телега, ему мережится прохлада пятигорских журчащих вод – кто-то положил остужающую руку на горячий лоб – Даль? – Даль. Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит, – к чему теперь рыдания, пусть похвал ненужный хор? – шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и можучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над его головой зеленую палочку – гражданская казнь; что ты шьешь, калмычка? – Портка. – Кому? – Себя. Еще ты дремлешь, друг прелестный? Не спи, вставай, кудрявая! Бессмысленный и беспощадный мужичок, наклонившись, что-то делает с железом, и свеча, при которой Пушкин, трепещи и проклиная, с отвержением читает полную обмана жизнь свою, колеблется на ветру. Собаки рвут младенца, и мальчики кровавые в глазах. Расстрелять, – тихо и убежденно говорит он, – ибо я перестал слышать музыку, румынский оркестр и песни Грузии печальной, и мне на плечи кидается анчар, но не волк я по крови своей: и в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть. Встал, жену убил, сонных зарубил своих малюток. Гул затих, я вышел на подмости, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дома босиком, под мышкой сапоги, в сапогах дневники. Так души смотрят с высоты на ими сброшенное тело. Дневник писателя. Записки сумасшедшего. Записки из Мертвого дома. Ученые записки географического общества. Я синим пламенем пройду в душе народа, я красным пламенем пройду по городам. Рыбки плавают в кармане, впереди неясен путь. Что ты там строишь, кому? Это, барин, дом казенный, Александровский централ. И музыка, музыка, музыка вплетается в пень мое. И назовет меня всяк сущий в ней язык. Еду ли ночью по улице темной, то в кибитке, то в карете, то в вагоне из-под устриц, ich sterbe, – не тот это город, и полночь не та. Много разбойники пролили крови честных христиан! Конь, голубчик, послушай меня... Р, О, С, – нет, я букв не различаю... И понял вдруг, что я в аду.

6. Фокусы с оформлением характерны и для предшествующего периода, для XIX века. Это, например, уже приводимые мной в других работах фигурные стихи или расчленение словоформы, ср.:

Бокал из “Вены”
*Испугались литераторы
разбежались плагиаторы
как в “Давыдку” я пришел
крикнул: “Лива!”, сел за стол
меня вывели лакеи, взял
под ручку полисмен
дал тихохонько по шее
старый хрен
просыпа-
юсь,
н
е*

т
п
у
т
и

*Удивляюсь, изумляюсь
я в Коломенской части.*

(пародия Венского на стихи И. Рукавишников) [Новиков 1989: 423].

К концу XX века вышли из употребления некоторые технические приемы, в частности, рискованное использование замысловатой составной рифмы с переносом посередине слова (цитирую по: (Рус. лит. XX в.):

*Екатерина по-
Ехала в Царское Село...*
(В. Третьяковский).

*Куполами серой жимолости
Лампа светом тени вымела. Сте-
Мнело...*

(Вл. Нарбут. Стихи. 1909).

Развитие типографской базы подстегнуло в XX веке к новым “вольностям” – сочетание латинских и русских букв, крупного шрифта и мелкого: *SOSedi* – рубрика газеты “Московский комсомолец” о событиях в ближнем Зарубежье; *Шоу must go on*; *ВУЗnews* (“Московский комсомолец”, 25 сент. 2003); *Цветков* [о питерском певце Алексее Цветкове] (“Новости Петербурга”); *Великая Victoria* [название украинской выставки, злодствующей над поражением России в Крымской войне 1953–56 гг.].

WELCOME?! Как поболеть за границей (“Советский спорт”, 25 сент. 2003).

Популярно разбиение заголовка на первую, верхнюю часть и нижнюю (верхняя шокирует, привлекает внимание, но уточняется, а то и отменяется нижней, напечатанной обычно мелким шрифтом), ср.:

ВРАЧИ БОРЮТСЯ ЗА СМЕРТЬ ПАЦИЕНТА

До их вмешательства
(“Коммерсант” 11 авг. 2004).

АНАТОЛИЮ ЧУБАЙСУ ДАЛИ ДВА ГОДА

РАО “ЕЭС России” будет ликвидировано в 2006 году
(“Известия”, 6 дек. 2004).

5. АБСУРД, ПАРАДОКС, ИРОНИЯ

Эти виды словесной шутки принципиально отличаются от других, ранее рассмотренных (в первую очередь – от каламбура и паронимазии), – настолько, что можно даже сомневаться в правомерности включения их в данное исследование, посвященное языковой шутке.

В каламбуре и паронимазии превалирует формальная сторона (звуковое тождество или сходство слов или словосочетаний), смысловая отступает на второй план, а иногда ее и вообще нет, ср. минаевское:

*На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели.*

Приращения смысла здесь нет. Если иметь в виду только смысловую сторону (отвлекаясь от рифмы, размера), то содержательно равноценными приведенным были бы строки

*На пикнике, под тенью сосны (березы, клена, ивы и т. д.),
Мы пили более, чем ели.*

В абсурдистской остроте, парадоксе, иронии – напротив, превалирует игра не с формой, а со смыслом. Иногда – исключительно со смыслом.

1. Абсурдистская острота – “нелепость” [Ожегов 1990]. По З. Фрейду, это – “своеобразный бунт против тирании рассудка” [Дземидок 1974: 42]. Вот несколько ярких примеров этого “бунта” – из русского и английского фольклора:

Когда у кого заболит сердце и отягощеет утроба, и тому пристойные статьи: Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкого вещного топу 13 золотников, светлого тележного скрипу 16 золотников, а принимать то всё по 3 дни неетчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть три дни на морозе нагому, покрывшись от солнечного жаркого луча неводными мережными крылами в однорядь (Лечебник XVIII в.).

Зашел в избу. Вижу: тесто бабу месит. Я усмехнулся, а тесту не понравилось.

Ехала деревня мимо мужика,

Вдруг из-под собаки лают ворота.

В прошлое воскресенье рано утречком, часов примерно в шесть вечера, я плыл на всех парусах через горы, когда повстречался вдруг с двумя всадниками в карете, сидевшими верхом на одном муле, и спросил их, не знают ли они, на какой час назначена свадьба Билла Хэннефорда, которого отпевали вчера в нашей церкви (“Бабушкин дедушка”).

Художественная литература пренебрегала и пренебрегает этим приемом. Впрочем и здесь (особенно в юмористической литературе) он иногда используется, ср.:

Старожилам особенно памятно цунами 1929 года, после которого никого из них в живых не осталось (А. Кнышев).

И очень интересно, что абсурд возродился (правда, в обновленной форме) в лириках, в западной драме абсурда (но это особая тема, и мы не будем ее касаться).

2. Если абсурд – это “нелепость, бессмыслица” (МАС), то парадокс “выражает мысль на первый взгляд абсурдную, но, как потом выясняется, в известной мере правдивую” [Дземидок 1974: 88]. Ср. *У меня не было времени написать короткое письмо, и я написал длинное (Г. Лессинг).*

Парадокс распространен на Западе, особенно в Англии (достаточно вспомнить О. Уайльда, Б. Шоу, Г.К. Честертон и других знаменитых английских писателей). Для России он менее характерен, хотя встречается с давних времен, в том числе и в фольклоре, и в народных представлениях (шутки скоморохов, раешники и т. д.), и в художественной литературе. Смотри, в частности, интересную статью [Ляпон 2001]. Приведем несколько примеров:

Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу (В. Даль. Пословицы русского народа. I).

– Я доктор-лекарь из-под Каменного моста <...> ко мне приводят на ногах, а увозят на санях (“Доктор и больной”. Рус. драма).

Две вещи я ненавижу больше всего на свете: негров и расизм.

Везде старается он поспеть. Всегда занят и никогда ничего не делает (И. Крылов).

Похвальная речь науке убивать время).

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,

Проводит тихий век без горя, без заботы,

Своими одами журналы не тягчит

И над экспромтами недели не сидит!

(А. Пушкин. К другу стихотворцу)

По Невскому бежит собака,

За ней Буренин, тих и мил...

Городовой, смотри, однако,

Чтоб он ее не укусил!

(Д. Минаев – о ядовитом критике В.П. Буренине)

Девушка Подзатылкина замечательна только тем, что ничем не замечательна (А. Чехов. Перед свадьбой).

– Вы, я вижу, бескорыстно любите деньги. Скажите, какая сумма вам нравится? (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок. II).

Нужно безжалостно отрывать башку всякому, кто порочит высокое звание гуманиста (А. Кнышев).

Демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных (“Правда”, 15 фев. 1990).

3. Однако в XX веке и в России, и в других странах наибольшее распространение получает ирония. Самое простое и традиционное понимание иронии сводит ее к антифразису, употреблению слов в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному, типа: *Эй ты, неутомимый труженик, иди-ка сюда!* (по отношению к лежбежке, отлынивающему от работы). По определению М.В. Ломоносова, “ирония есть, когда через то, что сказываем, противное разумеем” (по [Лук 1977]).

Этот прием широко использовался уже в Древней Руси, в частности, у Ивана Грозного и протопопа Аввакума, ср.:

...присланы к намь гостинцы: повесили на Мезени в дому моемъ двухъ человекъ, детей моихъ духовныхъ (Житие протопопа Аввакума).

Несколько примеров из текстов русской художественной литературы:

Греков протянул руку. – Привет надежде русского вокала (М. Чулаки).

Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные,

Ньютоны ненаглядные, любимые до слез!

Ведь лягут в землю общую останки наши бранные,

Земле – ей все едино: апатиты и навоз

(В. Высоцкий).

(вряд ли советские ученые в целом допускают сравнение с Эйнштейном и Ньютоном).

Я пришел к тебе с приветом,

я прочел твои тетради:

в прошлом веке неким Фетом

был ты жутко обокраден

(И. Губерман).

Техника иронии (см. о ней [Походня 1989; Санников 2002]) изменилась на рубеже тысячелетий не очень существенно (все основные технические приемы были отработаны уже в предшествующий период), но резко возрос ее удельный вес в сфере комического, ее роль. И это не только в России, но и в других странах. Многие исследователи, например, Д. Мюкке, отмечают, что ирония – это уже не только и даже не столько стилистический прием, сколько “способ мировосприятия”, “состояние духа”, “способ мышления, незаметно возникший как общая тенденция нашего времени”.

Ирония нередко встречается и в СМИ (примеры см. выше).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. М.; Л., 1950–1965; изд. 2. Т. I–VI. М., 1991–1994.
- Виноградов 1976 – В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Дзэмидок 1974 – Б. Дзэмидок. О комическом. М., 1974.
- Новиков 1989 – Вл. Новиков. Книга о пародии. М., 1989.
- Земская 1959 – Е.А. Земская. Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959.
- Земская, Китайгородская, Розанова 1983 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковая игра // Русская разговорная речь. М., 1983.
- Лук 1977 – А.Н. Лук. Юмор, остроумие, творчество. М., 1977.
- Ляпон 2001 – М.В. Ляпон. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. № 2. М., 2001.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Изд. 2. М., 1981–1984.
- Ожегов 1990 – С.И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 22. М., 1990.

- Панов 1988 – *М.В. Панов*. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. Учебное пособие. М., 1988.
- Походня 1989 – *С.И. Походня*. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.
- Рус. лит. XX в. – Русская литература XX века в зеркале пародии. М., 1993.
- Рус. драма – Русская народная драма XVIII–XX веков. М., 1953.
- Санников 2002 – *В.З. Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. Изд. 2. М., 2002.
- Санников 2003 – *В.З. Санников*. Русская языковая шутка. М., 2003.
- Телесин 1986 – 1001 избранный советский политический анекдот / Сост. и ред. Юлиус Телесин. Эрмитаж, 1986.
- Фрейд 1925 – *З. Фрейд*. Остроумие и его отношение к бессознательному / Пер. с 3-го нем. издания Я.М. Когана. М., 1925.
- Фролов 1952 – *В. Фролов*. Заметки о языке советской комедии // Новый мир. 1952. № 8.
- Ходакова 1969 – *Е.П. Ходакова*. Из истории русского каламбура (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Шмелева, Шмелев 2002 – *Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев*. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002.

© 2005 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

**РУССКОЕ ПРЕДИКАТИВНОЕ ИМЯ: СОГЛАСОВАННАЯ ФОРМА,
ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ**

Статья посвящена значению русского предикативного имени, выступающего в так называемой согласованной форме и в творительном падеже. По мнению автора, согласованная форма предикативного имени *P* в структуре *К есть P* сигнализирует, что *P* и *К* составляют для говорящего более или менее устойчивый концепт, а значение творительного падежа формируется здесь отрицательным образом, за счет его противопоставленности согласованной форме. Показано, что эти предположения обладают большой объяснительной силой и позволяют предсказать многочисленные смысловые нюансы, возникающие при употреблении согласованной формы и творительного падежа.

0. Известно, что полная форма русского предикативного имени существует в двух ипостасях: во-первых, оно может стоять в творительном падеже (*Он был веселым; Его привели домой пьяным*); во-вторых, оно может согласоваться в падеже с контролером, т.е. тем существительным или местоимением, референту которого приписывается данный признак (*Он был веселый; Его привели домой пьяного*).

Есть достаточно очевидные причины ожидать, что смысловая специфика согласованной формы и творительного падежа в рассматриваемых конструкциях проявит себя только там, где согласованная форма и творительный падеж противо-п-о-с-т-а-в-л-е-н-ы друг другу и/или краткой форме. Поэтому мы не рассматриваем те конструкции, где допускается лишь одна-единственная форма предикативного имени, а две другие формы сугубо аномальны, т.е. их употребление нарушало бы не прагматические (что чревато относительной, умеренной аномальностью), а жесткие синтаксические правила. Ср. примеры:

- (1) Это платье делает ее красивой (*красивая; *красива)¹.
- (2) Ему нельзя прийти пьяным (*пьяному; *пьян).
- (3) Ему нельзя прийти одному/самому/первым (*один/*сам/*первому).
- (4) У меня молодого (*молодым; *молод) была интересная жизнь.
- (5) Он стал художником (*художник* современной норме не отвечает).

1. Каково же значение согласованной формы и творительного падежа и каковы правила их выбора? Разумеется, очень хорошо было бы дать на эти вопросы обобщенный, универсальный ответ, но известные нам попытки такого ответа едва ли выдерживают критику.

Обычно говорят (см. [Тимберлейк 1985: 278–282]), что творительный падеж представляет ситуацию как ограниченную на оси времени, т.е. представляет ее на фоне других ситуаций (например, *Он был красивым* ⇒ ‘сейчас это не так’), а согласованная форма интерпретирует ситуацию как изолированную, “саму по себе”, вне соотносительности с чем-либо еще (*Он был красивый* с меньшей вероятностью имплицитно подразумевает, что сейчас обстоит иначе; скорее здесь нынешнее время в каком-то смысле просто игнорируется).

¹ Хотя есть немало случаев, когда возможен выбор между полной согласованной и краткой формой (*Он бледный vs Он бледен*), мы ради наглядности оперируем примерами, где допускаются обе полные формы.

Для многих случаев такая трактовка выглядит весьма убедительно, но есть и неприятные контрпримеры. Как быть, скажем, с предложением (6)?

(6) Он был трус, а стал героем.

Здесь наличие соотношенности ситуации 'он был трус' с другой ситуацией, выбрана же согласованная форма. Интуитивно ощущимо, что мотив для ее выбора иной, нежели "изолированность" ситуации: это почти наверняка желание говорящего показать, что последний сам наблюдал (как минимум воображает, что наблюдал) ситуацию 'он был трус'. Каков бы ни оказался этот мотив, место ему в объяснении А. Тимберлейка едва ли найдется.

Кроме того, предпочтительный выбор творительного падежа или согласованной формы настолько зависит от многообразных контекстных факторов, что формулировки типа тимберлейковских почти невозможно ни использовать на практике, ни полноценно верифицировать.

Запутанность и разнородность правил выбора форм побудила многих авторов, в первую очередь С. Густавссона и Дж. Никольс [Gustavsson 1976; Nichols 1981; Никольс 1985], вообще отказаться от поисков инварианта². В книге С. Густавссона постулируется около 2800 факторов, влияющих на выбор между согласованной формой и творительным падежом. Обратная сторона этого антиредукционистского рекорда такова, что книга дает подборку материала, но не объяснение фактов и не попытку их объяснения.

К большому обобщению тяготеет ставшая уже классической и самая влиятельная в этой области работа Дж. Никольс ([Никольс 1985] – подробный реферат книги [Nichols 1981]), где число релевантных факторов сведено к нескольким десяткам. При этом их разнотипность столь велика, что, по мнению автора, о каком-либо инвариантном значении обсуждаемых форм не следует и думать.

Но это не так. Ниже мы сформулируем семантический инвариант согласуемой формы, который позволяет объяснить и ее выбор/не-выбор, и – опосредованно – выбор/не-выбор творительного падежа (который, как мы считаем, является единицей немаркированной, и его значение формируется отрицательным образом, по контрасту со значением согласуемой формы) в самых разнообразных случаях, в том числе в примерах, проанализированных у Дж. Никольс, которыми мы будем широко пользоваться, но объяснение они получают совершенно иное.

2.1. Примем, что в любом высказывании с полной формой предикативного имени реализуется (возможно, среди прочего) модель

(7) K есть P ,

где K – это контролер (то, чему приписывается признак), а P – сам признак, приписываемый ему предикативным именем.

Нам кажется глубоко верной давно высказанная интуиция, что признак P в конструкциях с согласованной формой "отобщен", "отщеплен" от контролера [Шведова 1952: 86], такие высказывания *к в а з а н а л и т и ч н ы*.

Здесь и ниже будем, если не оговаривается иное, предполагать, что в роли P фигурирует согласованное предикативное имя. Тогда структуре (7) можно дать следующее толкование: (7) =

(8) ' P входит в тот концепт, который связан для говорящего со словом (или выражением) K '.

Концепт, в свою очередь, будет пониматься так: *Концепт K =*

(9) 'а. Представление, имеющееся у говорящего о референте соответствующего слова,

(б) которое служит для идентификации этого референта и

(в) которое более или менее устойчиво'.

Здесь уместны несколько комментариев.

² В том же духе написана и книга [Никунласси 1993].

Комментарий 1. Очевидно, что за фигурирующей в (9б) идентификацией могут стоять разные вещи, многообразие которых определяется многообразием возможных для имени денотативных статусов. Например, “опознавание” конкретного объекта и класса объектов (при, соответственно, конкретной и универсальной референции) происходит неодинаково. Важно, однако, что здесь всюду есть общий знаменатель – “о т л и ч е н и е” данного объекта или данных объектов от объектов иного типа.

Комментарий 2. По всей видимости, мы сделали толкование (9) несколько избыточным, ибо отнесительная устойчивость концепта скорее всего является следствием его идентификационной функции. Мы ввели в (9) пункт (в) только ради наглядности и удобств при последующем изложении.

Комментарий 3. Толкование (9) не о г о в а р и в а е т, что концепт должен иметься у говорящего наперед, еще до его использования в данном высказывании. Как правило именно так и бывает: мы вообще-то предпочитаем оперировать готовыми концептами. Однако и создавать концепт по мере надобности (откуда бы она ни происходила) мы тоже имеем право³, и толкование (9) этого права у нас не отнимает, поскольку требование (9в) об отнесительной устойчивости соответствующего представления очень легко исполнимо: чисто логически здесь достаточно, если, используя концепт *K*, говорящий в о о б р а з и т с е б е хотя бы еще одно другое использование этого же концепта.

Комментарий 4. Определением (9) не исключается случай, когда в роли *K* выступает местоимение или имя собственное. И за тем, и за другим для говорящего всегда стоит какое-то, пускай особое и не до конца ясного рода, представление, так что к примерам наподобие *Он был негодий*, *Иван был врач* формулировка (9) тоже без натяжек приложима.

Комментарий 5. Легко видеть, что концепт понимается нами не по-аристотелевски, т. е. не как набор необходимых и достаточных признаков, а в духе когнитивизма (см. особенно [Taylor 1995]) – как набор признаков достаточных. Это значит, что сверх необходимого концепт может содержать факультативные, “сверхабонементные” элементы, что обеспечивает ему нужный “запас прочности”.

2.2. Теперь посмотрим, какие, исходя из толкований (8) и (9), можно сделать предсказания. Мы думаем, что они верны и многообразны.

Начнем с прогнозов более или менее локального характера: их изложение займет меньше места и послужит предварительным подтверждением адекватности наших дефиниций.

Первый прогноз состоит в том, что если в структуре (7) *K* есть *P*, *P* указывает на признак, заведомо и обязательно имеющийся у *K*, то соответствующее высказывание будет не п р и е м л е м о. Дело в том, что сама структура (7) предполагает, что объект *K* может быть идентифицирован п р е ж д е, чем ему приписывается признак *P*: либо структура (7) просто не может здесь возникнуть (нет средств обеспечить референтность *K*), либо приписывание признака *P* будет тавтологично. И то, и другое ведет к аномалии. Ср.:

(10) а. *Квадрат – прямоугольный (⇒ прямоуголен);

б. *Куб – шестигранный (⇒ шестигранен).

Если такие предложения и можно принять, то только когда кто-то не знает или до сих пор не знал о соответствующих свойствах квадрата и куба и, таким образом, имел о последних неполное понятие, недостаточное понятие.

Проиллюстрированная аномалия довольно редка, так как “жесткую” структуру имеют лишь научные, или, по Дж. Тэйлору [Taylor 1995], “экспертские” концепты, в иных же случаях мало о каком включенном в концепт признаке можно без оговорок утверждать, что он обязателен, но есть похожие примеры и с более “обытовленными” контролерами; ср.:

(11) а. *Эта шина – электрическая;

б. *Эта рубашка – смирительная.

Употребляя в качестве контролеров слова *шина* и *рубашка*, говорящий должен сразу же иметь в виду их значение ‘электрическая шина’ и ‘смирительная рубашка’, оттого эти фразы и плохи.

³ Так, с созданием “сиюминутного” концепта часто связана метонимия ([Nam Sun Song 1997: 97 ff.]; о неустойчивости наших концептов см. тж. [Barsalou 1987; 1992]).

Другой, тоже локальный прогноз состоит в том, что признак *P*, поскольку он, согласно (9б), в принципе может использоваться для идентификации релевантного объекта, должен рассматриваться говорящим скорее как важны й, существенный. В контекстах, которые подразумевают относительную неважн ость, несущественность признака, согласованная форма предикативного имени нежелательна. Ср.:

(12) а. Это оказалось новостью для всех;

б. [?]Это оказалась новость для всех.

(13) а. Походило на то, что день специально выдался таким незаметным и укромным...

б. [?]Походило на то, что день специально выдался такой незаметный и укромный...

Принципиальную роль тут играют слова *оказаться* и *выдаться*, которые в том или ином смысле снижают значимость признака, предполагая, что данный *K* легко мог бы мыслиться и без *P*, отсюда неловкость согласуемой формы. Ср. удачное: *Это была новость для всех; ... день специально был такой незаметный и укромный. ...*

По названной причине плохи и конструкции типа

(14) а. *Это было мне неприятное (‘неприятно, ‘неприятным);

б. *Дело было мне радостное (‘радостно; ‘радостным).

Местоимение *мне* подчеркивает субъективность признака (без такого местоимения приведенные фразы нормальны), а откровенно субъективный признак плохо способен служить для идентификации.

Наконец, третий выводимый из наших толкований (8) и (9) прогноз частного характера заключается в том, что должны быть (и таковы суть) неприемлемы конструкции типа (15–16):

(15) *X похожий (⇒ похож) на Y-а;

(16) *X отличный (⇒ отличен) от Y-а.

Ср.:

(17) *Она похожая (⇒ похожа) на мать;

(18) *Число пять отличное (⇒ отлично) от нуля.

Дело здесь в том, что и предикат *быть похожим* (на Y-а), и предикат *быть отличным* (от Y-а) приписывают X-у не признак в собственном смысле, а, так сказать, метапризнак: соответственно – ‘некоторые (важные, нетривиальные) черты X-а совпадают с некоторыми (важными, нетривиальными) чертами Y-а’ и ‘(важные) черты X-а не совпадают с соответствующими (важными) чертами Y-а’. Опирируя на материале уже заведомо и м е ю щ и х с я у X-а черт, такие предикаты не приписывают X-у ничего такого, что хотя бы в принципе могло бы служить для идентификации X-а, а именно этого требует пункт (б) в толковании (9).

Несостоятельны как будто напрашивающиеся контрпримеры вроде (19) и (20), где неловкость, конечно, есть, но это не та вопиющая аномалия, которую мы встретили в (17–18):

(19) [?]Дочь была похожая на мать.

(20) [?]Младшая из сестер – похожая на мать, а старшая – нет.

Принципиальное отличие (19–20) от (17–18) – в том, что там субъект-контролер *она* и *число пять* заведомо у н и к а л е н, а здесь это не так. В результате предложения (19–20), в отличие от (17–18), допускают – хоть и с натяжкой – такое понимание, при котором подлинным сказуемым является не прилагательное *похожая* (вместе со связкой *быть*, разумеется), а эллиптированное существительное *дочь* и *сестра*; ср.:

(17') *Она – (есть) она, похожая на мать.

(18') *Число пять – (есть) число пять, отличное от нуля.

(19') [?]Дочь была дочерью, похожей на мать (еще лучше чуть более далекое: ... *из тех дочерей, что похожи на мать*).

(20') [?]Младшая из сестер – сестра, похожая на мать, а старшая – сестра, не похожая.

Степень приемлемости (17'–20') и резкий контраст между (17'–18') и (19'–20') точно соответствуют степени приемлемости (17–20) и резкому контрасту между (17–18) и (19–20).

2.3. Теперь нам пора обратиться к тем следствиям из наших толкований (8) и (9), которые несут характер не локальный, а всеобщий или практически всеобщий и наблюдаемы в огромной массе примеров. Таких важных следствий – два, и мы их рассмотрим по очереди. Одно прямо вытекает из пункта (в) толкования (9), а другое – из пункта (б).

2.3.1. Смысл первого мы в самом грубом приближении поймем, рассмотрев следующий пример из [Бэбби 1985: 167]:

(21) ^{??}Пространство бесконечное.

Л. Бэбби объявляет эту фразу безоговорочно аномальной, однако можно вообразить ситуацию, в которой она приемлема. Так будет, если, допустим, студент-астроном готовится к экзамену, много раз читал соответствующий параграф учебника и говорит: *Пространство бесконечное*. Неожиданное исправление (21) объяснимо тем, что студент здесь ситуацию “к а к б ы н а б л ю д а л”, точнее – наблюдая ее отражение в тексте книги.

Другими словами, согласованная форма предикативного имени навязывает ситуации нечто вроде наблюдаемости. Говоря более точно и мотивируя это с точки зрения толкований (8–9), дело можно объяснить так.

Согласно (9в), концепт – в интересующем нас случае концепт, который является соединением *K* (контролера) и *P* (признака, который приписан контролеру согласованным предикативным именем), – должен быть более или менее у с т о й ч и в: *K* и *P* либо соединились в сознании говорящего, либо как минимум он в о о б р а ж а е т, что соединились, – более чем один раз. Однократное соединение обеспечено уже самим актом произнесения (написания) *K есть P*. Поэтому достаточно, чтобы идея ‘*K есть P*’ еще однажды появилась в сознании говорящего, либо он по крайней мере такое себе вообразил (может быть и так, что говорящий воображает это применительно к будущему, а не к прошлому). Появление же этой идеи (неважно, реальное или воображенное) предполагает (опять же неважно, реальную или воображаемую) причину: едва ли *K* и *P* соединятся просто так, ни с того ни с сего. Наиболее вероятны причины двух типов.

Во-первых, *K* и *P* могли соединиться в сознании говорящего, если он их соединение наблюдает или представляет себе, что наблюдает/будет наблюдать. Во-вторых, *K* и *P* могли соединиться (или говорящий воображает, что соединились или соединятся) в каком-то восприятии и т е к с т е [так обстоит в примере (21)]. И в том, и в другом случае можно говорить о реальной или виртуальной наблюдаемости ситуаций: либо ситуация как она есть, либо ее семиотическое отражение восприняты или как бы восприняты говорящим. Разумеется, “наблюдаемость” ситуации, особенно “наблюдаемость”, которая относится к будущему и которую можно объяснить не диктатом действительности (не тем, что говорящий реально был свидетелем того, что *K есть P*), а только вмешательством свободной воли говорящего, – такая “наблюдаемость” с высокой вероятностью предполагает и вовлеченность говорящего в соответствующие события. Поэтому, например, предложение

(22) Завтра свитер будет сухой
скорее, чем

(23) Завтра свитер будет сухим,
подсказывает, что говорящий намеревается свитер надеть или ставит себя на место другого желающего воспользоваться свитером человека.

Часто именно “наблюдаемость” ситуации оказывается мотивом для употребления предикативного имени в согласованной форме – предпочтительно перед краткой формой или формой творительного падежа. Как пишет Б.М. Гаспаров, появление в высказывании “выражений, создающих эффект прилизительности, и м п р е с с и о н с т и ч е с к о й с у б ъ е к т и в н о с т и [выделено нами. – Г.З.], – таких, как ‘будто’, ‘словно’, ‘как’, ‘как бы’, ‘как будто’, – резко повышает тяготение в сторону *L* [согласованной полной формы, а не формы краткой. – Г.З.]: *Ты словно мертвый. Этот домик как нарисованный. Платье как будто вырезанное из модного журнала*”⁴ [Гаспаров 1996: 233].

⁴ Вообще-то в последнем примере предикатную роль выполняет не прилагательное, а причастие. Хотя причастиями мы специально не занимаемся, они, по всей видимости, в интересующем нас отношении ведут себя так же, как прилагательные. Несколько примеров с причастиями без специальных оговорок используются и ниже.

Ради подразумеваемой здесь “наблюденности” согласуемая форма предпочитается в следующих примерах из [Никольс 1985: 380]:

(24) Тобольский вокзал поражал своими размерами... Пока поезд пришел почти *пустой*.

(25) Она ушла *надутая* и *злая* в комнату...

Вероятность, что говорящий был свидетелем ситуации или живо ее себе представляет, резко повышается в присутствии интенсификаторов типа *совсем*. Поэтому пример (26в) с согласованной формой гораздо естественнее, чем (26г), где использован творительный падеж:

(26) а. Он пришел *пьяный*;

б. Он пришел *пьяным*;

в. Он пришел *совсем пьяный*;

г. ?Он пришел *совсем пьяным*.

Все примеры – из [Никольс 1985: 383]. Дж. Никольс оценивает предложение (г) как аномальное. Мы думаем, что оно просто несколько странно в нейтральном контексте. Нетрудно вообразить ситуации, когда эта фраза будет даже лучше, чем (в). Ср.: *После выпитого пива, водки и шампанского он пришел домой совсем *пьяным (*пьяный)*⁵.

Ниже мы увидим, что если вместо согласованной формы используется творительный падеж и признак, который с предикативным именем связан, носит *п о с т о я н н ы й*, заведомо не временный характер, то творительный падеж используется ради того, чтобы отказаться от предполагаемой в согласованной форме “наблюденности”. Отсюда вытекает, что если последняя подразумевается контекстом независимо от выбора формы предикативного имени, то творительный падеж будет прогадывать согласованной форме – и тем ощутимее, чем больше говорящий вовлечен в данную ситуацию, чем труднее о ней сказать, не помня о говорящем. Так, в

(27) ...я увидел, какой неотвратимый губительный путь – был путь поцелуя, начатого у замка князей Гонсиоровских... (И. Бабель)

согласованная форма *неотвратимый губительный путь* во многом диктуется наличием *я увидел*: будь здесь сказано ...*догадался*..., творительный падеж (...*догадался, каким неотвратимым губительным путем был путь поцелуя*...) стал бы значительно более уместным; еще уместнее он бы оказался при ...*я начал (смутно) догадываться*... или другом подобном обороте, устанавливающем между ментальным миром говорящего (куда и помещается описываемое) и миром его опыта еще большую дистанцию.

Особенно показательны следующие примеры:

(28) а. Он был *старый хрыч*;

б. ?Он был *старым хрычом*.

(29) а. Он был *грубиян*;

б. Он был *грубияном*.

Различие между странной фразой (28б) и приемлемым (29б) можно объяснить тем, что *старый хрыч* – очень экспрессивный оборот, который предполагает эмоциональную вовлеченность говорящего, а следовательно – и то, что говорящий ситуацию живо себе представляет; с другой стороны, *грубиян* – термин более дескриптивный, не требующий с такой силой живого представления о соответствующей ситуации.

Этот контраст между *старым хрычом* и *грубияном* хорошо виден в посторонних примерах (30–32), где попытка использовать выражение *старый хрыч* дескриптивно – как имя класса или представителя класса – оказывается несостоятельной:

⁵ Знаками “+” и “–” маркируются, соответственно, предпочтительный и менее желательный варианты. Многие из разбираемых ниже примеров удобнее квалифицировать именно в терминах предпочтительности (в данном контексте или в отсутствие предзаданного контекста), а не в категориях приемлемости – малопримлемости – аномальности. Если два варианта пишутся через косую черту и специальными пометами не снабжены (как, например, в *Он был дурак/дураком*), то подразумевается, что в отвлечении от реального контекста или при оговоренном конкретном контексте они более или менее равноправны.

- (30) а. Не терплю грубиянов;
 б. ^{??}Не терплю старых хрычей.
- (31) а. Покажи мне грубияна – и я его осажу;
 б. ^{??}Покажи мне старого хрыча – и я выужу из него любезность.
- (32) а. Встретив отпор, грубиян (всегда) тушует;я;
 б. ^{??}Когда просят одолжить деньги, старый хрыч (всегда) отказывает (предполагается, что речь идет о хрычах вообще, а не о конкретном человеке, как в примере *Этот старый хрыч мне отказал*).

С изложенной точки зрения объясним и целый ряд других фактов.

Так, согласуемая форма, именно потому, что она предполагает вовлеченность в ситуацию говорящего, нежелательна в имперсональных стилях – официальном и научном. Например, фраза (33а) звучит менее, а (33б) – более формально (отмечено в [Никольс 1985: 361]):

- (33) а. Он был грустный;
 б. Он был грустным.

В милицеском протоколе вероятнее всего будет сказано (34б), а не (34а):

- (34) а. Иванов явился на работу пьяный;
 б. Иванов явился на работу пьяным.

В научном стиле согласованная форма тоже систематически избегается, ср. пример из [Никольс 1985: 363]:

- (35) Знание родной истории было очень высоким ([?]высокое) в древней Руси... (Д.С. Лихачев).

В примерах

- (36) Еще неизвестно, что лучше: точно знать – твой сын или мужик *убитый* лежит, или не знать ничего.

(37) Приходим мы под утро с “поиска”, а мне говорят: Колю *убитого* принесли, по мнению Дж. Никольс [1985: 382–383], выбор согласованной формы определяется, во-первых, разговорным стилем, во-вторых, тем, что предикативное имя находится перед глаголом. Мы думаем, что, с одной стороны, второе вытекает из первого, т. е. препозиция предикативного имени по отношению к глаголу является одной из характерных черт разговорного стиля, а с другой стороны – что разговорность влияет на выбор согласованной формы не прямо, а опосредованно, поскольку разговорный стиль ощутимо ориентирован на говорящего-наблюдателя и на предельную наглядность, на описание того, чему говорящий сам оказался свидетелем.

Другой хорошо объяснимый факт состоит в том, что вероятность согласованных форм резко повышается в сочинительном ряду (причем пропорционально развернутости этого ряда). Ясно, что чем больше признаков приписано контролеру, тем подробнее и, следовательно, образнее мыслится ситуация. Ср. примеры из [Никольс 1985: 374, 383]:

- (38) Снег был сухой, рассыпчатый, желтоватый.
 (39) Друзья привели его домой пьяного, избитого, расцарапанного.

Далее, предсказуемо, что согласованная форма будет избегаться при отрицании: зримо себе представить ситуацию, которой нет, достаточно трудно (хотя это и не исключено, так что согласованная форма в соответствующих контекстах скорее экзотична, чем неприемлема). Ср. (примеры – из [Никольс 1985: 365, 380]):

- (40) а. Он был дураком/дурак;
 б. Он не был ⁺дураком/Гдурак.
- (41) а. Машину взвешивают пустой/пустую;
 б. Машину не взвешивают ⁺пустой/Гпустую.
- (42) а. (Не купил ничего поесть?) И сиди голодным/голодный;
 б. Не сиди ⁺голодным/Гголодный, поешь что-нибудь.

По аналогичной причине из трех глагольных наклонений согласованию предикативного имени в наибольшей степени благоприятствует изъявительное, а в рамках изъявительного согласованная форма чаще появляется там, где речь идет о р е а л ь н ы х (не-

желательных, предполагаемых и т. п. ситуациях; ср. [Никольс 1985: 365–366]). В иных случаях обычно предпочитается творительный падеж. Ср.:

(43) а. Ты вчера был веселым/веселый;

б. Будь веселым (°веселый).

(44) а. Из клоунов Карандаш был самым веселым/самый веселый;

б. Кто из клоунов был самым +веселым (~самый веселый)?

(45) а. На работе он всегда был сосредоточенным/сосредоточенный;

б. На работе он должен быть всегда сосредоточенным (°сосредоточенный).

(46) а. Она пришла туда °веселой и красивой/°веселая и красивая;

б. Она хотела прийти туда +веселой и красивой/веселая и красивая.

2.3.2. Посмотрим теперь, какие следствия вытекают из пункта (б) в нашем определении концепта (9). Напомним, что, согласно (9б), концепт служит для и д е н т и ф и к а ц и и соответствующих объектов.

Допустим, что предикативное имя в согласованной форме приписывает контролеру признак заведомо п о с т о я н н ы й, как во фразах

(47) Джон был канадец.

(48) По натуре она была добрая.

Как мы уже говорили, при любых реализациях интересующей нас модели (7) *К есть P* контролер *К* должен получать референцию независимой от признака *P*, еще до того, как последний будет ему приписан. Отсюда видно, что когда *P* приписывает контролеру постоянный признак, то, хотя он, согласно толкованию (8), слит с контролером в единый концепт, для идентификации контролера он совершенно бесполезен.

Картина радикально меняется, если признак *P* окажется временным, как, допустим, в

(49) К утру белье было сухое.

(50) Он был бледный⁶.

Если при п о с т о я н н о м признаке денотативная отнесенность концепта *К* и концепта [КР] (т. е. *К* вместе со свойством *P*) совпадает, то при признаке временном сам по себе концепт *К* и этот же концепт, обогащенный свойством *P*, по референциальным свойствам р а з л и ч н ы. *К* – это соответствующий объект во все времена его существования, а [КР] – это тот же объект, но только в период, когда ему присуще свойство *P*. Таким образом, если мы используем структуру (7) *К есть P* с согласованной формой *P*, то говорим по существу не о *К*, а о [КР], т. е. о *К* в один из периодов его существования, когда у него нет свойства *P*, однако такая смысловая надбавка не т р е б у е т с я структурой (7), и, учитывая принцип “языковой лени” (к осмыслению высказывания привлекается столько контекстного материала, в частности разных предположений и допущений, сколько н е о б х о д и м о, чтобы получить нечто информативное; см. особенно [Sperber, Wilson 1986]), появление этой надбавки маловероятно.

В итоге оказывается, что, сообщив (7) *К есть P*, говорящий имеет в виду *К* на одном временном срезе, когда оно обладает признаком *P*, а об иных фазах существования *К* не заботится. Поэтому при использовании согласованной формы ситуация предстает как “изолированная”, не соотношенная с другими, имеющими место в другие времена, ситуациями. Если же такая соотношенность требуется контекстом, вероятен творительный падеж (ср. [Тимберлейк 1985: 278–282]). Например, ниже в предложениях (а) благодаря присутствию согласованной формы ситуация ощущается нами как “изолированная”, обособленная от всего, что было до и будет после, а в (б), где контекст этому противоречит, согласованная форма маловероятна:

(51) а. Иван пришел веселый;

б. Иван пришел +веселым/веселый – а ушел туча тучей.

(52) а. Машину взвешивают пустую;

⁶ Ниже, если не оговорено и не очевидно иное, предполагается, что в разбираемых примерах согласованное предикативное имя говорит именно о временном, а не постоянном признаке.

б. Машину сначала взвешивают ⁺пустой/пустую, а потом – ⁺нагруженной/нагруженную.

Подводя первые итоги, можно сказать, что, в силу своего значения согласованная форма предикативного имени сигнализирует, во-первых, о “наблюденности” ситуации, а во-вторых – о ее “изолированности”. Этими свойствами согласованной формы объясняется не только ее поведение в рассмотренных примерах, но и многое другое, в том числе особенности предикативного творительного падежа, которым мы сейчас займемся и значение которого, мы думаем, формируется прагматически – как отрицание всего того, что способна нести согласованная форма.

3. Давно признано, что творительный падеж – самый бедный по значению, “немаркированный” [Якобсон 1985; Kilby 1986]. Это не значит, что он семантически “пуст”, однако во многих случаях, в том числе и при предикативном употреблении, значение творительного падежа совершенно тривиально, т. е. он не вносит в предложение ничего такого, что бы в нем загодя не содержалось. Поэтому можно все-таки считать, что никак о своего значения у творительного падежа нет. Подробно эти тезисы обосновываются в [Зельдович 2005].

Важное замечание. В работе [Зельдович 2004] речь идет о творительном падеже существительных, а творительный падеж прилагательного остается за кадром, так как предикативные формы там не рассматриваются, а в случае обычного согласования прилагательного с существительным он едва ли несет смысловую нагрузку, разве что сигнализирует о зависимости прилагательного. В предикативных конструкциях, где могут употребляться и прилагательные, их падеж не привязан к падежу существительного, и логично ожидать, что у него есть свое значение – причем того же рода, что и значение падежной формы существительных.

Сравнивая согласованную предикативную форму и творительный падеж, нужно обратить внимание на две вещи. Во-первых, обе формы говорят в общем об одном и том же: приписывают *K* некоторое свойство. Во-вторых, семантика творительного падежа, будучи, как мы условились считать, “нулевой”, полностью влагается в семантику согласованной формы.

Известно (см. в особенности [Levinson 2000]), что если для двух единиц U_1 и U_2 выполняются эти условия – U_1 и U_2 говорят “об одном и том же” и единица U_2 логически имплицируется единицей U_1 , – то U_1 и U_2 формируют так называемую Хорнову шкалу.

Важное для нас прагматическое свойство Хорновых шкал состоит в том, что если говорящий употребил более слабую единицу U_1 , то этим сигнализируется неуместность U_2 . Например, есть шкала <некоторые; все>. Если кто-то скажет *Некоторые гости уже пришли*, то нормально подразумевается, что нельзя (неверно) сказать *Все гости пришли*. Другой пример такой шкалы – <возможность; необходимость>. Если кто-то говорит, что какое-то событие возможно, это следует понимать в том смысле, что оно не необходимо; например, фраза *Ивана могут назначить директором* имплицирует ‘нет необходимости (по крайней мере – с точки зрения говорящего), чтобы Ивана назначили директором’.

Отсюда следует, что употребление творительного падежа вместо согласованной формы должно диктоваться нежеланием говорящего выразить какой-то смысл, связанный с последней: творительный падеж будет уместен там, где нежелательна либо “наблюденность”, либо “изолированность” ситуации. В первом случае творительный падеж имеет своего рода десубъективизирующий характер, а во втором, отказываясь мыслить объект *K* только на временном срезе, где у него имеется свойство *P*, мы получаем ту ситуацию *K есть P* с какой-то другой ситуацией, на которую давно указывали исследователи.

Рассмотрим примеры.

Интуитивно нет сомнений, что в

(53a) Он был злой человек

говорящий видит ситуацию через призму своего опыта, своих впечатлений, между тем как в

(53б) Он был злым человеком

творительный падеж скорее всего употреблен для того, чтобы от этого импрессионистического оттенка избавиться. Вероятность, что творительный падеж нужен в (53б) для соотнесения данной ситуации с чем-то другим, ничтожна, поскольку ‘быть злым человеком’ – постоянное качество, и если мы захотим сравнить то, о чем тут сказано, с чем-то другим, придется мыслить ситуацию, когда данного человека еще не было или – скорее – уже не было в живых. Это очень странно, поскольку в таком случае никакая соотносимая с (53б) ситуация не будет иметь с (53б) ничего (нетривиально) общего, а потому и всякое соотнесение утрачивает смысл.

Таким образом, если с помощью *P* обозначен постоянный признак, роль творительного падежа с необходимостью сводится к отмене “наблюденности”, “данности в опыте”.

Замечание 1. Этим, кстати, объяснимо, почему в примере

(54) Он был лошадь (?лошадью)

из [Никольс 1985: 360] и во многих подобных метафорических выражениях, где речь идет о постоянном признаке, творительный падеж плох: метафоричностью как раз предполагается та “данность в опыте” (пусть и воображенном, “картинность”, без которой говорящий не мог бы обнаружить сходство двух ситуаций (реальной ситуации и ситуации-метафоры, ситуации-“заместителя”) и без которой не построил бы метафору.

Замечание 2. Как мы говорили, “данность говорящему в опыте” предполагает минимум двукратное соединение *K* и *P* в его сознании. Там, где это соединение оказывается неожиданным, предпочтительнее не согласованная форма предикативного имени, а творительный падеж. Поэтому в следующем тексте, где автор все описанное видит впервые (и вдобавок оно его удивляет), хорош творительный падеж *узким*, согласованная же форма *узкий* прозвучала бы странно: *Отдышавшись, я пошел по гребню, бесплодно-каменистому, как лунная поверхность. Он был узким и казался таким хрупким, что было страшно, как бы он подо мной не обломался* (Ф. Искандер).

Иначе выглядит дело там, где признак *P* – временный. Ср.:

(55) а. Он был злой/больной/разъяренный;

б. Он был злым/большим/разъяренным.

С одной стороны, творительный падеж в (б) может быть выбран для отказа от “наблюденности”. С другой стороны, если мы “наблюденность” жестко зафиксируем в контексте (например, с помощью оборота ...*как сейчас вижу*...), то хорошо почувствуем, что творительный падеж соотносит данную ситуацию с чем-то более ранним или/и поздним:

(55в) Он – как сейчас вижу – был злым/большим/разъяренным.

Попытка отменить эту соотнесенность ведет к неприятностям, ср.:

(55г) Ничего другого не помню. ³Только как сейчас вижу – он был злым/большим/разъяренным (⇒ злой/больной/разъяренный).

Обратим еще внимание, что в (55б) вероятность, что творительный падеж используется для отказа от “наблюденности”, для прилагательных *злым*, *большим* и *разъяренным* – неодинакова. Слово *разъяренный* из-за своей экспрессивности в гораздо большей степени, чем первые два, предполагает, что ситуация говорящим наблюдалась [ср. хотя бы: *Может быть (Кажется), шеф сейчас злой – не ходи к нему; Может быть (Кажется), Иван болен; ³Может быть (Кажется), он сейчас разъярен*]. Именно поэтому для предложения *Он был разъяренным* более естественна интерпретация в том смысле, что ‘...был разъяренным после какого-то происшествия’.

Вот еще один пример, иллюстрирующий использование творительного падежа ради соотнесения:

(56) а. Не хочу ложиться спать одетый;

б. Не хочу ложиться спать одетым.

Очевидно, несмотря на нетипичность ситуации ‘говорящий будет спать в одежде’, она, поскольку говорящий является ее участником, скорее всего мыслится как “наблюдае-

мая”, данная в (мысленном) опыте. Творительный же падеж *одетым* сигнализирует, что, произнося (56б), говорящий имеет в виду нечто предшествующее данной ситуации или/и нечто, что за ней последует. Поэтому (56б) гораздо скорее, чем (56а), способно нести смысл типа ‘не хочу ложиться спать одетым, чтобы одежда не была потом мятой’ и с гораздо меньшей, чем (56а), вероятностью, значит, допустим, ‘не хочу ложиться спать одетым, потому что так спать неудобно’.

То же свойство творительного падежа представлять ситуацию в соотнесенности с иным ответственно за контраст в примерах (57):

(57) а. Он встал из-за стола голодный/голодным;

б. Он встал из-за стола ⁺раскрасневшийся/раскрасневшимся.

Абстрактно говоря, две интересующие нас формы имеют, в зависимости от интенций говорящего, примерно равные шансы быть употребленными в предложении (а), зато в (б) явно предпочтительна согласованная. Дело в том, что в (а) состояние ‘он голоден’ очень естественно соотносится с имеющейся здесь ситуацией ‘он сидел за столом (и ел)’, а состояние ‘он раскрасневшийся’ соотносится с этой ситуацией весьма трудно (разве что известно, что за столом изрядно было выпито), и для употребления творительного падежа требуется найти иную, не данную так явно соотнесенную ситуацию.

Заметим еще, что с изложенной точки зрения хорошо объясним известный факт, что “темпорально-соотносительные” частицы типа *уже* и *еще* делают очень вероятной именно форму творительного падежа, ср.:

(58) На собрание он пришел *уже* (еще) ⁺спокойным/спокойный.

4.0. Все сказанное требует еще двух важных оговорок, без которых нам не удастся объяснить материал во всей его сложности.

4.1. Во-первых, нельзя думать, что соотнесенная ситуация *S'* всегда имеет место в том же возможном мире, что и ситуация *K есть P* (в реальном, если *K есть P* реально, и том же ирреальном, если *K есть P* модализовано).

Действительно, в норме *S'* помещается в тот же самый мир: во-первых, в таком мире обычно больше смысла имеет соотносительность *S'* и *K есть P* (как правило это причинные связи или контраст); во-вторых, если *K есть P* реально и есть хорошие предпосылки, чтобы и *S'* поместить в реальный мир, это очень вероятно: последний среди возможных миров если не лучший, то наверняка отчетливо привилегированный [Stalnaker 1981].

Если, однако, контекстом подсказывается, что ситуации *K есть P* противостоит *S'* из иного мира, то сигнализируемая творительным падежом соотносительность реализуется именно таким, необычным, образом.

Общая черта контекстов, где это возможно, состоит в том, что признак *P* явно или скрыто, но достаточно отчетливо противопоставляется признаку *не-P*. Говоря “отчетливо противопоставляется”, мы имеем в виду следующее. Очевидно, что при любом утверждении *K есть P*, какую бы форму ни имел компонент *P*, этот признак ставится в оппозицию о т с у с т в и ю *P*, и с этой точки зрения требование об “отчетливой противопоставленности” *P* и *не-P* бессмысленно. Речь, следовательно, идет не просто о такой оппозиции, а еще о дополнительном условии, что ситуация *K есть P* чем-то говорящего у д и л я е т, поскольку в силу каких-то причин можно было ожидать, что имеет место обратное, *K не есть P*.

Наиболее просты примеры типа (59), где есть явное противопоставление (и предикативное имя почти наверняка акцентировано):

(59) а. Овощи в Болгарии едят сырыми (а не тушеными и т. д.)⁷⁷ сырые;

б. Белый гриб хорош жареным (а не маринованным и т. д.)⁷⁸ жареный.

Кроме того, есть примеры, где ситуация *K есть P* настолько необычна, так отходит от наших стереотипов, что даже без противопоставления и акцентного выделения соответствующих слов тут же заставляет мыслить (причем как нечто вообще-то нормальное, ожидавшееся) ситуацию *K не есть P*. В этом случае не только возможен, но и предпочтителен (почему – будет видно ниже, в п. 4.2) творительный падеж.

Сравним примеры (адаптированные из [Никольс 1985: 372]):

(60) а. Дубняки стояли ⁺одетые/одетыми в свой наряд, зеленый и яркий;

б. Дубняки стояли ⁻одетые/⁺одетыми в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Предпочтительность творительного падежа в (б) вызвана аномальностью ситуации: она такова, что немедленно приводит на мысль “нормативную”, типа ‘наряд зеленый и яркий’. В (60а) похожего мотива, чтобы употребить творительный падеж, нет, и потому для его появления требуется вообразить иную соотношенную ситуацию, характер которой, если для (60а) не зафиксирован более широкий контекст, неясен. Аналогичен пример (61), где в (б), поскольку ситуация ненормативна, вероятнее творительный падеж, а в “стереотипном” (а) – согласованная форма:

- (61) а. Чашки стояли ⁺чистые/чистыми;
б. Чашки стояли ⁻грязные/⁺грязными.

Вот другая иллюстрация обсуждаемого тезиса:

- (62) а. Банка стояла перевернутой;
б. Шхуна лежала у берега перевернутой.

- (63) а. Сыр лежал завернутым в бумагу;
б. Сыр лежал завернутым в древнеегипетский папирус.

Контраст между предложениями (а) и (б) заключается здесь в том, что в первом случае, поскольку описываемая ситуация более или менее нормальна (банку часто переворачивают, чтобы высушить, сыр часто заворачивают в бумагу), соотношенную ситуацию S' надо искать в реальном мире, до или после ситуации, которая описана, т. е. фразы (а) скорее всего будут интерпретированы в том смысле, что говорящий мыслит себе эту же банку и этот же сыр в другие времена их существования; между тем фразы (б), описывающие нечто астеротипное (для судна не нормально лежать у берега перевернутым; еще аномальнее заворачивать сыр в папирусы), в гораздо меньшей степени предполагают подобной прочтение и в большей – прочтение в духе ‘ситуация сравнивается с противоположной, которая нормальна; говорящий удивлен’.

Аналогично обстоит в примере (64) (с легкими изменениями взятом из [Никольс 1985: 373]):

- (64) Неожиданно для себя Полина рассмеялась – настолько нелепыми были слова Люсьен.

Может показаться, что творительный падеж сигнализирует здесь о соотношенности между ситуациями ‘слова были нелепыми’ и ‘Полина рассмеялась’. Это не исключено, но и в

(64') Слова были чудовищно нелепыми творительный падеж тоже весьма вероятен – ибо эта ситуация немедленно соотносится со стереотипом ‘слова (должны быть) разумны’.⁷

4.2.1. Другое важное обстоятельство заключается в следующем.

Мы говорили, что согласуемая форма сигнализирует, во-первых, о “наблюденности” ситуаций, во-вторых – о том, что ситуацию *К есть Р* говорящий мыслит “изолированно”, т. е., употребляя согласуемую форму, он мыслит *К* лишь на том временном промежутке, когда у *К* есть свойство *Р*. С другой стороны, творительный падеж может использоваться для отказа и от первого, и от второго (и, разумеется, от первого и второго разом).

Однако шансы, что творительный падеж снимет “изолированность” и будет указывать на соотношенность ситуации *К есть Р* с чем-то иным, – эти шансы не совсем высоки.

Две мыслимые интерпретации творительного падежа прагматически одинаково доступны: соответствующая согласованная форма в равной степени несет и идею “наблю-

⁷ В оригинальном примере Дж. Никольс положение более запутанное. Пример выглядит так: *Неожиданно для себя Полина рассмеялась – настолько нелепым было сказанное Люсьен*. Здесь выбор творительного падежа может диктоваться не только описанным выше фактором, но и чисто стилистической неловкостью согласованной формы при подлежащем-причастии (??...*нелепое было сказанное Люсьен*). Это, впрочем, та ситуация, когда реальной конкуренции между согласуемой формой и творительным падежом нет, а такими случаями мы не занимаемся.

денности”, и идею “изолированности”, и какую из них “отменит” творительный падеж, решается прагматическим принципом информативности: из интерпретаций выбирается та, которая больше обогащает нашу когнитивную среду (см. особенно [Sperber, Wilson 1986]).

По своей информативности смысл ‘ситуация дана говорящему в (возможно, виртуальном) опыте’ / ‘ситуация не дана говорящему ни в каком опыте’ и смысл ‘говорящий мыслит ситуацию изолированно’ / ‘ситуация соотносится с другой ситуацией’ совершенно несопоставимы.

Дана ли ситуация говорящему в (возможно, воображенном) опыте, зависит целиком и полностью от воли говорящего: ему достаточно напрячь воображение и представить себе данную ситуацию или – в крайнем случае – другие языковые сообщения об этой ситуации – как сразу же появляется хороший мотив, чтобы употребить согласованное предикативное имя. Поэтому представление ситуации как данной в опыте никогда не может оказаться ни ложным, ни даже некорректным (неуместным).

Между тем информативность любого сообщения *I* определяется именно тем, что в данной ситуации сообщение *не-I* было бы или неправдой, или по крайней мере чем-то неуместным.

С другой стороны, если мы соотносим ситуацию *К есть Р* с каким-то (контекстно всегда конкретизированным) *S'*, то такое соотнесение может быть некорректно, бессвязно, т. е. оказаться чем-то вроде “в огороде бузина, а в Киеве дядька”. (Собственно ложным оно скорее всего никогда не окажется). Поэтому информация об изолированности или соотнесенности ситуации *К есть Р* – гораздо менее тривиальная и более ценная, чем информация о “наблюденности” – “не-наблюденности”. Поэтому можно думать, что в большинстве случаев творительный падеж будет выбираться или отвергаться именно в зависимости от того, мыслит ли говорящий ситуацию *К есть Р* в соотнесении с другой ситуацией *S'*. (При этом, если соотнесение имеет место и творительный падеж действительно употреблен, ничто не мешает, когда контекст этого настоятельно требует, мыслить ситуацию как данную говорящему в опыте – точно так же, как при употреблении согласованных форм.)

Так, например, в паре предложений

(65) а. Милиция привела его домой пьяного;

б. Друзья привели его домой пьяным

вторым скорее имплицитно подразумевается не отказ от “наблюденности”, а соотнесенность. Как пишет Дж. Никольс [1985: 364; отсюда же и взяты примеры], “[в]о втором предложении говорится о том, что друзья выпивали вместе с ним, видели, как он становился пьяным (следовательно, видели его и не пьяным. – Г.З.), или напоили его, а затем привели домой”. С другой стороны, фраза (а) не подразумевает никакой истории: ситуация ‘он пьяный’ выхвачена из потока событий и представлена в изоляции. Поэтому только текст (б) легко допускает расширение, отсылающее к прежним событиям:

(65') а. Милиция привела его домой пьяного. Могу себе представить, какую они с друзьями закатили гулянку;

б. Друзья привели его домой пьяным. Могу себе представить, какая у них была гулянка.

Точно так же, не наблюдаемостью (которая почти наверняка всюду есть), а наличием или отсутствием соотнесенности диктуется предпочтение творительного падежа или от него отказ в следующих примерах:

(66) а. Я был такой же мокрый/таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку;

б. Через пять минут я был такой же мокрый/таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

(67) а. Он выбежал от нас разъяренный/разъяренным;

б. После всего происшедшего он выбежал от нас разъяренный/разъяренным.

В примерах (а) неясно, мыслится ли ситуация в соотносительности с другими, и согласуемая форма и творительный падеж практически равновероятны, а в (б), где соотносительность налицо, ощущимо лучше творительный падеж.

Наличием соотносительности объяснимо и преимущество творительного падежа в (68) – несмотря на указание, что ситуация наблюдалась:

(68) Он не встанет рано (S') – все видели, как он с вечера пришел домой ¹пьяный/с пьяным.

Несколько иного рода, но по существу подобны примеры (69–70) (с небольшими изменениями заимствованные из [Никольс 1985: 367]):

(69) а. Следующая деревня и была ¹Гончаровкой/Гончаровка;

б. Следующая деревня была Гончаровка/²Гончаровкой.

(70) а. Это и называется ¹велосипедом/Г велосипед;

б. Это называется велосипед/²велосипедом.

В примерах (а) – из-за присутствия частицы *и* – предполагается какая-то история, и признаки ‘быть Гончаровкой’ и ‘называться велосипедом’, хотя вообще-то они постоянные, предстают как сиюминутные, что-то вроде ‘для кого-то (для кого раньше эта деревня была неизвестна) эта деревня является Гончаровкой’, ‘для кого-то (кто раньше этого не знал) это называется велосипедом’, причем время, когда данное знание есть, соотносится с временем, когда его не было. Поэтому во фразах (а) вероятен творительный падеж, а в (б) предпочтительна согласованная форма. [Впрочем, и здесь творительный падеж, конечно, уместен, если предполагать все то, о чем в (а) сигнализировала частица *и*.]

Вспомним уже разбиравшиеся примеры (60–61). Как мы говорили, в предложениях (60а–61а) больше вероятности, что будет использован творительный падеж. Обстоит так потому, что здесь описанная ситуация аномальна, она почти наверняка мыслится на фоне другой ситуации-стереотипа, и, конечно, сравнивать наличное положение вещей с представлением о норме – совершенно корректно. В таких условиях согласуемая форма с ее “изолированностью”, в данном случае “как бы не-учетом” стереотипа, не очень желательна.

Несколько иного рода примеры (71–72):

(71) ¹Взрослым/Взрослый я там не был.

(72) ¹Первым/Первый на собрание пришел Иван.

Здесь сама семантика слов *взрослый* и *первый* подразумевает, что ситуация соотносена с чем-то другим – с детством говорящего и с приходом кого-то другого, а не Ивана. Поэтому тут тоже более уместен творительный падеж.

По причинам сходного характера предрасполагает к употреблению творительного падежа, а не согласованной формы слово *оказаться*, ср.:

(73) Он оказался мошенником/²мошенник

(пример из [Никольс 1985: 373]). Сам по себе признак ‘быть мошенником’ – почти наверняка постоянный для данного человека, так что с этой точки зрения говорить о соотносительности ситуаций не приходится; однако в семантике (73), помимо смысла ‘он был мошенником’, есть еще информация, что, в первом приближении, ‘в какое-то более раннее время для говорящего или иного субъекта не было очевидно, что он мошенник’ и что ‘в какое-то более позднее время для говорящего или иного субъекта это было (стало) очевидно’. Таким образом, фразой (73) предполагается тот ментальный мир, в котором в одно время имеет место данное *К есть Р*, а в другое время – нет, причем именно контраст первого со вторым акцентируется словом *оказался*; даже если предположить здесь “наблюдаемость”, все равно предпочтительна форма творительного падежа.

Чтобы более или менее уравнять шансы, нужно затратить некоторые дополнительные усилия, с п е ц и а л ь н о просигнализировать, что “наблюдаемость” говорящему важна, – как, например, в

(73') Он оказался *такой* мошенник/*таким* мошенником!

(адаптировано из [Никольс 1985: 373]), где слово *такой* прямо сообщает о вовлеченности говорящего в ситуацию и, следовательно, о ее “наблюдаемости”, а потому творитель-

ный падеж (употребляемый ради соотнесенности) и согласуемая форма становятся примерно равновероятны.

Там, где соотнесенность ситуаций неестественна, творительный падеж, в согласии с нашими рассуждениями, оказывается неуклюж – даже в том случае, если за ним усматривать “снятие наблюдаемости”; ср.:

(74) Сам я в глаза его на том вечере не видел, но, может быть, его странные выходки объясняются тем, что он был ⁺пьяный/пьяным.

(75) Он пришел ⁺одетый/ одетым в порфиру.

Пример (74) не требует комментариев, во фразе же (75) порфира – нечто настолько редкое, выходящее из ряда, что все внимание наблюдателя должно скорее всего сосредоточиться на том времени, когда персонаж одет в порфиру (иначе – в *Он пришел ⁻одетый/⁺ одетым в пиджак*).

Замечание. На первый взгляд, пример (75) сходен с (636) *Сыр лежал завернутым в древнеегипетский папирус*, где ситуация ненормальна и поэтому предпочитается творительный падеж. Тогда неясно, почему здесь обстоит обратным образом. На самом деле есть огромная разница: для папируса действительно ненормально, чтобы в него заворачивали сыр, а для порфиры, чтобы в нее оделись, – совершенно нормально. Разумеется, можно для (75) считать, что именно данный персонаж не должен вообще-то так облачаться, но это совершенно необязательно; если предполагать такой вариант, то предпочтительной оказалась бы, конечно, форма творительного падежа, ...*одетым (в порфиру)*, – точно так же, как в (636).

Вот другой подобный пример:

(76) Ивана, по слухам, допрашивали больного/^{??}больным.

Появись в контексте ситуация, с которой можно было бы корректно соотнести ‘Иван болен’, творительный падеж оказался бы приемлем, ср.:

(76') Ивана, по слухам, забрали в тюрьму здоровым, а допрашивали уже больным.

Однако в (76) такой ситуации не видно, и потому, хотя вводный оборот *по слухам* делает маловероятным, чтобы говорящий зримо представлял себе ситуацию, лучше употребить согласованную форму.

Замечание. При этом согласованная форма как всегда имеет оттенок “наблюдаемости”, и с этим говорящий вынужден просто примиряться. Вспомним [Мельчук 1995: 156], что нередко та или иная лексическая или грамматическая единица выбирается не потому, что она соответствует потребностям говорящего, а потому, что она им не противоречит. Примириться с такой “сверхабонементной наблюдаемостью” тем легче, что, как мы говорили, решение, представить ли ситуацию в качестве “наблюдённой” или нет, целиком зависит от произвола говорящих.

4.2.2. Особенно наглядным свойство творительного падежа соотносить ситуацию с иными становится там, где (а) такое соотнесение имеется в контексте; (б) оно тривиально – т.е. сама по себе структура *К есть Р*, взятая безотносительно к выбору формы предикативного имени, никоим образом не может быть осмыслена без соотнесения. В такой ситуации употребление творительного падежа весьма проблематично.

Вспомним, что творительный падеж и согласованная форма предикативного имени формируют Хорнову шкалу. Творительный падеж является ее слабым членом и употребляется для того, чтобы отказаться от чего-то присутствующего в значении согласованной формы, причем более вероятен – ибо более информативен – отказ от “изолированности”.

Если же имеются названные выше условия (а) и (б), то отказ от последней с помощью творительного падежа невозможен: с одной стороны, как мы уже говорили, эффект “изолированности” у согласованной формы возникает прагматическим путем, а с другой – (ожидаемые вообще-то) имплицатуры не появляются, если этому препятствует контекст. Творительный падеж не может быть употреблен, чтобы просигнализировать “не?изолированность”, а учитывая неизмеримо большую информативность как раз этого мотива – практически не может употребляться вообще.

Так обстоит в примере (77б):

(77) а. Машины здесь продают новыми;

б. [?]Машины здесь продают старыми (\Rightarrow старые).

Различие между этими столь похожими и в то же время контрастными фразами – в том, что для ситуации ‘К новый’ соотноситься с ‘К старый’ (самый вероятный кандидат в соотносительные ситуации) – вещь не тривиальная: *K*, который нов, может и не дожидаться своей старости. Между тем информация ‘К старый’ (в применении к машине, старость которой может быть не столько видна, сколько измерена возрастом, пробегом и т.д.) почти наверняка предполагает, что *K* мыслится и в другие времена, отличные от времени его старости. Так возникает тривиальность, мешающая в (77б) употреблению творительного падежа. Тем же самым обусловлена и его крайняя неловкость в примерах (78–79):

(78) [?]Машины здесь продают крадеными (\Rightarrow краденые).

(79) [?]Хлеб здесь продают вчерашним (\Rightarrow вчерашний).

Само то, что *X* – краденый, требует, чтобы *X* в более раннее время принадлежал другому (законному) владельцу. Состояние ‘быть вчерашним’ существует только в соотношении с предыдущим днем. Эти кандидаты на роль соотносительной ситуации *S'* и вполне корректны по своему содержанию, и наиболее доступны прагматически, поскольку даны в самой уже семантике предложений (78–79). И как раз поэтому и не нужен творительный падеж.

Обратим внимание, что степень аномальности (78–79) понижается, если добавить частицу *уже*:

(78¹) [?]Машины здесь продают уже крадеными.

(79¹) [?]Хлеб здесь продают уже вчерашним.

В таком случае соотношение ситуаций ‘машина находится у незаконного владельца O_2 ’ и ‘машина находится у (законного) владельца O_1 ’ и ситуаций ‘хлеб выпечен в предыдущий день’ и ‘хлеб выпечен сегодня’ происходит не только в силу семантики слов *краденый* и *вчерашний*, но и благодаря присутствию (не входящей в структуру *K есть P!*) частицы *уже*, а это значит, что оно в большей степени связано с выбором говорящего, вероятно с тем, что для последнего ситуация *S'* (‘машина находится у владельца O_1 ’, ‘хлеб выпечен сегодня’) чем-то о с о б е н н о актуальна (может быть, он себе ее живо представляет и т.п.) – т.е. актуальна в большей степени, нежели это предполагается просто значением слов *краденый* и *вчерашний*.

Еще лучше, если в конструкциях (78–79) появится какой-то не тривиальный и э к с п л и ц и т н ы й кандидат на роль ситуации *S'*. Ср.:

(78²) Машины они угоняют (*S'*) и продают их крадеными (что чревато неприятностями для покупателя).

(79²) Хлеб здесь прячут в день выпечки (*S'*) и потом продают вчерашним.

“Спасти” фразы (78–79) можно и иначе.

Выше мы говорили, что если данная ситуация *K есть P* явно отклоняется от стереотипа, то она, когда в *P* выступает творительный падеж, может соотноситься с “нормативным” *S'* (которое имеет место не в том же возможном мире, что *K есть P*). Почему же нечто подобное едва ли возможно для (78–79) – хотя описанные здесь ситуации не стереотипны?

По-видимому, дело в том, что (а) (78–79) сообщают о многократной, повторяющейся ситуации, и потому она, при всей необычности, уже в некотором смысле привычна и нормальна, а вместе с тем (б) в (78–79) нет эксплицитных указаний, что говорящий считает ее нарушением правил. Поэтому фразы типа (78–79) станут гораздо лучше, если с их помощью назвать о д н о к р а т н о е событие и устранить названный выше фактор (а); ср.:

(78³) Эту машину мне продали краденой.

(79³) Этот хлеб мне продали вчерашним.

Поправляется дело и тогда, когда устраняется фактор (б) и на ненормальность ситуации указывается более или менее прямо, например словами *вечно*, *всегда* (с сильным акцентом) или вводной конструкцией типа *вы только подумайте* – как это сделано в (80–81):

(80) Они всегда (вечно) продают хлеб вчерашним.

(81) Вы только подумайте – они продают хлеб вчерашним.
Это, впрочем, не касается фразы (78), ибо ее таким способом поправить не удастся, ср.:

(82) ?Машины здесь всегда (вечно) продают крадеными.

(83) ?Вы только подумайте – машины здесь продают крадеными.

Резонно полагать, что здесь, как и раньше, ситуация 'К есть Р' ('машины в момент продажи – краденые') соотносится с "нормативным" 'К не есть Р' ('машины – не краденые'). Однако мыслить последнее в данном случае можно, только предполагая серьезные изменения в ф о н о в о й, прямо не называемой ситуации: продавайся машины не крадеными, их бы продавали не те же люди, что продают сейчас. Видимо, это изменение слишком серьезно, чтобы предполагать его просто по умолчанию, как это делается в (82–83). (Разумеется, в (80–81) все иначе, поскольку сбывать хлеб и в день выпечки, и позднее могут одни и те же продавцы.)

Что касается приемлемого (78^{'''}) *Эту машину мне продали краденой*, где ситуация, в отличие от (82–83) о д н о к р а т н а, а референциальный статус машины к о н к р е т н ы й, то здесь говорящий интересуется (по крайней мере скорее, чем в (82–83), в п р а в е интересоваться) не столько действиями продавцов, сколько историей данного автомобиля, а он при продаже может быть и краденым, и нет. Обратим внимание, что предложение типа (78^{'''}) сильно ухудшается, если в нем появляется конкретный субъект продажи:

(78^{'''}) ?Эту машину мне какой-то жулик продал краденой.

Замечание 1. Впрочем, наш тезис, что при выборе между согласованной формой и творительным падежом больше веса имеет мотив изолированности/соотнесенности ситуаций, вполне верен лишь там, где иерархия мотивов устанавливается по умолчанию, в отсутствие контекстных факторов, которые способны вести к ее пересмотру. Поскольку же природа этой иерархии прагматическая, то всякое прямое указание на важность наблюдаемости оправдывает появление согласованной формы даже и там, где не подлежит сомнению соотнесенность ситуации. Так, предложения

(84) а. ?Он погиб молодой;

б. Он погиб молодым

(из [Никольс 1985: 373]) выражают смысл 'он погиб давно': если несчастье случилось, допустим, месяц назад, то ни (84а), ни (84б) не допустимы; в свою очередь, д а в н о с т ь сама по себе означает, что ситуация соотносится с тем, что есть сейчас. Отсюда – явное преимущество творительного падежа.

Тем не менее, шансы творительного падежа и согласованной формы заново уравниваются, если в предложении появится специальный показатель наблюдаемости, например слова *такой* или *совсем*; ср. пример (84в), который не хуже, чем (84б):

(84в) Он погиб такой (совсем) молодой!

Приблизительно так же объясним пример (85) из [Никольс 1985: 373] – с той разницей, что согласованной форме в (а) противоречит смысл подразумевающего соотнесение ситуаций слова *оказался*:

(85) а. ?Он оказался мошенник;

б. Он оказался мошенником;

в. Он оказался такой мошенник – кто бы мог подумать!

Замечание 2. Возникает вопрос: если, согласно нашим рассуждениям, значение творительного падежа формируется прагматически, т.е. и м п л к а т у р н о (в частности, имплицатурой является идея соотносительности ситуаций), то почему эти имплицатуры ведут себя гораздо жестче, оказываются гораздо устойчивее, чем хрестоматийные имплицатуры типа *некоторые* => 'не все', *может* => 'не должен' и т.п. Эти имплицатуры контекстом легко снимаются (ср.: *Некоторые – даже все – уже пришли; Иван может и должен это сделать*), а в примерах (78–79), если принять для них предложенное нами объяснение, имплицатура соотнесенности у творительного падежа ни в коем случае не отменяется, оставаясь на своем месте и продуцируя аномалию.

Почему имплицатуры творительного падежа ведут себя столь ригидно, мы объясняем в [Зельдович 2004]. В двух словах дело выглядит следующим образом: Если говорящий (предполагается, что он компетентный носитель языка) употребил творительный падеж предикативного имени, то, поскольку падежи – явление сугубо грамматическое и потому все падежи данного слова хорошо доступны компетентному носителю языка, выбор говорящего не мог быть случайным, не мог быть вызван тем, что данная форма в момент высказывания просто не подвернулась на язык.

Между тем при этом условии как раз и порождаются сильные импликатуры. Например, употребить слово *некоторые* во фразе

(86) Некоторые мои друзья программисты говорящий мог оттого, что в момент речи не вспомнилось слово *все*, и соответствующую импликацию легко снять:

(87) Некоторые – то есть даже все – мои друзья программисты. С другой стороны, если, допустим, выражением *долгий-долгий* создается импликация ‘не по-обычному долгий’, ‘очень долгий’, то оборот, который ее бы не породил, а именно – нередуплицированное *долгий*, – имеется уже в самом *долгий-долгий*, и использование последнего выражения уже ни в коем случае нельзя отнести на счет дефектов нашей памяти. Поэтому и импликация – сильная, ср. откровенно неудачную попытку ее отменить:

(88) До Южного полюса лежал еще долгий-долгий путь. *Впрочем, не хочу сказать, что он был особенно долгий.

5. Таким образом, очень многое (а может быть, и все – но это покажут или опровергнут дальнейшие исследования) в употреблении предикативной согласованной формы и предикативного творительного падежа удается объяснить, с одной стороны – привлекая аппарат современной прагматики, а с другой – исходя из нашей гипотезы, согласно которой, во-первых, согласованная форма сигнализирует, что соответствующий признак и представление, связанное с контролером, слиты для говорящего в единый концепт, а во-вторых, значение творительного падежа формируется отрицательным образом, т. е. он употребляется там, где говорящего что-то не устраивает в значении согласованной формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бульгина, Шмелев 1997 – Т.В. Бульгина, А.Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Бэбби 1985 – Л. Бэбби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Зельдович 2005 – Г.М. Зельдович. Русское предикативное имя. Тогул, 2005.
- Мельчук 1995 – И.А. Мельчук. Русский язык в модели “Смысл \Leftrightarrow Текст”. М., 1995.
- Никольс 1985 – Д. Никольс. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Никунласси 1993 – А. Никунласси. Именительный или творительный? Хельсинки, 1993.
- Тимберлейк 1985 – А. Тимберлейк. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Шведова 1952 – Н.Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Московского гос. ун-та. Вып. 150. Русский язык. М., 1952.
- Якобсон 1985 – Р.О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Barsalou 1987 – L. Barsalou. The instability of graded structure: implications for the nature of concepts // U. Neisser (ed.). Concepts and conceptual development: Ecological and intellectual factors in categorization. Cambridge, 1987.
- Barsalou 1992 – L. Barsalou. Frames, concepts, and conceptual fields // E. Kittay, A. Lehrer (eds.). Frames, fields, and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. Hillsdale, 1992.
- Gustavsson 1976 – S. Gustavsson. Predicative adjectives with the copula *byr'* in Modern Russian. Stockholm, 1976.
- Kilby 1986 – D. Kilby. The instrumental in Russian: On establishing a consensus // R.D. Brecht, J.S. Levine (eds.). Case in Slavic. Columbus, 1986.
- Levinson 2000 – S. Levinson. Presumptive meanings. Cambridge, 2000.
- Nam Sun Song 1998 – Nam Sun Song. Metaphor and metonymy // R. Carston, S. Uchida (eds.). Relevance theory. Applications and implications. Amsterdam, 1998.
- Nichols 1981 – J. Nichols. Predicate nominals. A partial surface grammar of Russian. Berkeley, 1981.
- Sperber, Wilson 1986 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance: Communication and cognition. London, 1986.
- Stalnaker 1981 – R.C. Stalnaker. A theory of conditionals // W.L. Harper, R. Stalnaker, G. Pearce (eds.). Ifs. Conditionals, belief, decision, chance, and time. Dordrecht, etc., 1981.
- Taylor 1995 – J. Taylor. Linguistic categorization. Prototypes in linguistics theory (2/e). Oxford University Press, 1995.

© 2005 г. Е.Л. РУДНИЦКАЯ

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ (АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ) В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО СТАТИВНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В КОРЕЙСКОМ*

В настоящей статье рассматриваются корейские конструкции со стативными глаголами (или прилагательными) со значением психологического состояния (*mwusepta* 'быть страшным' для кого-либо), для которых характерно кодирование роли стимула именительным, а роли экспериенцера – дательным или с помощью показателя топика. Рассматриваются различные синтаксические свойства этих конструкций в сравнении с так называемыми конструкциями "с двойным подлежащим" (порядок слов, возможности релятивизации, функционирования в качестве придаточного предложения и образования частного вопроса и т.д.). Мы приходим к выводу, что экспериенцер стативного глагола психологического состояния, как правило, является субъектом, выделенным в дискурсе (героем отрывка текста, наблюдателем и т.п.); данная именная группа – частично грамматикализованный "логический субъект" предложения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Характерное свойство предикатов психологического состояния во многих языках – разнородное и неканоническое¹ кодирование аргументов этих предикатов [Кибрик 2003: 340–341]. В частности, часто встречаются (квази)синонимичные ряды подобных предикатов, причем у одного из членов ряда каноническое, а у других – неканоническое кодирование аргументов. Так, в русском наряду с *любить*, у которого экспериенцер (ЭКСП) кодируется именительным падежом, а стимул (СТ) – винительным [*Иван* (ЭКСП) *любит историю* (СТ)], есть квазисинонимичные глаголы *нравиться* и *привлекать*. У *нравиться* стимул кодируется именительным, а экспериенцер – дательным [*Ивану* (ЭКСП) *нравится история* (СТ)], а у *привлекать* стимул тоже кодируется именительным, а экспериенцер – винительным [*Ивана* (ЭКСП) *привлекает история* (СТ)]. Так, в случае *привлекать* экспериенцер – прямое дополнение, а стимул – подлежащее, хотя при каноническом кодировании экспериенцер должен кодироваться так же, как агенс (АГ), а стимул – так же, как пациенс (ПАЦ), ср. *Иван* (ЭКСП) *любит историю* (СТ) и *Иван* (АГ) *построил дом* (ПАЦ).

Кроме того, А.Е. Кибрик отмечает, что кодирование в случае предикатов психологического состояния не всегда четко различает ядерные и неядерные актаны (по оп-

* Автор благодарит Ли Су Хен за помощь в сборе корейского материала и М. Ден-Диккена, Дж. Йуна, Ю.А. Ландера, Ли Су Хен, Б.Х. Парти, Я.Г. Тестельца, Е.В. Урысон, Н. Харада, М. Хиротани за обсуждение проблем, связанных с настоящей статьей, и полезные замечания по предыдущим вариантам статьи, а также сотрудников Отдела языков ИВ РАН, членов Семинара по Типологии ИЯЗ РАН и аудиторию II Симпозиума по Языкам Восточной, Северной и Центральной Азии "Типология аргументной структуры и синтаксических отношений", где автор делал доклады, на которых основана настоящая статья.

¹ Канонический способ кодирования определяется А.Е. Кибриком как способ, идентичный кодированию агенса и пациенса при переходном глаголе (экспериенцер в именительном, а стимул – в винительном).

ределению [Кибрик 2003: 170], обязательные и необязательные участники события). Так, у глагола *балдеть* стимул (ядерный актанта) кодируется предложной группой с *от*: *Иван* (ЭКСП) *балдеет от лимонада* (СТ). Если прямые падежи – канонический способ кодирования ядерных, то предложная группа – неядерных актантов, как в примере *Иван* (АГ) *защищает Петра* (ПАЦ) *от преподавателей* (ОБСТ)².

В корейском предикаты психологического состояния делятся на две основных группы – предикаты с каноническим кодированием (ЭКСП – именительный и СТ – винительный) и с неканоническим кодированием. В отличие от русского, предикаты этих двух групп однокоренные: предикаты первой группы образуются от предикатов второй группы прибавлением вспомогательного глагола *ha-* ‘делать’, например,

mwusep-ta ‘страшно-ИЗЪЯВ’ (= ‘быть страшным’);

mwusewe-ha-ta ‘страшно-ДЕЛАТЬ-ИЗЪЯВ’ (= ‘бояться’)³.

В настоящей статье мы подробно рассматриваем предикаты первого типа (без *ha-*), например, кроме *mwusep-ta*, *coh-ta* ‘нравиться’, *silh-ta* ‘не нравиться’ и др. Такие предикаты образуют закрытый лексический класс. Кроме того, они спрягаются по глагольному спряжению, но парадигма спряжения у них неполная (например, отсутствует форма императива). В корейских грамматиках [Холодович 1954; Мазур 1960; 2001; Martin 1992; Chang 1996; Sohn 1999] такие предикаты называются прилагательными или стативными глаголами⁴.

У стативных глаголов психологического состояния стимул кодируется именительным (ИМ), а экспериенцер может кодироваться по-разному: стоять в дательном (ДАТ), в именительном или быть невынесенным топиком (ТОП)⁵, ср. (1а-в). У нестативных глаголов с *ha-* канонических глаголов экспериенцер кодируется именительным, а стимул – винительным, ср. (2).

(1) а.	Chelswu-eykey
Чольсу-ДАТ	Mia-ka
Миа-ИМ	mwusep-ta
страшно-ИЗЪЯВ
б.	Chelswu-nun
Чольсу-ТОП	Mia-ka
Миа-ИМ	mwusep-ta
страшно-ИЗЪЯВ
	“Чольсу боится Миа”; “Чольсу страшна Миа”.		
в.	Chelswu-ka
Чольсу-ИМ	Mia-ka
Миа-ИМ	mwusep-ta
страшно-ИЗЪЯВ
	“Именно Чольсу (а не Суни) боится Миа”.		

² Деление на ядерные и неядерные актанта зависит не только от значения предиката, но и от определенных синтаксических тестов (например, возможность опущения, возможность трансформации в подлежащее при залоговом преобразовании, возможность релятивизации и др.).

Важно заметить, что тот тезис, что предложная группа – канонический способ кодирования неядерных актантов, основан на употреблении предложной группы при агентивных переходных глаголах [как в примере *Иван* (АГ) *защищает Петра* (ПАЦ) *от преподавателей* (ОБСТ)]. При непереходных или неагентивных глаголах предложная группа может кодировать ядерные актанта (ср. *балдеть*), что и считается неканоническим способом их кодирования.

³ Мы используем Йельскую систему транслитерации корейского алфавита.

⁴ Мы используем термин “стативные глаголы”, поскольку в корейском отсутствует прилагательное как отдельная морфологическая категория – стативные глаголы, или прилагательные, спрягаются также, как и обычные, за исключением некоторых деталей.

⁵ Невынесенный топик образуется путем прибавления показателя топика (*-(n)un*) к основе (*Swuni-nun* ‘Суни-ТОП’), а вынесенный – к падежному окончанию (косвенного падежа) (*Swuni-eykey-nun* ‘Суни-ДАТ-ТОП’). Существование невынесенного топика обусловлено тем, что показатель топика не может присоединяться к показателям прямых падежей (**Swuni-lul-un* ‘Суни-ВИН-ТОП’). В настоящей статье подробно анализируются синтаксические свойства невынесенного топика, а вынесенный топик остается за пределами рассмотрения.

- (2) Chelswu-nun/ka Mia-lul mwusewe-ha-n-ta
 Чольсу-ТОП/ИМ Миа-ИМ страшно-ДЕЛАТЬ-АСП-ИЗЪЯВ
 “Чольсу боится Миа”.

Рассмотрим (1а–в) более детально. Во-первых, стативные глаголы психологического состояния, в отличие от канонических, являются сенсорными (*sensory* в терминах [Sohn H.-M. 1999: 285])⁶. Другими словами, эти глаголы обозначают психологическое состояние с точки зрения субъекта-экспериментера, который испытывает его непосредственно, а не с точки зрения постороннего наблюдателя или третьего лица. В связи с этим экспериментер таких глаголов – обычно говорящий (местоимение первого лица⁷) в настоящем времени, см. ниже (3а), или повествователь/субъект сознания (в терминах [Падучева 1996: 258–296]) в нарративе: так, в (1а–в) настоящее время интерпретируется как настоящее историческое. При субъекте третьего лица в актуальном настоящем времени стативный глагол употребляется в модальной конструкции (3б):

- (3) а. Na-eykey/nun Mia-ka mwusep-ta
 я-ДАТ/ТОП Миа-ИМ страшно-ИЗЪЯВ
 “Я боюсь Миа”, “Мне страшна Миа”.
- б. [Chelswu-eykey/nun Mia-ka mwusew-un]
 [Чольсу-ДАТ/ТОП Миа-ИМ страшно-ПРИЧ]
 moyang-i-ta
 видимость-быть-ИЗЪЯВ
 “Кажется, Чольсу боится Миа”.

Перечисленные ограничения на употребление стативных глаголов связаны с дискурсивными факторами, а именно экспериментер таких глаголов должен быть выделенным субъектом в дискурсе. Как показывает [Sells 1987], в японском, корейском и других языках с дистантными рефлексивами, антецедент таких рефлексивов дискурсивно выделен. В частности, P. Sells предлагает, что в число признаков (“дискурсивных ролей”, *discourse roles*), которые делают именные группы (ИГ) дискурсивно выделенными, в первую очередь включаются “субъект речи/мнения” и “субъект психологического состояния”⁸.

В настоящей статье мы рассматриваем модель управления (1б) более подробно, в частности, синтаксические свойства ИГ-экспериментера, кодируемого как невынесен-

⁶ В терминах [Sohn S.-O. 1995: 41–45; Хонг 2004] у этих глаголов есть лексический признак [+непосредственное восприятие] ([+direct experience]).

⁷ Ср. “эгофорическое” (*égophorique*) ограничение на лицо некоторых типов предикатов в тибетских языках [Tournaire 1996: 300]. Кроме местоимения первого лица, при таких предикатах возможно местоимение второго лица (в вопросе).

⁸ P. Sells, в частности, показывает, что, хотя для дистантных рефлексивов в перечисленных языках характерна ориентация на подлежащее, антецедент может быть и дополнением, если он дискурсивно выделен. Так в примерах (i)–(ii) из [Рудницкая 2001] (см. подробное обсуждение проблемы рефлексивов там же) антецедентом *caki* могут быть дополнения – субъект внутреннего состояния ‘огорчать’ Хаксу (i) и субъект речи – источник информации при ‘услышать’ Чольсу в (ii).

- (i) [Swunmi₁-ka caki_{1/2}-lul miweha-0-n-ta-nun]
 [Сунми₁-ИМ себя_{1/2}-ВИН ненавидеть-НАСТ-АСП-ИЗЪЯВ-ПРИЧ]
 kes-i Haksu₂-lul sulpukeyha-0-n-ta
 вещь-ИМ Хаксу₂-ВИН огорчать-НАСТ-АСП-ИЗЪЯВ
 “То, что Сунми₁ ненавидит себя_{1/2}/его₂, огорчает Хаксу₂”.

- (ii) Haksu₁-nun Chelswu₂-eykeyse [Swunmi₃-ka caki_{1/2/3}-lul
 Хаксу₁-ТОП Чольсу₂-АЛЛИАТ [Сунми₃-ИМ себя_{1/2/3}-ВИН
 miweha-0-n-ta-ko] tul-ess-ta
 ненавидеть-НАСТ-АСП-ИЗЪЯВ-ЦИТ] услышать-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 “Чольсу услышал от Хаксу, что Сунми ненавидит его(Чольсу)/ его(Хаксу)/ себя”.

ный топик⁹. В связи с дискурсивной выделенностью экспериенцера-топика, на эту ИГ и всю конструкцию накладываются определенные синтаксические ограничения. В частности, у ИГ-стимула отсутствуют некоторые важные свойства ядерного актанта. В целом, данная конструкция (ТОП-ИМ) в сильной степени идиоматична и характеризуется ограниченным употреблением.

2. СТАТИВНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В КОНСТРУКЦИИ ТИПА ТОП-ИМ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ “С НЕСКОЛЬКИМИ ПОДЛЕЖАЩИМИ”, ИЛИ “ТОПИК + ПОДЛЕЖАЩЕЕ”

Формально конструкция ТОП-ИМ (16) сходна с так называемыми предложениями “топик + подлежащее” [Li, Thompson 1976], ср. (46). В (46) “фокус эмпатии”, или “то, о чем речь в предложении” – *Waikhikhi*, а не *kyengchi-ka* ‘пейзаж’, хотя *Waikhikhi* не аргумент предиката *coh-ta* ‘хороший’ (*kyengchi-ka* – единственный аргумент *coh-ta*). Все сочетание *kyengchi-ka coh-ta* – логический предикат, а *Waikhikhi* – логический субъект (46) (ср. [Hirotani 2001])¹⁰. В (4а), напротив, “то, о чем идет речь”, – *kyengchi-ka*, а *Waikhikhi-ey(se)* – обстоятельство места, то есть аргумент *coh-ta* (грамматический субъект) и логический субъект совпадают.

(4) а. *Waikhikhi-ey(se) kyengchi-nun coh-ta*
 Ваикики-МЕСТ пейзаж-ТОП хороший-ИЗЪЯВ

“Пейзаж в Ваикики хороший”.

б. *Waikhikhi-nun kyengchi-ka coh-ta*
 Ваикики-ТОП пейзаж-ИМ хороший-ИЗЪЯВ

“В Ваикики хороший пейзаж”, “Ваикики характеризуется хорошим пейзажем”.

⁹ Кодирование экспериенцера дательным (1а) характерно в основном для придаточных, а не главных предложений. (1в), где и экспериенцер, и стимул кодируются именительным, используется или когда экспериенцер выделяется как контрастивный фокус (см. перевод), или в придаточном в нейтральном контексте [см. пример (16) в п. 2.2]. Показатель именительного в при экспериенцере стативного глагола в (1в) рассматривается исследователями как показатель подлежащего, а ИГ-стимул – как “номинативный” объект [Sohn H.-M. 1999; J. Yoon (личн. сообщ.); N. Narada (личн. сообщ.)]. Мы в основном рассматриваем нейтральный способ кодирования экспериенцера в главном предложении (16) (конструкция ТОП-ИМ).

¹⁰ В работах по генеративной грамматике (например [Teng 1974; Neusock 1993; Yoon 2003]) (46-в) называются “конструкции с несколькими подлежащими”. Другими словами, помимо “канонической” предикации, субъект которой – *kyengchi-ka*, а предикат – *coh-ta*, в предложении есть еще одна “синтаксическая” предикация без глагола, у которой субъект (так называемое Major Subject – “Главное Подлежащее”) – *Waikhikhi*, а предикат – предложение *kyengchi-ka coh-ta*. Этот анализ – возможная альтернатива точке зрения [Li, Thompson 1976], которые считают *Waikhikhi* топиком (логическим субъектом).

Один из основных аргументов сторонников данного подхода – возможность показателя именительного у *Waikhikhi* в (4в) – показатель именительного рассматривается исследователями как морфологический признак подлежащего. Однако этот показатель можно и считать бифункциональным – маркирующим или подлежащее, или фокус контраста (ср. точку зрения [Schütze 2001]), и тогда *Waikhikhi-ka* в (4в) – не Главное Подлежащее, а контрастивный фокус, одновременно являющийся логическим субъектом. Мы не рассматриваем предложения с “двумя именительными” типа (4в) подробно, но важное свидетельство в пользу точки зрения Schütze – возможность присоединения показателя именительного к (нефинитной) глагольной группе, которая является контрастивным фокусом в (i), – такая форма в принципе не может быть подлежащим (пример из [Kang 1988: 33]). Еще один возможный подход к предложениям (46-в) – рассматривать их как сложные (с нулевым глаголом в главной части), ср. [Солнцев 1995].

(i) *Yonghi-nun uerri-ci-ka anh-ta*
 Йонги-ТОП красивый-ДЕЕПР-ИМ не-быть-ИЗЪЯВ
 “Йонги не КРАСИВАЯ” (а симпатичная).

в. Waikhikhi-ka kyengchi-ka coh-ta
 Ваикики-ИМ пейзаж-ИМ хороший-ИЗЪЯВ
 “Именно в Ваикики хороший пейзаж”.

[Sohn H.-M. 1999: 290]

Как показано в [Рудницкая 2004], некоторые стандартные свойства подлежащего (по [Keenan 1976]), такие, как начальная позиция в предложении, возможность релятивизации [Keenan, Comrie 1977] или контроль рефлексивов, в корейском могут характеризовать невынесенный топик, не являющийся аргументом предиката¹¹. Так, в (46) этими свойствами обладает *Waikhikhi-nun*. Более того, у аргументной ИГ в именительном (*kyengchi-ka*) в (46) отсутствуют некоторые важные свойства подлежащего (и даже аргумента), такие как возможность релятивизации.

2.1. Свойства подлежащего у топика и ИГ в именительном в конструкции ТОП + ИМ (конструкции со стативным глаголом психологического состояния (16) и конструкции “топик + подлежащее” (46)).

При сравнении (16) и (46) оказывается, что у экспериенцера-топика *Chelswu-nun* и стимула в именительном *Mia-ka* стативного глагола психологического состояния *mwusep-ta* в (16) некоторые свойства такие же, как у топика *Waikhikhi-nun* и подлежащего *kyengchi-ka* в (46), перечисленные выше. Такое сходство конструкций (16) и (46) можно интерпретировать как свидетельство в пользу того, что ни экспериенцер, ни стимул в (16) нельзя считать каноническими подлежащими.

В настоящем пункте мы рассмотрим эти свойства в применении к обеим конструкциям подробнее, а в пп. 2.2 и 3 обсудим несколько гипотез, объясняющих эти свойства. Мы приходим к выводу, что сходные свойства двух типов конструкции ТОП-ИМ объясняются по-разному. В обоих случаях нужно учитывать актуальное членение предложения, но в случае конструкции “топик + подлежащее” в первую очередь релевантны синтаксические факторы (и локальное коммуникативное выделение ИГ-топика), см. п. 2.2; а в конструкции со стативным глаголом психологического состояния – дискурсивные факторы (дискурсивная выделенность ИГ-топика), см. п. 3. Рассмотрим данные свойства подробнее¹².

2.1.1. Порядок слов

ИГ-топик должна предшествовать ИГ в именительном, а обратный порядок слов невозможен или требует особого контекста с контрастивным выделением одной или обеих ИГ, ср. (5а–б). Такой фиксированный порядок слов характерен только для данной конструкции, а в “обычном” предложении ИГ-топик не обязательно должна занимать начальную позицию, ср. (6).

(5) а.	Na-nun
я-ТОП	Chelswu-man
Чольсу-ТОЛЬКО	mwusep-ta
страшно-ИЗЪЯВ
	(А) “Я боюсь только Чольсу” [предпочтительная интерпретация].		
	(В) “Только Чольсу меня боится” [менее предпочтительно].		
б.	Catongcha-nun
машина-ТОП	Mikwuk-man
Америка-ТОЛЬКО	manh-ta
многий-ИЗЪЯВ
	“Только в Америке много машин (а не велосипедов)”.		
(6) а.	Na-nun
я-ТОП	esseu
вчера	san-eyse
гора-МЕСТ

¹¹ Другими словами, топик-не-аргумент обладает некоторыми стандартными свойствами подлежащего, что говорит в пользу теории “предложения с двумя подлежащими”, см. предыдущую сноску.

¹² Многие из этих свойств, особенно в отношении конструкции “топик + подлежащее” (46), неоднократно упоминались в литературе, ср. [Lee, Kim 1988; Mirto 1998; Sohn H.-M. 1999] и др.

kkweng-ul car-ass-e-yo
 фазан-ВИН поймать-ПРОШ-ИЗЪЯВ.РАЗГ-ВЕЖЛ
 “Я вчера поймал на горе фазана”.

- б. Esey **na-nun** san-eyse kkweng-ul car-ass-e-yo
 в. San-cyсе esey kkweng-ul **na-nun** car-ass-e-yo [Sohn H.-M. 1999: 293]

2.1.2. Релятивизация

ИГ-экспериментер может быть мишенью релятивизации, а ИГ-стимул нет. Так, в (7а) нулевое относительное местоимение 0_i ¹³, кореферентное вершинному имени *rwuip-un_i* ‘жена_i-ТОП’, может интерпретироваться как экспериментер, а не как стимул: возможен перевод (А), но не (Б). Другими словами, ИГ-стимул в конструкции ТОП-ИМ не может подвергаться релятивизации. Эта ИГ может релятивизоваться только в (7б) в конструкции ДАТ-ИМ типа (1а), то есть где ИГ-экспериментер стоит в дательном и не является топиком.

- (7) а. [0_i namphyen-i (* 0_i) mwusew-un]
 [0_i [ЭКСП] муж-ИМ (* 0_i [СТ]) страшно-ПРИЧ]
 rwuip-un_i парр-un rwuip-i-ta
 жена_i-ТОП плохой-ПРИЧ жена-быть-ИЗЪЯВ
 (А) “Жена, которая боится (своего) мужа, – плохая жена”,
 (Б) *“Жена, которой (ее) муж боится, – плохая жена”.
- б. [namphyen-eyкеу 0_i mwusew-un] rwuip-un_i
 [муж-ДАТ 0_i [СТ]страшно-ПРИЧ] жена_i-ТОП
 парр-un rwuip-i-ta
 плохой-ПРИЧ жена-быть-ИЗЪЯВ
 “Жена, которой (ее) муж боится, – плохая жена”.

В конструкции “топик + подлежащее” наблюдается та же закономерность: ИГ-топик может подвергаться релятивизации, ср. (8), а ИГ в именительном (подлежащее) нет. Так, в относительном предложении в (9а) *Mikwuk-ey(se)* – обстоятельство (с локативной частицей), а 0_i стоит в позиции подлежащего. В этом случае возможна релятивизация подлежащего, кореферентного вершинному имени *kes-un_i* ‘вещь_i-ТОП’. В (9б) *Mikwuk-i* – топик¹⁴, и подлежащее 0_i не может релятивизоваться.

- (8) [0_i nwun-i khu-n] ai-nun_i
 [0_i [ТОП] глаз-ИМ большой-ПРИЧ] ребенок_i-ТОП
 уерри-ta
 красивый-ИЗЪЯВ
 “Дети, у которых большие глаза, красивые”.
- (9) а. [Mikwuk-ey(se) 0_i manh-un]
 [Америка-МЕСТ 0_i [ИМ] многий-ПРИЧ]
 kes-un_i catongcha-0-ta
 вещь_i-ТОП машина-быть-ИЗЪЯВ

¹³ В корейском нет (ненулевых) относительных местоимений как категории, а относительное предложение всегда предшествует вершине. Мы включаем в примеры нулевое относительное местоимение 0_i , чтобы более наглядно выделить ту ИГ, которая подвергается релятивизации, и ее позицию в относительном предложении.

¹⁴ У невывнесенного топика в придаточном предложении может быть как показатель именительного, как в (9б), так и топика, см. (16) ниже. Показатель именительного употребляется в нейтральном контексте, а топика – в случае, если “невывнесенный топик в придаточном” – контрастная тема. Мы не рассматриваем примеры с показателем топика.

б.	*[Mikwuk-i [Америка-ИМ kes-un _i вещь _i -ТОП "То, чего много в Америке, – машины".	0 _i 0 _i [ИМ] catongcha-0-ta машина-быть-ИЗЪЯВ	manh-un] многий-ПРИЧ]
----	---	--	--------------------------

2.1.3. Связывание возвратных местоимений (рефлективов) и контроль анафоры в тексте

В обоих типах конструкции ТОП-ИМ у ИГ-топика приоритет по обоим признакам по сравнению с ИГ в именительном. Так, рефлексив *saki_{i/*j}* в (10а), который по смыслу мог бы связываться обоими аргументами *silh-ess-ta* 'не-любил', может быть кореферентен только экспериментеру-топику *Chelswu-nun_i*, но не стимулу в именительном *Minho-ka_j*. В (10б) приводится аналогичный пример для конструкции "топик + подлежащее".

(10) а.	<i>Chelswu-nun_i</i> Чольсу _i -ТОП seuil наиболее "Чольсу в своем/* ее классе больше всего не любит Минхо".	<i>Minho-ka_j</i> Минхо _j -ИМ silh-ess-ta не-любить-ПРОШ-ИЗЪЯВ	<i>saki_{i/*j}</i> себя _{i/*j} класс-МЕСТ	<i>pan-euse</i> класс-МЕСТ
---------	--	--	--	-------------------------------

[Lee, Kim 1988: 491]

б.	? <i>Mia-nun_i</i> Миа _i -ТОП seuil наиболее "Сестра Миа самая красивая в ее (Миа, *сестры) классе".	<i>pwuna-ka_j</i> сестра _j -ИМ уерру-ta красивый-ИЗЪЯВ	<i>saki_{i/*j}</i> себя _{i/*j} школа-МЕСТ	<i>hakyo-euse</i> школа-МЕСТ
----	---	--	--	---------------------------------

Таким образом, у ИГ-топика в конструкции ТОП-ИМ (и в случае стативных глаголов психологического состояния, и в случае предложений "топик + подлежащее") есть некоторые важные свойства подлежащего, которые отсутствуют у ИГ в именительном.

2.2. Как можно объяснить свойства конструкции ТОП-ИМ типа "топик + подлежащее", проиллюстрированные в п. 2.1?

В настоящем пункте мы хотим предложить объяснение для закономерностей, отмеченных в пп. 2.1.1–2.1.3, в первую очередь в применении к конструкции "топик + подлежащее". Конструкциям "топик + подлежащее" посвящено намного больше литературы, чем стативным глаголам психологического состояния. Стандартное объяснение для запрета на релятивизацию ИГ в именительном в этой конструкции в (9б) (см., например [Mirto 1998]), основанное в первую очередь на материале конструкций с частями тела и внешним посессором¹⁵, состоит в том, что ИГ в именительном – часть тела не аргументная, а предикативная ИГ.

¹⁵ В конструкции с внутренним посессором (i) посессор (лицо, которому принадлежит часть тела) – генитивное дополнение части тела, а в конструкции с внешним посессором (ii) – невынесенный топик. Важно, что в первом случае глагол не может согласовываться (по категории гоноратива) с посессором, а во втором случае такое согласование обязательно.

(i)	<i>Nalare-nim-uy</i>
дедушка-ГОН-РОД
"Ноги дедушки маленькие".	<i>pal-i</i>
нога-ИМ	<i>sak(?*-usi)-ta</i>
маленький(???-ГОН)-ИЗЪЯВ
(ii)	<i>Nalare-nim-un</i>
дедушка-ГОН-ТОП
"У дедушки маленькие ноги".	<i>pal-i</i>
нога-ИМ	<i>sak*(-usi)-ta</i>
маленький-ГОН-ИЗЪЯВ

Как показывает пример (ii) в сноске 15, в такой конструкции глагол согласуется с внешним посессором, а не с обладаемым (частью тела). Согласование глагола считается основным формальным признаком грамматического подлежащего, так что на основе фактов согласования подлежащее в (ii) – посессор, а не обладаемое. Далее, обладаемое в (ii) не может релятивизоваться:

- (11) [Mia-hanthey/*ka 0_i sak-un]
 [Миа-НАПР/*ИМ 0_i [ИМ] маленький-ПРИЧ]
 kes-un_i pal-i-ta
 вещь_i-ПРИЧ нога-быть-ИЗЪЯВ
 "Та [вещь/часть тела], которая у Миа маленькая, – ноги".

Если, следуя стандартной точке зрения, считать, что релятивизация – обязательное для аргументной ИГ свойство, ИГ-обладаемое в (ii) и (11) следует считать неаргументной. Кроме того, предикативные ИГ в принципе плохо подвергаются релятивизации, ср. *учитель* в (12а–б)¹⁶:

- (12) а. Иван стал учителем.
 б. *Мне нравится учитель, которым стал Иван.

В корейском предикативные ИГ стоят в именительном падеже и также не могут подвергаться релятивизации (пример из [Mirto 1998: 44]):

- (13) а. Chelswu-ka sensayng-i toy-ess-ta
 Чольсу-ИМ учитель-ИМ статья-ПРОШ-ИЗЪЯВ
 "Чольсу стал учителем".
 б. *[Chelswu-ka 0_i toy-n]
 [Чольсу-ИМ 0_i [ИМ] статья-ПРИЧ]
 sensayng-i_i acwu huwallynyna-ta
 учитель_i-ИМ очень великолепный-ИЗЪЯВ
 "Учитель, каким стал Чольсу, – великолепный учитель".

Таким образом, у предикативного существительного в (13а) и существительного в именительном в конструкции "топик + подлежащее" с внешним посессором [ср. (ii) в сноске 15 и (11)], с одной стороны, одинаковая падежная маркировка, а, с другой, ни то, ни другое не может подвергаться релятивизации. Эти факты и являются основанием для того тезиса, выдвигаемого, в частности, Mirto, что ИГ в именительном (ii) *pal-i* 'нога' – предикативное существительное¹⁷, а не подлежащее-аргумент глагола.

Имеется несколько важных аргументов против тезиса Mirto. Во-первых, несмотря на то, что *pal-i* 'нога' в (ii) не контролирует согласование глагола, в позиции такой ИГ

¹⁶ О релятивизации предикативных ИГ в принципе можно говорить в примерах типа (iii), но (iii) нельзя считать канонической относительной конструкцией, а это скорее сравнительная конструкция.

(iii) Мне нравятся такие учителя, каким стал Иван.

¹⁷ Ср. гипотезу о "частичной", или "абстрактной", инкорпорации объекта в биноминативной конструкции в кавказских языках [Kibrik A.A. 1996; Казенин, Тестелец 1999].

может стоять нулевое анафорическое местоимение ['нога' в (14а)]¹⁸; такая ИГ может подвергаться квантификации [рwирwун-и в (14б)]¹⁹.

(14) а. Мне приходится тратить много денег на обувь_i, потому что у меня большой размер ноги_i.

Б: Na-nun 0_i caka-se
 Я-ТОП 0_i маленький-ДЕЕПР
 0_j ssa-key sa-ss-ta
 0_j дешевый-АДВЕРБ купить-ПРОШ-ИЗЪЯВ

“У меня маленькая нога_i, так что я купил ее_j (обувь) дешево”.

б. Mia-nun sincheu-uy etten
 Миа-ТОП тело-РОД некоторый
 рwирwун-и cak-ta
 человек-часть-тела-ИМ small-DECL

“Какая-то из частей тела Миа маленькая”.

Во-вторых, выводы [Mingo 1998] основаны только на примерах типа “часть – целое”, он не рассматривает других употреблений конструкции “топик + подлежащее”. В [Lee, Kim 1988] отмечается, что в подобных употреблениях согласование глагола контролирует ИГ в именительном, а не ИГ-топик. Так, в (15а) *cak(*-usi)-ta* ‘маленький(*-ГОН)-ИЗЪЯВ’ не может согласовываться с *halape-nim-un* ‘дедушка-ГОН-ТОП’, хотя *halape-nim-un* – внешний посессор *sonca-ka* ‘внук-ИМ’, а в (15б) глагол согласуется с обладаемым *halape-nim-kkeyse* ‘дедушка-ГОН-ИМ.ГОН’. Тем не менее, ИГ в именительном не может подвергаться релятивизации и в этом случае (15в).

(15) а. Halape-nim-un sonca-ka
 дедушка-ГОН-ТОП внук-ИМ

cak(*-usi)-ta
 маленький(*-ГОН)-ИЗЪЯВ
 “У дедушки маленький внук”.

б. [Mia-nun_i halape-nim-kkeyse_j
 {Миа-ТОП дедушка_j-ГОН-ИМ.ГОН
 рyeuchanh-usi-n-tay-to}] [0_i
 больной-ГОН-АСПЕКТ-ИЗЪЯВ-ТОЖЕ] [0_i [ИМ]

0_j cacwu cachapo-y-ess-ta]
 0_j [ВИН] часто встречать.ГОН-ПРОШ-ИЗЪЯВ]
 “Хотя дедушка Миа был болен, (она) часто (с ним) виделась”.

¹⁸ Важно заметить, что предикативная ИГ, в отличие от аргументной, может опускаться (или заменяться на нуль) только в контрастивном контексте (ii), а не просто при повторении (i).

(i) Mia-nun kyosa-0-ta. Swuni-to
 Миа-ТОП учитель-быть-ИЗЪЯВ Суни-ТОЖЕ
 kyosa-0-ta/ *0 i-ta
 учитель-быть-ИЗЪЯВ/ *0[учитель] быть-ИЗЪЯВ
 “Миа учитель. Суни тоже (учитель)”.

(ii) Mia-nun kyosa-0-ta. Swuni-nun
 Миа-ТОП учитель-быть-ИЗЪЯВ Суни-ТОП
 0 an-i-ta
 0[учитель] нет-быть-ИЗЪЯВ
 “Миа учитель. Суни – нет”.

¹⁹ Предикативные ИГ, как правило, не могут самостоятельно подвергаться квантификации:

(i) *В этой пьесе Иван был одновременно двумя персонажами.

в. [Mia-?hanthey/*ka	0 _i	manh-un]
[Mia-?HAIIP/ *ИМ	0 _j [ИМ]	многий-ПРИЧ]
tongmwul-un _i		kay-0-ta
питомец _i -ТОП		собака-быть-ИЗЪЯВ

“Те питомцы, каких у Миа много, – собаки”.

Н.-В. Lee и М.-К. Kim предлагают следующий анализ запрета на релятивизацию ИГ в именительном в (15в) и (9б). Если в конструкции “часть – целое” типа (ii) в сноске 15 грамматическое подлежащее – посессор-топик, то в (15а–б) и (4б) грамматическое подлежащее – обладаемое. Соответственно, в этих случаях посессор стоит не в синтаксической позиции подлежащего, а в “дополнительной” синтаксической позиции “топик/фокус”, которая, в отличие от позиции подлежащего, заполняется только в ограниченном числе предложений²⁰. В относительном предложении эта позиция, как правило, отсутствует, поэтому в (9б) и (15в) относительные предложения, в которых есть кандидат на заполнение этой позиции (ИГ-посессор-топик в именительном), грамматически неправильны²¹.

Так, в (9б) *Mikwuk-i* ‘Америка-ИМ’ (топик в именительном) стоит в дополнительной позиции “топик/фокус”, а в (9а) (мы повторяем оба примера) *Mikwuk-euse* ‘Америка-МЕСТ’ стоит в синтаксической позиции обстоятельства. В относительном предложении есть запрет на позицию “топик/фокус”, но не на позицию обстоятельства, и, таким образом, запрет на релятивизацию подлежащего в (9б), но не в (9а), объясняется.

9 а. [Mikwuk-ey(se)	0 _i	manh-un]
[Америка-МЕСТ	0 _j [ИМ]	многий-ПРИЧ]
kes-un _i		catongcha-0-ta
вещь _i -ТОП		машина-быть-ИЗЪЯВ

9 б. *[Mikwuk-i	0 _i	manh-un]
[Америка-ИМ	0 _i [ИМ]	многий-ПРИЧ]
kes-un _i		catongcha-0-ta
вещь _i -ТОП		машина-быть-ИЗЪЯВ

“То, чего много в Америке, – машины”.

В связи с трактовкой [Lee, Kim 1988], которая кажется нам убедительной, необходимо сделать следующее замечание. Отсутствие в относительном предложении дополнительной синтаксической позиции “топик/фокус” связано с тем, что в корейском информационная структура (актуальное членение) в относительном придаточном, в отличие от придаточного-дополнения, в большей степени редуцирована. Так, в (16) конструкция “топик + подлежащее” стоит в позиции придаточного-дополнения; у топика *Waikhikhi* может быть и показатель топика, и показатель именительного.

(16) Na-nun	Waikhikhi-ka/nun	kyengchi-ka
я-ТОП	[Ваикики-ИМ/ТОП	пейзаж-ИМ
soh-ta-ko]		sayngkakha-n-ta
хороший-ИЗЪЯВ-ЦИТ]		думать-АСПЕКТ-ИЗЪЯВ

“Я думаю, что в Ваикики хороший пейзаж”.

²⁰ Кроме предложений типа ТОП-ИМ, к числу предложений с заполненной позицией “топик/фокус” принадлежат, например, случаи с вынесением контрастивного топика или фокуса в начало предложения:

(i) [_{CP}Contr-TopP [_{NP}Ивана_i]] [_{IP}я не видел [_{NP}0_i]]] (а насчет Петра не помню).

²¹ В терминах генеративной грамматики, синтаксическая позиция топика/фокуса в относительном предложении – барьер для релятивизации (то есть препятствует релятивизации).

Более редуцированный характер информационной структуры в придаточном (с которым связан запрет на позицию топики/фокуса в начале предложения) обусловлен следующим фактором. Согласно [Kuno 1976]²², относительное придаточное, являясь модификатором, сообщает дополнительную информацию относительно вершинного имени. Другими словами, вершинное имя – “то, о чем говорится” в относительном придаточном, или “топик” (тема) придаточного предложения; поэтому в придаточном запрещена позиция, специально предназначенная для топики, а не, например, для подлежащего или дополнения²³.

Таким образом, запрет на релятивизацию ИГ в именительном в конструкции “топик + подлежащее” связан с редуцированным характером синтаксической и информационной структуры относительного предложения: в нем не может быть невынесенного топики, который стоит в отдельной, дополнительной позиции, отличной от позиции подлежащего. Такая позиция в относительном предложении отсутствует.

Остальные свойства предложений “топик + подлежащее”, рассмотренные в п. 2.1 (фиксированный порядок: на первом месте топик, на втором – подлежащее; а также приоритет топики перед подлежащим по контролю рефлексивов), как кажется, тоже можно объяснить “выделенной” синтаксической позицией “топик/фокус”, в которой стоит ИГ-топик. Эта позиция фиксирована как начальная, предшествующая позиции подлежащего: с этим связаны ограничения и на порядок слов, и на контроль рефлексивов²⁴.

Можно ли распространить предложенное объяснение на предложения с глаголами психологического состояния типа ТОП-ИМ (16)? С нашей точки зрения, это в принципе возможно, что объяснило бы аналогичные ограничения на конструкцию (16), приведенные в п. 2.1. Однако оказывается, что на конструкцию типа (16) накладываются еще дополнительные, более строгие синтаксические ограничения, чем на (46), например, ограничения на частный вопрос и невозможность постановки в позицию придаточного-дополнения. Мы рассмотрим эти ограничения отдельно в п. 3 и предложим трактовку предложений типа ТОП-ИМ с глаголами психологического состояния, основанную на дискурсивной выделенности экспериенцера-субъекта психологического состояния.

3. ЭКСПЕРИЕНЦЕР СТАТИВНОГО ГЛАГОЛА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ КАК НОСИТЕЛЬ ВЫДЕЛЕННОЙ ДИСКУРСИВНОЙ РОЛИ “СУБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ”

Рассмотрим отличия конструкции “топик + подлежащее” от конструкции с глаголом психологического состояния. У конструкции “топик + подлежащее” меньше ограничений, чем у конструкции с глаголами психологического состояния. Ограничения на последнюю связаны именно с семантикой глагола, а не только с признаком

²² Ср. также анализ относительного предложения в терминах [-dominant/ background] [Erteschik-Shir, Lappin 1987; Mel'čuk 2001: 200], а также в терминах “предикации относительно вершинного имени” [Den-Dikken, в печ.].

²³ Запрет на “топик, о котором идет речь в относительном придаточном” есть и в русском, но он связан скорее не с синтаксической структурой, а с семантическим типом относительного предложения: рестриктивное придаточное (i) не допускает такого топики, а нерестриктивное допускает его (ii):

(i) Назови мне те магазины, которые (*? в Таллинне) близко к центру.

(ii) Мы зашли в некоторые магазины, которые, кстати, в Таллинне почти все близко к центру.

²⁴ В случае контроля рефлексивов важно то, что их антецедентом является не обязательно подлежащее, а в первую очередь центр эмпатии, ср. [Kuno 1973], а в конструкции ТОП-ИМ центр эмпатии – невынесенный топик, а не подлежащее.

“статичность”, свойственным этому глаголу: у других лексических классов стативных глаголов конструкции ТОП-ИМ (*philyoha-ta* ‘быть-нужным’, *aphu-ta* ‘болеть’)²⁵ нет аналогичных ограничений. Поэтому мы предлагаем объяснение данных ограничений, основанное на дискурсивной роли “субъект психологического состояния”, которая выделяется в работе [Sells 1987] для японского и корейского на основе употребления рефлексивов. Рассмотрим ограничения на конструкцию с глаголами психологического состояния.

3.1. Дополнительные синтаксические ограничения в конструкции ТОП-ИМ со стативными глаголами психологического состояния

3.1.1. ИГ-экспериенцер как грамматическое подлежащее

Как уже упоминалось в п. 1, во многих языках отдельную проблему составляет отнесение ИГ-аргументов глаголов психологического состояния к ядерным или периферийным. В случае корейских стативных глаголов типа (16), ИГ-экспериенцер – невынесенный топик, а ИГ-стимул стоит в именительном. С одной стороны, можно было бы предположить, что ИГ-стимул стоит в позиции подлежащего, а ИГ-экспериенцер – в дополнительной позиции “топик/фокус”, как и ИГ-невынесенный топик в конструкции “топик + подлежащее” (46).

Однако ИГ-экспериенцер, в отличие от ИГ-топика в конструкции “топик + подлежащее”, обладает стандартными свойствами грамматического подлежащего – контролирует согласование глагола²⁶ [(17а–б), ср. (15а–б), где ИГ-топик в конструкции “топик + подлежащее” не контролирует согласование глагола], а также контролирует рефлексивы (18а). В (18б) показано, что ИГ-экспериенцер не может быть рефлексивом, антецедентом которого является ИГ-стимул. Если исходить из того, что рефлексивы в корейском ориентированы на подлежащее (как центр эмпатии), (18а–б) – свидетельство того, что ИГ-экспериенцер – подлежащее.

- (17) а. *Halape-nim-un* *Chelswu-ka*
 дедушка-ГОН-ТОП Чольсу-ИМ

²⁵ *Philyoha-ta* ‘быть-нужным’, *aphu-ta* ‘болеть’ и др. сходны с глаголами психологического состояния набором семантических ролей и их кодированием (экспериенцер-топик и стимул/пациент в именительном), а также тем, что согласование глагола контролируется экспериенцером, а не стимулом (то есть экспериенцер – грамматическое подлежащее, см. ниже, п. 3.1.1). Таким образом, важные различия, показанные в пп. 3.1.2–3.1.3 и 3.2, обусловлены в первую очередь лексическими, а не грамматическими факторами.

- (i) а. *Kim sensayng-nim-un* *haksayng-i* *philyoha-si-ta*
 Ким учитель-ГОН-ТОП студент-ИМ быть-нужным-ГОН-ИЗЪЯВ
 “Профессору Киму нужны студенты”.
 б. *Halape-nim-un* *meli-ka* *aphu-si-ta*
 дедушка-ГОН-ТОП голова-ИМ болеть-ГОН-ИЗЪЯВ
 “У дедушки болит голова”.

²⁶ ИГ-экспериенцер для некоторых носителей корейского может контролировать согласование глагола, даже если стоит в дательном, ср. (i) из [Yoon 2003]. Таким образом, глагольное согласование в корейском зависит не только от морфологической формы контролера, но и от его семантической роли (подробнее см. [Рудницкая 2004]).

- (i) ??*Halape-nim-kkey-nun*
 дедушка-ГОН-ДАТ.ГОН-ТОП
ku *khun* *kay-ka* *mwusewu-si-ta*
 этот большой собака-ИМ страшно-ГОН-ИЗЪЯВ
 “Дедушка боится этой большой собаки”.

mwusew-usi-ta
страшно-ГОН-ИЗЪЯВ
“Дедушка боится Чольсу”.

б. Chelswu-nun halape-nim-i/ *kkeyse
Чольсу-ТОП дедушка-ГОН-ИМ/ *ИМ.ГОН

mwusew-(*usi)-ta
страшно(*-ГОН)-ИЗЪЯВ

“Чольсу боится дедушку”. [Если вставить *-usi-* ‘ГОН’, (18б) получает другую интерпретацию: “Дедушка строг по отношению к Чольсу” (но добр по отношению к Миа).]

- (18) а. Mia-nun caki-casin-i mwusep-ta
Миа-ТОП себя-сам-ИМ страшно-ИЗЪЯВ
б. *Caki-casin-un Mia-ka mwusep-ta
себя-сам-ТОП Миа-ИМ страшно-ИЗЪЯВ
“Миа боится (сама) себя”.

Таким образом, у ИГ-экспериенцера есть основные свойства грамматического подлежащего. Кроме того, эта ИГ свободно подвергается релятивизации [ср. (7а), перевод А в п. 2.1.2], что является важным свойством ИГ-аргумента (в противоположность предикативной ИГ).

У ИГ-стимула, напротив, нет грамматических свойств подлежащего, и эта ИГ не может быть мишенью релятивизации [(7а), перевод Б]. Возникает вопрос, является ли эта ИГ аргументом и, в частности, “объектом в именительном” (как считают [Cho, Han, Sohn 1990; Sohn 1999; N. Harada (личн. сообщ.); J. Yoon (личн. сообщ.)])? С нашей точки зрения, ИГ-стимул все же аргументная, а не предикативная²⁷. Отсутствие у этой ИГ каких-либо грамматических свойств подлежащего и даже аргумента объясняется сильной дискурсивной выделенностью ИГ-экспериенцера.

Следствие такой выделенности – низкая коммуникативная значимость ИГ-стимула: эта ИГ не может самостоятельно образовывать ни топик, ни фокус предложения. В конструкции со стативным глаголом психологического состояния ИГ-экспериенцер – своего рода “грамматикализованный топик”, а ИГ-стимул вместе с глаголом образуют единую категорию коммуникативной структуры – “логический предикат”, “неконтрастный фокус” или “рему”.

²⁷ Последнее было бы контринтуитивно; кроме того, ИГ-стимул может заменяться на анафорический нуль (i) и подвергаться квантификации (ii), ср. (14а-б) в п. 2.2 для конструкции “топик + подлежащее”.

(i) А: Я люблю кошек и собак. Почему бы тебе не купить кошку или собаку?

Б: Na-nun 0_i mwusewe-se aungmwusay-lul
я-ТОП 0_i [СТ/ ПАЦ] страшно-ИНФ попугай-ВИН
sa-lyeko ha-n-ta
купить-ДЕЕПР делать-АСПЕКТ-ИЗЪЯВ

“Я их_i (кошек и собак) боюсь и собираюсь купить попугай”.

(ii) ?Mia-nun nwukwunka-ka mwusep-ta
Миа-ТОП кто-то-ИМ страшно-ИЗЪЯВ

“Миа кого-то боится”.

3.1.2. Ограничения на частный вопрос к ИГ-экспертиенцу

В целом, вопросительные предложения со стативными глаголами психологического состояния часто невозможны, а возможность их образования нередко определяется дискурсивными, а не синтаксическими факторами²⁸:

- (19) Ne-nun/ *Chelswu-nun chayk-i soh-ni?
 Ты-ТОП/ *Чольсу-ТОП книга-ИМ нравится-ВОПР
 (А) “Тебе нравится эта книга?”
 (Б)* “Тебе нравятся книги?”

Одно важное ограничение состоит в том, что ИГ-экспертиенц, в отличие от ИГ-стимула, не может быть фокусом частного вопроса, то есть нельзя задать частный вопрос к первой (20а–б). Данный запрет действует только, если ИГ-экспертиенц – невынесенный топик, а не тогда, когда она стоит в дательном (20б).

Важно заметить, что при стативном глаголе другого лексического класса [*philyoha-ta* ‘быть-нужным’, см. сноску 25 выше, пример (i-a)] вопрос к ИГ-экспертиенцу возможен (21). В предложениях типа “топик + подлежащее” можно задать вопрос и к невынесенному топику (22а), и к подлежащему в именительном (22б).

- (20) а. Ne-nun nwu-ka wusep-ni?
 ты-ТОП кто-то²⁹-ИМ страшно-ВОПР
 “Кого ты боишься?”

- б. *Nwu-ka/nwukwu-eukey ku kay-ka
 кто-то-ИМ/кто-то-ДАТ этот собака-ИМ
 mwusep-ni?
 страшно-ВОПР
 “Кто боится этой собаки?”

- (21) Nwu-ka/nwukwu-eukey haksayng-i philyoha-ni?
 Кто-то-ИМ/кто-то-ДАТ студент-ИМ быть-нужным-ВОПР
 “Кому нужны студенты?”

- (22) а. Waikhikhi-nun mwues-i soh-ni?
 Ваикики-ТОП что-то-ИМ хороший-ВОПР
 “Что хорошо в Ваикики?”, “Что хорошего есть в Ваикики?”

- б. Epu kos-i kyengchi-ka soh-ni?
 какой-то место-ИМ пейзаж-ИМ хороший-ВОПР
 “В каком месте хороший пейзаж?”

²⁸ В общем случае *chayk-i* ‘книга-ИМ’ может интерпретироваться как родовая/генерическая, так что невозможность перевода (Б) в (19) не связана с морфологической формой *chayk-i* или отсутствием каких-либо определений при этой ИГ.

- (i) Na-nun chayk-i silh-ta
 я-ТОП книга-ИМ не-нравиться-ИЗЪЯВ
 “Я не люблю книги”.

²⁹ В корейском нет собственно вопросительных местоимений, но неопределенные местоимения могут интерпретироваться как вопросительные в контексте вопросительной частицы при глаголе. Однако подобная интерпретация не обязательна, так что, например, (20а) может переводиться и как “Ты кого-то/кого-нибудь боишься?”. Кроме того, при вопросе к невынесенному топику (20б)–(21) у этого топика показатель именительного, поскольку данная ИГ – фокус частного вопроса, ср. (1в) в п. 1 и (4в) в п. 2.

3.2. Релятивизация ИГ-стимула с *philyoha-ta* ‘быть-нужным’ и *aphu-ta* ‘болеть’

Помимо продемонстрированных в пп. 3.1.2–3.1.3 ограничений на конструкцию ТОП-ИМ с глаголами психологического состояния, запрет на релятивизацию ИГ-стимула [п. 2.1.2, пример (7а)] также действует только в случае глаголов психологического состояния, а не других стативных глаголов с аргументами “эксперिएнцер” и “стимул/пациенс”, ср. (i) в сноске 25. Так, в (7а) нулевое относительное местоимение 0_i может интерпретироваться как эксперिएнцер, но не стимул, а в (24а–б) 0_i может интерпретироваться как стимул.

- (7) а. [0_i namphyen-i (* 0_i) mwusew-un]
 [0_i [ЭКСП] муж-ИМ (* 0_i [СТ]) страшно-ПРИЧ]
 rwuip-un_i parr-un rwuip-i-ta
 жена_i-ТОП плохой-ПРИЧ жена-быть-ИЗЪЯВ
 (А) ‘Жена, которая боится (своего) мужа, – плохая жена’,
 (Б)* ‘Жена, которой (ее) муж боится, – плохая жена’.
- (24) а. [Naksayng-i 0_i philyoha-n]
 [студент-ИМ 0_i [СТ/ПАЦ] быть-нужным-ПРИЧ]
 rwun-un_i Kim sensayng-nim-i-si-ta
 человек_i-ГОН-ТОП Ким учитель-ГОН-быть-ГОН-ИЗЪЯВ
 “Тот человек, в котором нуждаются студенты, – профессор Ким”.
- б. ?[Mia-ka 0_i aphu-n]
 [Mia-ИМ 0_i [СТ/ПАЦ] болеть-ПРИЧ]
 kos-un_i meli-0-ta
 место_i-ТОП голова-быть-ИЗЪЯВ
 букв. “Место, которое у Mиа болит, – голова”.

Запрет на релятивизацию ИГ-стимула в конструкции с глаголом психологического состояния типа (1б) можно также объяснить дискурсивной выделенностью ИГ-эксперिएнцера (как и ограничения на вопрос к ИГ-эксперिएнцера и на статус всей конструкции как придаточного-дополнения), в результате которой понижается коммуникативная значимость ИГ-стимула/пациенса, а не с синтаксической структурой самой конструкции.

Как показано в п. 3.1.1, у ИГ-эксперिएнцера есть основные свойства грамматического подлежащего, то есть эта ИГ стоит в позиции подлежащего, а не в “дополнительной” синтаксической позиции “топик/фокус” (см. анализ конструкции “топик + подлежащее” в п. 2.2). Если бы ИГ-эксперिएнцер стояла в позиции “топик/фокус”, запрет на релятивизацию ИГ-стимула/пациенса сохранялся бы для стативных глаголов с другой семантикой – *philyoha-ta* и *aphu-ta*. Таким образом, этот запрет получает не синтаксическое объяснение, как в случае предложений “топик + подлежащее” (4б), а связан с дискурсивными и лексическими факторами. Сходные свойства двух типов конструкций, проиллюстрированные в п. 2.1, вызваны разными факторами.

4. ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели свойства конструкции ТОП-ИМ со стативными глаголами психологического состояния в сравнении с конструкцией “топик + подлежащее” и в сравнении с аналогичной конструкцией со стативными глаголами других лексических классов. Сравнение и анализ этих свойств позволяет сделать вывод, что синтаксические характеристики и ограничения, наблюдаемые в предложениях ТОП-ИМ с глаголами психологического состояния, связаны в первую очередь со структурой дискурса в корейском и коммуникативной организацией предложений данного типа. ИГ-топик-экс-

перенос глагола психологического состояния отождествляется с выделенной дискурсивной ролью “субъект психологического состояния” и поэтому становится “грамматикализованным” топиком, а коммуникативная значимость ИГ-стимула понижена, так что ИГ-стимул и стативный глагол образуют “грамматикализованный” логический предикат.

Дискурсивная роль “субъект психологического состояния” выделяется не только на основе материала стативных глаголов, но и, в первую очередь, дистантных рефлексивов [Sells 1987]. Синтаксические ограничения на предложения “топик + подлежащее”, сходные с ограничениями в предложениях с глаголами психологического состояния, не связаны со структурой дискурса, а получают объяснение в терминах синтаксической структуры и локального коммуникативного выделения с помощью показателя топика³⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казенин, Тестелец 1999 – К.И. Казенин, Я.Г. Тестелец. Порядок слов и структура составляющих // А.Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. К проблеме ядерных актантов и их “неканонического кодирования”: свидетельства арчинского языка // Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Мазур 1960 – Ю.Н. Мазур. Корейский язык. М., 1960.
- Мазур 2001 – Ю.Н. Мазур. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование) М., 2001.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Рудницкая 2001 – Е.Л. Рудницкая. Локальные и нелокальные рефлексивы в корейском языке с типологической точки зрения – формальное или прагматическое описание? // ВЯ. 2001. № 2.
- Рудницкая 2004 – Е.Л. Рудницкая. Проблема подлежащего в корейском // Российское корееведение. 2004. № 4.
- Солнцев 1995 – В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с особенностями человеческого языка.) М., 1995.
- Холодович 1954 – А.А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.
- Хонг 2004 – Т.-К. Хонг. К вопросу о значении корейского глагольного суффикса *-te* // Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян и А.Ю. Урмачиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Aissen 1999 – J. Aissen. External possessor and logical subject in Tz’utujil // D.L. Payne, I. Barshi (eds.). External possession. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Chang 1996 – S.-J. Chang. Korean. Amsterdam, 1996.
- Cho, Han, Sohn 1990 – Y.-M. Cho, E. Han, C.-Y. Sohn. Basic Korean. Stanford (Ms.), 1990.
- Den-Dikken, в печ. – M. Den-Dikken. Relators and linkers. (в печ.).
- Erteschik-Shir, Lappin 1987 – N. Erteschik-Shir, S. Lappin. Dominance and modularity // Linguistics 25. 1987.
- Heycock 1993 – C. Heycock. Syntactic predication in Japanese // Journal of East Asian linguistics. 2. 1993.

³⁰ Синтаксические ограничения, связанные с коммуникативным выделением, встречаются, помимо японского и корейского, в некоторых других языках, особенно если коммуникативный статус ИГ (например, топик vs. фокус) оказывает влияние на тип падежного показателя. Так, в языке Северной Америки Чикасо (Chickasaw) есть по два показателя именительного и винительного: например, “именительный-топик” и “именительный-фокус”. В этом языке распространена и конструкция “топик + подлежащее” [Munro 1999]. В филиппинских языках система глагольной деривации коррелирует с “pivotизацией” ИГ-участника ситуации. Такая ИГ всегда стоит в именительном; при этом мишенью релятивизации может быть только ИГ в именительном [Mithun 1993]. Ср. также систему падежных показателей в северо-остийском языке [Northern Ostyak, Nikolaeva 2001], которая определяет условия и специфику залоговых преобразований.

- Hirotani 2001 – *M. Hirotani*. Constraining aboutness in the semantics of Japanese *-Wa -Ga* constructions. Рукопись, 2001.
- Kang 1988 – *M.-Y. Kang*. Topics in Korean syntax: phrase structure, variable binding and movement. PhD dissertation. MIT, 1988.
- Keenan 1976 – *E. Keenan*. Towards a universal definition of “subject” // Ch. Li (ed.). Subject and Topic. New York, 1976 (Пер. в: Новое в лингвистике. 11. М., 1982).
- Keenan, Comrie 1977 – *E.L. Keenan, B. Comrie*. Noun phrase accessibility and universal grammar // Linguistic inquiry 8. 1977. № 1 (Пер. в: Новое в лингвистике. 11. М., 1982.)
- Kibrik 1996 – *A.A. Kibrik*. Transitivity in lexicon and grammar. Binominative construction // A.E. Kibrik (ed.). Godoberi. Lincom studies in Caucasian linguistics. München; Newcastle, 1996.
- Kuno 1973 – *S. Kuno*. The Structure of the Japanese language. Cambridge (Ms.), 1973.
- Kuno 1976 – *S. Kuno*. Subject, theme and the speaker’s empathy – A reexamination of relativization phenomena // Ch. N. Li (ed.). Subject and topic. New York, 1976.
- Lee, Kim 1988 – *H.-B. Lee, M.-K. Kim*. Double-Nominative constructions in Korean // Linguistics in the Morning Calm 2. Seoul, 1988.
- Li, Thompson 1976 – *Ch. N. Li, S.A. Thompson*. Subject and topic: A new typology of language // Ch. N. Li (ed.). Subject and topic. New York, 1976.
- Martin 1992 – *S.E. Martin*. A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language. Rutland; Tokyo, 1992.
- Mel’čuk 2001 – *I.A. Mel’čuk*. Communicative organization of natural language. The semantic-communicative structure of sentences. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Mirto 1998 – *I.M. Mirto*. The syntax of the meronymic constructions. Pisa, 1998.
- Mithun 1993 – *M. Mithun*. The implication of ergativity for the Philippine voice system // B. Fox, P.J. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam, 1993.
- Munro 1999 – *P. Munro*. Chickasaw subjecthood // D.L. Payne, I. Barshi (eds.). External possession. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Nikolaeva 2001 – *I. Nikolaeva*. Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics 39. 2001.
- Schütze 2001 – *C. Schütze*. On Korean ‘case stacking’: the varied functions of the particles *ka* and *lul* // The linguistic review. 18. 2001.
- Sells 1987 – *P. Sells*. Aspects of logophoricity // Linguistic inquiry 18.3. 1987.
- Sohn H.-M. 1999 – *H.-M. Sohn*. The Korean grammar. Cambridge, 1999.
- Sohn S.-O. 1995 – *S.-O. Sohn*. Tense and aspect in Korean. Honolulu, Center for Korean studies, Monograph. № 18. 1995.
- Teng 1974 – *S. Teng*. Double Nominatives in Chinese // Language 50. 1974.
- Tournadre 1996 – *N. Tournadre*. Comparaison des système médiatifs de quatre dialectes Tibétains (Tibetain Central, Ladakhi, Dzongkha et Amdo) // Z. Guentchéva (éd.). L’énonciation médiatisée. Paris, 1996.
- Yoon 2003 – *J.-H. Yoon*. Non-nominative (major) subjects and case-stacking in Korean // P. Bhaskararao, K.V. Subbarao (eds.). Non-nominative subjects. Berlin, 2003.

© 2005 г. А.Б. ЛЕТУЧИЙ

**НЕПРОТОТИПИЧЕСКАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ И ЛАБИЛЬНОСТЬ:
ФАЗОВЫЕ ЛАБИЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ***

В настоящей статье исследуется способность глагола выступать в двух разных диатезах, различающихся тем, какой из участников занимает позицию субъекта, т. е. речь идет о глаголах, имеющих несколько альтернативных моделей управления (эти глаголы или некоторый их подкласс называются лабильными). Лабильность фазовых глаголов связана с их отличиями от прототипического-переходных глаголов: в частности, с отсутствием в числе их участников прототипического пациенса и с тем, что они имеют валентность на ситуацию. Это ведет к тому, что фазовые глаголы лабильны даже в некоторых языках, где других лабильных глаголов практически нет. Также в статье показано, что свойства инхоативных и терминативных глаголов в рассматриваемом аспекте различаются: так, в ряде языков лабильны только глаголы начала ситуации. Это связано с различными семантическими и аспектуальными свойствами глаголов начала и конца ситуации. В заключении делаются выводы о лабильности фазовых глаголов и предположения о лабильности непрототипических переходных глаголов вообще.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших характеристик глаголов – как при их типологическом изучении, так и при сравнении глаголов одного языка – является их модель управления, т. е. тип соответствия между семантическими актантами (участниками ситуации) и синтаксическими актантами (показывающими, каким образом семантические актанты выражаются в предложении)¹. Так, хорошо известно, что глаголы разрушения (типа ‘рвать’ или ‘ломать’) в языках мира часто бывают переходными, их пациенс практически всегда выражается с помощью прямого дополнения, а агенс – с помощью подлежащего.

Хотя в большинстве случаев модель управления является постоянной характеристикой глагольной лексемы, еще более полувека назад было обнаружено, что существуют некоторые исключения – глаголы, имеющие несколько альтернативных моделей управления. Эти глаголы (или некоторый их подкласс) называют лабильными. Судя по всему, первой работой, где данные лексемы были выделены в особый класс, была статья [Чикобава 1942] на грузинском языке, где анализировался материал кавказских языков. В действительности, как ясно из работ [Haspelmath 1993; Dixon, Aikhenvald 2000], лабильные глаголы в том или ином количестве есть очень во многих языках и языковых семьях.

Под лабильностью в узком смысле, как правило, понимается способность глагола иметь две диатезы: с прямым объектом и без него [Чикобава 1942; Рогова, Керашева

* Я благодарен за помощь в подготовке этой статьи Н.Р. Сумбатовой и В.А. Плунгяну. Эта работа была бы также невозможна без помощи консультантов, предоставивших сведения о болгарском (М.Е. Носова), арабском (А. Ханнан, М. Аль-Матни) и немецком (Я. Вольгемут) языках.

¹ Мы используем данные термины в том понимании, которое было предложено И.А. Мельчуком, Ю.Д. Апресяном, И.М. Богуславским и другими лингвистами, работавшими в рамках модели “Смысл ⇔ Текст”; ср., прежде всего [Мельчук 1974; Апресян 1974].

1966; Haspelmath 1993]. В частности, в число лабильных включаются такие глаголы, как русский *есть* или английский *break*:

- (1) *Он ест мясо – Он (плохо) ест.*
- (2) *He broke the cup ‘Он разбил чашку’ – The cup broke ‘Чашка разбилась’.*

Е.А. Лютикова в своем докладе [Лютикова 2002] использует еще более узкое определение, относя к собственно лабильности (*семантической лабильности*, которую она отличает от *синтаксической* – способности глагола выступать и как переходный, и как непереходный) только вариативность, при которой одна диатеза семантически является каузативной от другой.

Более широкое понимание лабильности принимает, например, М.С. Полинская в своей диссертации [Полинская 1986: 44]: лабильными в этой работе называются все глаголы, способные иметь более одной диатезы, при том, что изменение диатезы никак не маркируется, независимо от того, как две диатезы соотносятся по своим свойствам. При таком понимании класс лабильных глаголов оказывается существенно больше традиционного.

Для целей данной работы кажется целесообразным использовать некоторое промежуточное понимание лабильности, в чем-то более широкое, чем традиционное, связанное с переходностью, но заведомо более узкое, чем определение М.С. Полинской. А именно, лабильностью ниже будет называться **способность глагола выступать в двух разных диатезах, различающихся тем, какой из участников занимает позицию субъекта**. В частности, при таком понимании английский глагол *break* останется лабильным, поскольку в одном из употреблений субъектом является агенс, а при другом – пациенс. С другой стороны, русский глагол *есть* считаться лабильным не будет, поскольку в обоих его диатезах в (1) субъектом является агенс. Определяя лабильность указанным способом, мы охватим все интересующие нас случаи варьирования диатезы, которые, как кажется, обладают существенной семантической общностью.

Как было сказано выше, лабильность тесно связана с переходностью глагола. Неудивительно, что исследования лабильности обычно проводятся на материале ядра класса переходных глаголов: как правило, рассматриваются глаголы, первый и второй актанта которых являются, соответственно, прототипическим агенсом и прототипическим пациенсом (о прототипах агенса и пациенса см., в частности [Dowty 1991]). Объект при переходном употреблении таких глаголов подвергается сильным изменениям, а субъект производит над ним эти изменения – ср. английский глагол *break* ‘ломать(ся)’, немецкий *kochen* ‘варить(ся)’. Напротив, такие глаголы, как *играть* (*Во дворе играет музыка – Оркестр играет туш*) или *повернуть* (*Он повернул выключатель – Мы повернули налево*), у которых нет прототипического пациенса, редко рассматриваются в связи с лабильностью, поскольку их диатезы противопоставлены не столь явно, как у глаголов с прототипическими агенсом и пациенсом. Вероятно, это происходит потому, что свойства периферийных классов глаголов считаются выводимыми из свойств ядра класса переходных глаголов, подробным рассмотрением которых обычно и ограничиваются.

Ниже мы хотели бы показать, что такой подход оказывается не вполне точным. Поведение глаголов, не имеющих прототипических агенса и пациенса, с одной стороны, отличается от поведения прототипически переходных глаголов, а, с другой стороны, рассмотрение их диатез может дать довольно много для понимания явления лабильности в целом.

В данной работе будет рассматриваться варьирование диатез у одной из групп глаголов, не имеющих прототипических агенса и пациенса, а именно у фазовых глаголов. Мы попытаемся показать, что, с одной стороны, фазовые глаголы могут проявлять особую склонность к лабильности, которая требует объяснения, а с другой стороны, их свойства – именно в силу того, что эти глаголы занимают периферийное положение среди переходных глаголов – дают возможность сделать некоторые выводы о природе феномена лабильности в целом.

Фазовые глаголы были подробно рассмотрены в книге [ТФГ 1987]; следует далее упомянуть работы [Храковский 1987; Недялков 1987], где строится подробная классификация фазовых глаголов и рассматриваются их особые свойства.

Основные утверждения будут иллюстрироваться, прежде всего, материалом болгарского, арабского², немецкого и английского языков. Это существенно, поскольку по отношению к лабильности эти языки явно различаются: в арабском и болгарском лабильность свойственна отдельным немногочисленным глаголам (в частности, в очень подробной работе [Гранде 1998] лабильность в арабском языке не упоминается), в немецком – достаточно большим группам лексем, в английском же разные типы лабильности свойственны подавляющему большинству глаголов.

1. КАНОНИЧЕСКАЯ И НЕКАНОНИЧЕСКАЯ ЛАБИЛЬНОСТЬ

В работе будут использоваться понятия канонической и неканонической лабильности. Каноническая лабильность предполагает, что глагол в одном из употреблений имеет на один актанта меньше, чем в другом. При этом в первом употреблении глагол не является переходным, а во втором – является. Таковы, к примеру, употребления болгарского глагола *започна* ‘начаться’ и ‘начать Р’ (где Р – действие субъекта или ситуация, в которой он участвует). Лабильные глаголы данного типа являются как бы центром класса лабильных глаголов, поскольку у них варьирование как семантических, так и синтаксических свойств проявляется наиболее последовательно.

При неканонической лабильности в одном из употреблений глагол также имеет на один актанта меньше, чем в другом, но различий по переходности не наблюдается. Так, арабский глагол *intaha*: ‘закончить(ся)’ в двухвалентном употреблении, как и в одновалентном, не является переходным, управляя предлогом *min* ‘из’.

2. ФАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ И ПЕРЕХОДНОСТЬ

Легко видеть, что фазовые глаголы сильнее отличаются от предикатов с прототипическими агенсом и пациенсом, чем глаголы типа *играть* или *вернуть*. Объект фазовых глаголов не только не является прототипическим пациенсом, но вообще представляет собой ситуацию, тогда как объект глаголов типа *играть* – все же предмет (хотя и не прототипический пациент).

Соответственно, двухвалентные употребления фазовых глаголов – это часто конструкции с синтаксическими актантами (вида *начать говорить*), характерные, например, для русских глаголов *начать*, *продолжить*, *закончить* или их английских и немецких эквивалентов. Такие двухвалентные диатезы нельзя однозначно определить ни как переходные, ни как непереходные. Решение во многом зависит от свойств синтаксических дополнений в рассматриваемом языке: например, аргументом в пользу отнесения конструкций с синтаксическими дополнениями к переходным может быть то, что такие дополнения часто появляются у глаголов, способных принимать и именное прямое дополнение. Однако полного совпадения здесь не наблюдается: ср. русский глагол *бояться*, управляющий генитивом, но способный управлять синтаксическим дополнением.

Тем не менее, рассмотрение фазовых глаголов в контексте переходности и лабильности возможно, поскольку глаголы этой группы нередко уподобляются по диатезе переходным глаголам: ср. *Учитель начал урок*. Фазовые глаголы, которые могут принимать именное прямое дополнение со значением ситуации либо выступать как одновалентные с субъектом-ситуацией, конечно, являются лабильными, несмотря на необычные семантические характеристики их объектов. В частности, именно таким является арабский

² Говоря об арабских фазовых глаголах, нельзя не упомянуть работ В.С. Храковского, в частности, его статью [Храковский 1978], где подробно анализируются семантические и синтаксические свойства арабских фазовых глаголов.

глагол *bada'a* 'начинать(ся)': в примере (3a) он принимает именное дополнение, а в (3b) выступает как одновалентный с субъектом-ситуацией:

(3a) <i>bada'a</i> -a	<i>al-'umma:l-u</i>	<i>al-mašru:'-a</i>	
начинать.PAST-3SG.M	DEF-рабочие-NOM	DEF-план-ACC ³	
'Рабочие начали план (= выполнение плана).'			
(3b) <i>fi:</i>	<i>as-sa:'at-i</i>	<i>at-ta:si'at-i</i>	<i>bada'a-t</i>
в	DET-час-GEN	DET-девятый-GEN	начинаться.PAST-3SG.F
	<i>al-ħarb-u</i>		
	DEF-война-NOM		
'В девять часов началась война'.			

Подобные случаи относятся к "центру" понятия лабильности, к канонической лабильности. Существование такого варьирования у фазовых глаголов позволяет рассматривать в рамках лабильности и другие типы варьирования, при которых глагол также имеет две диатезы – с субъектом-ситуацией и с объектом-ситуацией – но ситуация выражается сентенциальным актантом.

3. ЛАБИЛЬНОСТЬ ФАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В ЯЗЫКАХ МИРА

Прежде чем переходить к обсуждению лабильности фазовых глаголов в типологическом аспекте, необходимо сказать несколько слов о лабильности в целом. Немаловажно, что лабильные глаголы существуют в очень большом числе языков, однако объем этого класса существенно различается от языка к языку. На одном конце шкалы находится английский язык, в котором лабильность нередко является общим свойством крупных таксономических классов глаголов – таких, например, как глаголы деформации типа *break* 'ломать(ся)', *tear* 'рвать(ся)', *crash* 'крушить; разрушать(ся)' и т.п. На противоположном полюсе находятся языки, где лабильных глаголов нет или практически нет – к таковым можно отнести, например, тюркские и картвельские языки.

Посередине между этими двумя полюсами находятся романские, германские, семитские, уральские, нахско-дагестанские и многие другие языки. Эти языки "выбирают" небольшие подклассы класса переходных глаголов, делая их лабильными. В частности, в немецком языке многие глаголы с прототипическим пациенсом проявляют лабильность, как и в английском. В лезгинском языке различные исследователи насчитывают от девяти до тринадцати лабильных глаголов, в адыгейском их около восьмидесяти, в русском – порядка двадцати, и т. д. Таким образом, можно классифицировать не только лабильные глаголы, но и языки – в соответствии с тем, какие и насколько большие группы проявляют лабильность. Проблемы деления глаголов на группы в настоящей работе не затрагиваются.

Поскольку группы лабильных глаголов существенно разнятся от языка к языку, одной из первостепенных задач типологического описания является поиск семантических классов глаголов, типологически "склонных" к лабильности. Одним – пожалуй, самым заметным – из таких классов как раз и являются фазовые глаголы. Существование, что глаголы этого класса проявляют лабильность не только в языках с большим количеством лабильных глаголов, но и в системах со средним (болгарский) и даже с малым количеством лабильных глаголов.

³ В работе используются следующие сокращения:

NOM – именительный падеж; ACC – винительный падеж; GEN – родительный падеж; DAT – дательный падеж; PL – множественное число; PASS – пассивный залог; IND – изъявительное наклонение; 1, 2, 3 – первое, второе, третье лица; SG – единственное число; M – мужской род; F – женский род; DEF – определенный артикль; PRS – настоящее время; PAST – прошедшее время; INF – инфинитив.

3.1. Лабильность фазовых глаголов в языках “без лабильности”

Говоря о лабильности фазовых глаголов в языках с неразвитой лабильностью, нельзя не упомянуть тюркские языки. Для языков этой группы, имеющих продуктивные показатели каузатива и декаузатива, лабильность нехарактерна: как правило, либо переходная, либо непереходная диатеза маркируется каким-либо суффиксом актантной деривации (о тенденциях, связанных со способами маркирования актантной деривации, см. [Недялков 1969]). Исключение составляют именно фазовые глаголы, ср. пример (4) из турецкого языка:

- (4a) ders başl-iyor
урок начинать-PRS
‘Урок начинается’;
- (4b) öğretmen ders-e başl-iyor
учитель урок-DAT начинать-PRS
‘Учитель начинает урок’.

В целом, по данным выборки, приведенной в [Haspelmath 1993], наибольшую склонность к лабильности проявляют именно глаголы со значением ‘начинать’. В частности, глаголы ‘начинать’ лабильны в иврите и арабском языке⁴, в которых другие глаголы выборки не лабильны. Во многих языках выборки (румынский, удмуртский, иврит) фазовые, чаще всего инхоативные, лексемы – не единственные лабильные глаголы, но класс других лабильных глаголов также очень узок.

Способность фазовых глаголов становиться лабильными существенна в теоретическом плане, а именно для выяснения набора свойств, которые могут облегчать лабильность того или иного класса глаголов. С другой стороны, в языках с более развитой лабильностью фазовые лабильные глаголы могут занимать разное место в системе глаголов, отличаясь от прочих семантических групп лексем или совпадая с ними.

Предельным случаем является ситуация, когда лабильность фазовых глаголов становится своего рода грамматическим правилом. Этот вариант будет рассмотрен в следующем разделе. С другой стороны, мы покажем, что и в языках с очень большим числом лабильных глаголов (типа английского и, в меньшей степени, немецкого) фазовые глаголы могут допускать особые типы варьирования, нехарактерные для прочих групп глаголов.

3.2. Лабильность фазовых глаголов как грамматическое правило

Даже в языках, где, кроме фазовых, имеются и другие лабильные глаголы, лабильность фазовых глаголов может характеризоваться особыми свойствами. Показательным примером является болгарский язык: в нем имеется довольно большой класс лабильных глаголов, включающий глаголы восприятия (*харесвам* ‘любить/нравиться’), глаголы движения (*мръдвам* ‘двигать(ся)’), глаголы физического воздействия (*прилепвам* ‘прилипать/приклеивать’). Однако важно, что для болгарского языка нехарактерна лабильность целых семантических классов лексем – гораздо чаще лабильными бывают отдельные представители того или иного класса. Исключение составляет именно лабильность фазовых глаголов, которая фактически является грамматическим правилом, верным для всех глаголов этого класса, ср. (5)–(7):

- (5a) *Започна да ходи напред-назад* ‘Она стала ходить туда-сюда’;

⁴ В иврите используются глаголы *hithil* и *hehil*, а в арабском – *bada'a* и *'ibtada'a*, т.е. арабские и ивритские глаголы между собой не родственны.

- (5b) *Тази нощ кучешикият вой започна по-рано* 'В эту ночь собачий вой начался раньше'.
 (6a) *Преподавателят завърши урока и стана* 'Учитель закончил урок и встал';
 (6b) *В 1945 г. завърши войната* 'В 1945 г. закончилась война'.
 (7a) *Делчев продължава лятното си турне* 'Делчев продолжает свое летнее турне';
 (7b) *Войната продължава* 'Война продолжается'.

Помимо переходной и одновалентной диатез, фазовые глаголы имеют диатезу с сентенциальным актантом (см. об этом ниже). Тем не менее, подобная ситуация редка – помимо болгарского, других примеров на сегодняшний момент не известно. В сербском языке, также относящемся к южнославянской группе языков, тенденция фазовых глаголов к лабильности значительно слабее: лабилен только глагол *почети* 'начинать(ся)', тогда как лексема *завршишти* 'закончить' употребляется только как переходная. Нужно сказать, что одним из характерных свойств лабильности является то, что она может проявляться только у одного глагола из определенного семантического класса. Именно поэтому лабильность целого класса очень примечательна и заставляет считать, что фазовые глаголы особенно склонны к лабильности.

В английском языке большинство фазовых глаголов лабильны. Само по себе это удивительно, но интересно поведение глагола *start* 'начинать(ся), заставить начать':

- (8a) *The meeting started* 'Митинг начался';
 (8b) *We started the meeting* 'Мы начали митинг';
 (8c) *These news started me thinking* 'Эти новости заставили меня задуматься'.

Глагол *start*, как видно из примеров (8a)–(8c), имеет как бы "тройную" лабильность – вторая диатеза семантически является каузативом от первой, а третья – от второй. При этом диатеза, представленная в (8c), отличается от прототипической каузативной – в частности, субъект-каузатор *these news* неагентивен. Кроме того, неясно, можно ли считать, отглагольное имя *thinking* синтаксическим актантом глагола *start* (поскольку отглагольные имена на *-ing* по своим свойствам отличаются от прочих существительных), хотя семантически начинающаяся ситуация, безусловно, является актантом фазового глагола. Следовательно, не вполне ясно, происходит ли в (8c) увеличение числа актантов, по сравнению с (8b).

Случай глагола *start* доказывает, что лабильность не вполне правильно рассматривать как немаркированную деривацию, производящую из одного значения другое. В этом случае мы должны были бы считать, что в примерах (8a–c) каузативизация происходит два раза. Однако это не позволило бы нам учесть тот факт, что само наличие трех диатез является особым свойством глагола *start*, то есть все три диатезы связаны между собой и обусловлены характеристиками фазового глагола. Кроме того, существенно, что неясно, какую из трех диатез нужно считать первичной и можно ли вообще установить в случаях типа *start* порядок дериваций.

Вместе с тем, как нам кажется, на примере фазовых глаголов видно, что проводить жесткую границу между канонической лабильностью и другими видами варьирования диатез не всегда полезно. В частности, такое разграничение не вполне осмысленно, когда речь идет о глаголах, дополнениями которых всегда являются ситуации – хотя они и могут быть выражены существительными, а не сентенциальными актантами. Если каноническая лабильность является центральным типом варьирования для глаголов с предметными дополнениями, то ее центральная позиция в случае глаголов с объектами-ситуациями не очевидна.

Еще одним случаем, когда разграничение такого рода непродуктивно, является совмещение в одном фазовом глаголе более чем двух диатез. Нужно сказать, что такого рода случаи достаточно редко рассматриваются в связи с лабильностью. Как правило, при наличии у глагола нескольких диатез каждая пара моделей рассматривается отдельно. Исключением в некотором смысле является работа [Levin 1993], где глагол относит-

ся к тому или иному классу в соответствии с полным набором возможных для него типов варьирования, но варьирование предполагает наличие **пары** диатез.

В действительности оказывается, что существуют группы глаголов, часто имеющие более двух диатез. К примеру, русские глаголы *капать* и *брызгать* могут как употребляться безобъектно, так и управлять прямым или косвенным (инструментальным) дополнением. Подобной группой являются и фазовые глаголы. К примеру, упоминавшийся выше арабский глагол *bada'a* 'начинать(ся)' в значении 'начинать' может управлять существительным в аккумулятиве, сентенциальным актантом или существительным с предлогом.

Вариативность управления дополнением не имеет отношения к немаркированной каузативации. Однако этот тип вариативности важен для нас потому, что он отличает фазовые глаголы от глаголов разрушения: глаголы типа 'убить' или 'ранить' скорее склонны иметь одну – переходную – модель управления. Если наличие диатезы с сентенциальным актантом можно объяснить семантикой фазовых глаголов, то диатеза с предложным дополнением не вытекает прямо из значения, а является следствием неполной переходности фазовых глаголов, ср. немецкий глагол *beginnen* 'начать(ся)' в (9) или болгарский *започна* 'начать(ся)' в (10), русские разговорные конструкции типа *Дайте с этим закончим*, а также глагол *покончить*, всегда управляющий предлогом с в сочетаниях типа *С этим вопросом мы покончили*:

(9) *Sie begannen die Arbeit/mit der Arbeit* 'Они начали работу'.

(10) *Te започнаха обсъждането/със обсъждането* 'Они начали обсуждение'.

Вероятно, между конструкциями с прямым и с предложным дополнением есть семантические различия, но они еще недостаточно ясны.

В любом случае, ясно, что лабильность и вариативность управления фазовых глаголов обусловлены одними и теми же их свойствами: во-первых, с семантическими особенностями и во-вторых, с отклонением фазовых глаголов от прототипа переходности (второе, конечно, связано с первым).

3.3. Фазовые глаголы и диатетические типы лабильности

Как уже говорилось выше, лабильность той или иной группы глаголов требует объяснения, позволяющего связать лабильность с другими свойствами группы. Глаголы, допускающие варьирование диатезы, необходимо классифицировать по семантическим или синтаксическим основаниям. Одной из возможностей является классификация по типу диатетического преобразования.

Такая классификация сложилась еще несколько десятилетий назад на материале языков с развитым маркированием актантных дериваций (типа тюркских) и была обобщена, в частности, в работах [Мельчук 1998: 163–178; Плунгян 2000: 209–220, ср. тж. Dixon, Aikhenvald (eds.) 2000]. Однако построение классификации лабильных глаголов затруднено. Во-первых, в данном случае не всегда можно говорить об исходной и производной диатезах, а во-вторых, отсутствуют показатели деривации. Таким образом, невозможно проверить, какие значения могут совмещаться в одном показателе – в отличие от тех случаев, когда деривация маркируется морфологически.

Тем не менее попытки предложить классификацию предпринимаются. В частности, в работе [Levin 1993] на примере английского языка выделяется большое количество видов немаркированных диатетических преобразований: в частности, немаркированные каузатив, рефлексив, реципрок, медиальная конструкция и другие. Аналогичные типы выделила Е.А. Лютикова [Лютикова 2002]⁵. Нетрудно заметить, что выделены эти ти-

⁵ Впрочем, как следует из сказанного выше, большинство из этих типов Е.А. Лютикова относит к синтаксической, но не к семантической лабильности.

‘Начался учебный год’;

- (11b) n-abtadi'-u dira:sat-a al-lughat-i al-'arabiyyat-i
IPL-начинать.PRS-IND.SG изучение-ACC DEF-язык-GEN DEF-арабский-GEN
‘Мы начинаем изучать арабский язык’.

‘При этом только первый из них может управлять синтаксическим актантом:

- (12) bada'-tu/*'ibtada'tu 'ufakkir-u fi: 'akhba:r-i al-yawm-i
начать.PAST-1SG 1SG-думать.PRS-IND.SG в новость.PL-GEN DEF-день-GEN
‘Я начал размышлять о сегодняшних новостях’.

Напротив, другие фазовые глаголы [*istamarra* ‘продолжать(ся)’, *intaha*: ‘заканчивать(ся)’] не имеют переходных диатез, но могут в каузативном употреблении управлять предложными дополнениями.

- (13a) 'intaha: al-'i:d-u bi al-al'a:b-i an-nariyy-at-i
кончатся.PAST DEF-праздник-NOM с DEF-игры-GEN DEF-огненный-F-GEN
‘Праздник кончился фейерверком’;

- (13b) wa ba'da an intaha: min tana:wul-i
и после что кончатся.PAST.3SG.M от принятие-GEN
al-fuTu:r-i naħaD-a
DEF-завтрак-GEN вставать.PAST-3SG.M
‘А после того, как он закончил завтракать, он встал’.

- (14a) istamar-at al-mufa:waDa:t-u at-tuna:'iyy-at-u fi: mu:sku:
продолжаться.PAST-3SG.F DEF-переговоры-NOM DEF-двусторонний-F-NOM в Москва
‘Продолжились двусторонние переговоры в Москве’;

- (14b) istamar-a fi: siya:sat-i-hi al-'udwa:niyy-at-i
продолжаться.PAST-3SG.M в политика-GEN-3SG.M DEF-враждебный-F-GEN
‘Он продолжил проводить свою агрессивную политику’.

С другой стороны, глагол *istamarra* нередко управляет синтаксическим актантом без союза, а *intaha*: не может образовывать такую конструкцию:

- (15) istamar-at t-a'mal-u bi haða: al-'ism-i
продолжаться.PAST-3SG.F 3F-работать.PRS-IND.SG с этот:M DEF-имя-GEN
‘Она продолжала работать под этим именем (букв.: ‘она-продолжила она-работает’)’.

Интересно, что типы варьирования, отличные от канонической лабильности, допускают глаголы, образованные по рефлексивному или медиальному типу (или, в арабской грамматической терминологии, по восьмой или десятой породе). С другой стороны, переходную диатезу со значением ‘заканчивать’ имеет однокоренной с *intaha*: глагол каузативной четвертой породе *anha*: ‘заканчивать’.

Таким образом, несколько арабских фазовых глаголов могут без изменения формы иметь как значение ‘начинаться’, так и ‘начинать’. В финском языке аналогичным образом ведет себя глагол *alkaa* ‘начинать(ся)’: в каузативном значении он управляет одной из инфинитивных форм:

- (16) hän alk-oi työskennellä
он начинать-3SG.PRS работать.INF
‘Он начинает работать’.

Каузативный глагол *aloittaa* ‘начинать’, напротив, управляет прямым объектом (ср. *aloittaa homman* ‘начать работу (прямой объект)’) и не имеет безобъектного употребления, то есть во многом близок к арабскому каузативу *'anha*.

Хотя наличие безобъектной диатезы и диатезы с сентенциальным объектом еще не является лабильностью в традиционном понимании, игнорировать ее нельзя: в частности, существуют языки (например, русский), где совмещение значений ‘начинаться’ и ‘начинать’ невозможно ни при одном из фазовых глаголов, вне зависимости от модели управления: невозможно ни **Он начался есть*, ни **Он начался еду* (в значении ‘он начал есть’), ни **Собрание кончилось*, ни **Собрание покончило* (в значении ‘собрание закончилось’).

Кроме того, важно, что семантически пара значений ‘начинаться’ – ‘начинать’ очень близка к паре “каузатив – декаузатив”: в частности, во многих языках глагол ‘начинаться’ является декаузативом от ‘начинать’.

Тем не менее можно упорядочить типы варьирования диатезы в своеобразной иерархии в соответствии с тем, насколько две диатезы (и два значения) противопоставлены друг другу и насколько их совмещение нетипично для глагольной системы языка в целом. В этом случае каноническая лабильность, проявляющаяся у *bada'a*, займет в иерархии место выше, чем лабильность, проявляющаяся у *intaha*:. В большинстве случаев не только отдельные переходные и непереходные глаголы, но и классы переходных и непереходных и непереходных глаголов в целом противопоставлены друг другу даже в аккумулятивных языках (хотя это противопоставление проявляется не так ярко, как в эргативных).

С другой стороны, варьирование “безобъектная диатеза – диатеза с сентенциальным актантом”, существующее у *istamarra*, нельзя располагать в иерархии ниже канонической лабильности: глагол *ibtada'a* канонически лабилен, но не может управлять сентенциальным актантом.

5. ЛАБИЛЬНЫЕ ФАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ ПАССИВА И ДЕКАУЗАТИВА

Как мы видели, фазовые глаголы очень часто имеют более одной диатезы, в частности, одна из диатез фазового глагола может означать ‘начинаться’, а другая – ‘начинать’, хотя их синтаксическое соотношение может быть различным. В связи с этим встает еще одна существенная проблема: как соотносятся диатезы фазовых глаголов с показателями декаузатива, которые имеются в том или ином языке.

Прежде всего, нужно заметить, что лабильность глагола вовсе не всегда исключает образование от него каузативных и декаузативных коррелятов со значением, тождественным или близким к одному из значений немаркированной формы. Ср. хотя бы русские пары типа *Из трубы лилась вода – Из трубы лила вода*: ситуация, выраженная немаркированной формой, возможно, отличается от ситуации, обозначенной декаузативом, большей интенсивностью, но не переходностью и не составом участников. Во многих случаях, как показано в работах [Comips, Hulk 1996] и [Schäfer 2003], маркированная и немаркированная форма различаются аспектуальными свойствами: например, во французском языке маркированные формы проявляют большую тенденцию к предельности. С другой стороны, в работах [Даниэль и др. 2004] и [Летучий б.г.] на материале агульского и адыгейского языков показано, что маркированный каузатив и переходное употребление лабильного глагола, а также декаузатив и непереходное употребление могут различаться по значению (в частности, по степени самопроизвольности ситуации).

Лабильные фазовые глаголы также, как правило, хорошо сочетаются с показателями декаузатива. Практически во всех языках с продуктивным декаузативом он может присоединяться к данной группе глаголов.

Так, в болгарском языке все глаголы сочетаются с показателями декаузатива:

- (17) Това се започна още при Георги Тодоров, който ни забрани
'Это (преследования) началось еще при Георгии Тодорове, который нас запретил'.

(18) Свв. Кирил и Методий митрополията беше заобиколена от джандари, които на сутринта не ме пуснаха да отида да служа в църквата “Св. Атанас”. Това се продължава и сега.

‘Вокруг митрополии святых Кирилла и Мефодия было полно полицейских, которые не пустили меня утром на службу в церковь св. Афанасия. Это продолжается и сейчас’.

(19) Достатъчно няма сега, достатъчно ще има, когато войната се свърши.

‘Сейчас недостаточно, достаточно будет, когда война кончится’.

Судя по всему, выбор маркированного или немаркированного варианта зависит, прежде всего, от того, можно ли представить себе, что ситуация, являющаяся субъектом фазового глагола, перешла в некоторую фазу сама по себе, без участия агенса. В частности, вариант с показателем возвратности часто выбирается, когда субъектом является вид человеческой деятельности. Впрочем, нужно заметить, что те же ситуации (в частности, ‘война’) сочетаются с немаркированными вариантами глаголов.

В арабском языке канонически лабильные глаголы *bada'a* и *ibtada'a* ‘начинать(ся)’ сочетаются с показателем пассива:

(20) al-mašru:’-u	allađi	budi’a
проект-NOM	который	начинать.PAST.PASS-3SG.M
	al-’amal-u	bi tanfi:d-i-hi
	DEF-работа-NOM	с выполнение-GEN-3SG.M

‘Проект <детского городка>, работа над воплощением которого началась (= была начата)’.

Вполне естественно, что глаголы *istamarra* ‘продолжать(ся)’ и тем более *intaha*: ‘закончить(ся)’ не сочетаются с показателем пассива: они не имеют переходных употреблений, а пассив в современном арабском языке чаще всего образуется именно от переходных глаголов⁸.

При этом важно заметить, что соотношение маркированного и немаркированного варианта не тождественно соотношению пассива и декаузатива. Ясно, что, поскольку ситуация имеет некоторое количество участников, перейти в ту или иную фазу она может только при их участии.

В целом проблема соотношения немаркированного и маркированного вариантов лабильного глагола еще исследована недостаточно подробно. Важно, что для фазовых глаголов описать их различие еще сложнее, чем для прототипически переходных, так как фазовые глаголы не обязательно имеют агентивный субъект. Фактически сближение переходного и непереходного употреблений связано со сближением маркированной (декаузативной, пассивной) и немаркированной форм. Сближаются между собой не только переходное (каузативное) и непереходное (декаузативное) употребления, но и декаузатив и пассив.

Помимо этого, способность лабильных фазовых глаголов сочетаться с показателями декаузатива и пассива существенна еще в одном теоретическом аспекте. Поскольку даже глаголы данного класса, для которых лабильность очень характерна, сочетаются с показателями актантной деривации, следует предположить, что лабильность и маркированная актантная деривация – это в каком-то смысле вообще явления разной природы. Если выраженная морфологически декаузативизация – это механизм **изменения** диктанды глагола и его значения, то лабильность, напротив, возникает как **соединение** двух семантически и синтаксически сходных ситуаций в одной лексеме. Аффиксы служат

⁸ В кораническом арабском засвидетельствованы отдельные употребления пассива с неопределенно-личным значением от непереходных глаголов: ср., например, *nafīha*, букв. ‘было вострублено (в трубу)’ от *nafaha* ‘трубить, дуть’.

для того, чтобы построить глагол с новым значением и новой диатезой – это и маркируется специальными средствами. Напротив, в случае лабильности язык как бы считает возможным не различать два очень близких значения (и, соответственно, очень близких диатезы). Такое предположение подтверждается лабильностью фазовых глаголов, у которых два употребления – ‘начаться’ и ‘начать’, как было сказано выше, различаются по семантике не так существенно, как, например, у глаголов разрушения.

6. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ИНХОАТИВНЫМИ И ТЕРМИНАТИВНЫМИ⁹ ГЛАГОЛАМИ

До сих пор о фазовых глаголах говорилось, как о едином классе лексем, проявляющих схожие свойства. Между тем можно заметить, что во многих языках их характеристики существенно различаются. В этом разделе не будут рассматриваться глаголы средней фазы действия – их свойства требуют отдельного и более подробного анализа.

В рассмотренных аккумулятивных языках лабильность более свойственна именно инхоативным глаголам. Проявляться это может по-разному.

В частности, в финском языке вариативность проявляется только у инхоативного глагола *alkaa* ‘начинать(ся)’ (хотя эта лексема и не является канонически лабильной, так как не может управлять прямым дополнением), а глаголы со значением ‘заканчивать’ и ‘продолжать’ не лабильны. Аналогичным образом две группы фазовых глаголов противопоставлены в сербском языке: глагол *pочети* ‘начать(ся)’ лабилен, а остальные глаголы (в том числе все терминативные) в исходной форме являются переходными, а непереходное употребление возникает только в контексте возвратной частицы *се*.

В арабском языке вариативность проявляется у глаголов, обозначающих все фазы действия, но только инхоативные глаголы могут быть канонически лабильны. Выше уже говорилось, что полезно бывает упорядочить типы варьирования в некоторую иерархию, где наивысшее положение будет занимать каноническая лабильность – именно при ней две диатезы в наибольшей мере различаются синтаксически. В арабском языке этот канонический тип варьирования присущ только инхоативным глаголам.

В немецком языке лабильными могут быть как инхоативные (*beginnen, anfangen* ‘начинать(ся)’), так и терминативные глаголы (*aufhören* ‘прекращать’, *abschliessen* ‘заканчивать(ся)’). Тем не менее оказывается, что только среди терминативных глаголов есть пара лексем, различающихся на префикс-транзитиватор *be-*: *enden* ‘закончиться’ – *beenden* ‘закончить’. Таким образом, и в немецком непереходный и переходный варианты терминативных глаголов различаются в большей степени, чем варианты инхоативных глаголов.

Судя по данным случаям, инхоативные глаголы в аккумулятивных языках проявляют большую склонность к лабильности, чем терминативные. Исключениями являются тюркские языки: в одних из них (турецкий) лабильны только инхоативные глаголы, в других (киргизский, кумыкский) – только терминативные¹⁰.

В эргативных языках подобных закономерностей не обнаруживается. Как инхоативные, так и терминативные глаголы нередко проявляют лабильность. Впрочем, нужно заметить, что, в отличие от аккумулятивных, в эргативных языках тенденция фазовых глаголов к лабильности вообще не так сильна.

7. ОБЪЯСНЕНИЕ ЛАБИЛЬНОСТИ ФАЗОВЫХ ГЛАГЛОВ

Очевидно, что лабильность фазовых глаголов выбивается из ряда остальных явлений, связанных с вариативностью диатезы, поскольку фазовые глаголы часто бывают

⁹ Обозначение *терминатив* в современной типологической литературе является наиболее распространенным для класса глаголов конца ситуации (см. подробнее, в частности [Плунгя 2000: 303]).

¹⁰ Необходимо сделать одно уточнение: класс терминативных глаголов, вообще говоря, распадается на два подкласса – глаголы “достижения предела действия” (‘закончить’) и глаголы “прерывания действия” (‘прекратить’). Возможно, они проявляют различные свойства.

лабильны даже в тех языках, для которых свойство лабильности в целом маргинально. Это требует объяснения.

Как мне кажется, наиболее важным свойством фазовых глаголов, существенным для данного исследования, является соотношение ролей участников ситуации (как уже было сказано выше, оно отлично от прототипического соотношения “агенса – пациенс”), а также тип каузации, возникающий при каузативных употреблениях фазовых глаголов.

Легко заметить, что чаще всего субъект переходного фазового глагола непосредственно участвует в ситуации, выражаемой вторым актантом: ср. *Я начал петь, Ребята начали играть/начали играть* и др. Как известно, прототипически при каузативных глаголах каузатор не участвует в каузируемой ситуации непосредственно: ср. французский пример (21):

(21) *Cela le fera penser à moi* ‘Это заставит его вспомнить обо мне’.

Напротив, тип каузации, с которым мы имеем дело при фазовых глаголах, скорее напоминает выделенный в работе [Недялков, Сильницкий 1969: 36] социативный тип каузации: каузатор заставляет каузируемого совершить действие, сам совершая это действие. Данный тип каузации менее частотен, чем фактитивный.

Нужно сказать, что в некоторых языках (в том числе и в русском), существуют примеры, когда субъект фазового глагола непосредственно не участвует в каузируемой ситуации:

(22) *На поле стало темно, и судья прекратил игру.*

Тем не менее, такие примеры встречаются значительно реже.

Социативная каузация влияет и на соотношение свойств участников ситуации: если фактитивная каузация предполагает, что агент является внешним по отношению к каулируемой ситуации, отличаясь по свойствам от его участников и влияя на них извне, то при ассоциативной каузации каузатор и каулируемый сближаются, поскольку оба принимают участие в каулируемой ситуации в качестве субъектов.

При фазовых глаголах полного уравнивания участников не происходит: как правило, субъект фазового глагола является более активным, чем остальные участники рассматриваемой ситуации. Тем не менее, нельзя отрицать, что он не обязательно является прототипическим агентом. Особенно это заметно в конструкциях с сентенциальными актантами: ср. такие предложения, как *Краска начала облезать* или *Хлеб начал крошиться*. Очевидно, что субъект в таких ситуациях может быть как агентивным, так и пациентным.

Как кажется, свойства субъекта в конструкциях с именными прямыми объектами несколько ближе к агентивным. Типичными являются примеры, в которых субъект фазового глагола является агентом вложенной ситуации, ср. болгарский:

(23) *Преподавателката започна лекцията* ‘Преподавательница начала лекцию’.

Можно сказать, что в данном случае ассоциативная каузация оформляется практически так же, как фактитивная. Тем не менее и такая конструкция допускает неагентивный субъект, ср. *Поезд начал движение*.

То, что каузативные и декаузативные употребления фазовых глаголов не слишком резко противопоставлены друг другу, подтверждается наличием пар типа *Дождь начался – Дождь пошел*: в первом случае глагол выступает в декаузативной форме, но во втором предложении мы видим форму *пошел*, означающую фактически ‘начал идти’.

Сходство актантов фазовых глаголов (или, по крайней мере, отсутствие четкого ролевого противопоставления) является первой причиной их частой лабильности. Заметим, что в аккумулятивных языках (в отличие от эргативных) лабильность часто проявляют глаголы, актанты которых не противопоставлены друг другу, а достаточно близки

по свойствам, в частности, ни один из них не пациентен. Так, нередко лабильность проявляют глаголы движения, не имеющие прототипического пациенса, ср. русские *мчать, гнать/гонять, кружить, катить* и др.

Другой характерной чертой фазовых глаголов, связанной с первой, является то, что их субъект – и при переходном, и при непереходном употреблении – меняет свое состояние: так, в ситуации ‘лекция закончилась’ свое состояние меняет лекция, а в ситуации ‘преподаватель закончил лекцию’ – не только лекция, но и преподаватель, который перестает быть участником ситуации ‘лекция’.

Наконец, возможно, что в некоторых случаях лабильность фазовых глаголов напрямую связана с наличием у них сентенциального актанта. Понятно, что именно конструкция с сентенциальным актантом семантически наиболее прозрачна, то есть явно показывает, что речь идет о фазе определенной ситуации. Как уже говорилось, в болгарском языке лабильны не только фазовые глаголы, но и некоторые другие лексемы с сентенциальными актантами.

Особые свойства фазовых глаголов, в частности, их валентной структуры, рассматриваются в работе [Храковский 1987: 163]: автор считает, что в действительности семантическим актантом фазового глагола является только ситуация, а субъект, который вступает в новую фазу ситуации, наследуется от вложенного предиката. На мой взгляд, признание фазовых глаголов одновалентными не слишком хорошо объясняет их лабильность, поскольку игнорирует то, что конструкция *мы начали выполнение плана* или *мы начали работать* обозначает не только вступление ситуации в новую фазу, но и вступление субъекта в новую фазу ситуации (хотя мы не отрицаем, что исходно субъект переходного фазового глагола не является его семантическим актантом). В работе [Падучева 2001б: 33] отмечается тот факт, что глагол *начаться* имеет, вообще говоря, две диатезы: наряду с одновалентной – *Началась игра* – диатезу с участником *Начало – День начался мелким дождем*.

Обобщая, можно сказать, что лабильность фазовых глаголов связана именно с их отличием от прототипического переходного глагола. Это расходится с эталоном лабильности: в качестве примеров лабильных глаголов приводятся именно глаголы, обозначающие прямое воздействие агенса на пациенс, в результате чего последний сильно изменяется, типа ‘ломать(ся)’. Не в последнюю очередь это связано с тем, что два употребления таких глаголов резко контрастируют друг с другом, и это выделяет лабильные глаголы данного типа из основного класса глагольных лексем. Однако, проанализировав, к примеру, русские лабильные глаголы – более двадцати лексем – мы не найдем среди них ни одного “классического” лабильного глагола: ср. уже упоминавшиеся глаголы движения, а также *лечь* и *сыпаться*, *повернуть*, *играть*, *учить* и др. Таким образом, если на фоне остальных переходных глаголов фазовые глаголы выглядят маргинальными, то с остальными классами лабильных глаголов в аккумулятивных языках они, в общем, не контрастируют.

В свете особенностей фазовых глаголов, позволяющих им быть лабильными, становится понятно, почему в аккумулятивных языках к варьированию диатезы склонны, прежде всего, инхоативные глаголы. Как кажется, дополнения инхоативных и терминативных глаголов имеют несколько разные семантические свойства.

Объекты инхоативных глаголов по своим свойствам близки к дополнениям с семантической ролью креатива (объекта, создающегося в ходе действия). Объекты этого типа имеют такие глаголы, как ‘строить’, ‘шить’, ‘покупать’ и многие другие. При этих глаголах объект не подвергается существенному воздействию, поскольку до начала ситуации объекта вообще не существовало.

Напротив, объекты терминативных глаголов ближе к прототипическим пациенсам, подвергающимся в ходе ситуации существенному воздействию. Ситуация, имевшая место, заканчивается, то есть прекращает свое существование, аналогично тому, как это происходит с прямым дополнением при глаголах типа ‘разрушать’, ‘разбивать’ или ‘ломать’.

Различие в семантических ролях объектов терминативных и инхоативных глаголов проявляется в метафорических употреблениях этих глаголов. Терминативные глаголы

в переносных употреблениях часто означают 'убивать', то есть переходят в глаголы с объектом, прекращающим свое существование: ср. русск. *кончить, прикончить*, франц. *achever*, англ. *finish off* и др.

Инхоативные глаголы чаще всего имеют, кроме фазового, значение 'начать движение', 'пойти' и др. Хотя и глаголы этого класса могут также обозначать прямое воздействие субъекта на объект (ср. франц. *entamer* 'начать; начать есть, надрезать'), это значение распространено у них в меньшей мере, чем у терминативных глаголов. Из этой асимметрии можно сделать вывод, что терминативные глаголы находятся ближе к прототипическим переходным, чем инхоативные, а их объект – ближе к прототипическому пациенту.

Помимо большей пациентности объекта терминативных глаголов, может иметь значение также большая, по сравнению с инхоативными, агентивность их субъекта. Действительно, эти глаголы предполагают, что действие полностью исчерпано, часто подразумевается, что оно доведено до логического предела. Достижение предела часто предполагает не просто приближение ситуации к конечной фазе, но также некую целенаправленность действий субъекта, который видит ситуацию как целое и осознает некоторый момент как ее предел. Напротив, инхоативные глаголы предполагают только вступление субъекта в некоторую ситуацию, но вполне возможно, что об остальных фазах ситуации субъекту ничего не известно.

Семантическая асимметрия двух видов фазовых глаголов может быть заметна даже в тех языках, где ни один из них не проявляет лабильности. Ср. русский, где возможно (24a) с инхоативным глаголом, но невозможно (24b) с терминативным:

(24a) *В нашем районе начал строиться новый дом.*

(24b) **В нашем районе закончил/кончил строиться новый дом.*

Если инхоативные глаголы сочетаются с любыми субъектами, то терминативные требуют агентивных (или, по меньшей мере, обладающих большей степенью агентивности). Мы видели, что в немецком языке переходный терминативный глагол может образовываться с помощью транзитиватора *be-*. Такие, казалось бы, разные свойства, как наличие приставки-транзитиватора и обязательная агентивность субъекта объединяются тем, что терминативные глаголы находятся ближе к прототипически переходным, чем инхоативные.

Аспектуальная асимметрия инхоативных и терминативных глаголов также проявляется в языках, где ни одна из данных групп глаголов не проявляет лабильности, ср. грамматичное (25a) и неграмматичное (25b)¹¹:

(25a) *Мы закончили всю работу за десять минут.*

(25b) **Мы начали работу за десять минут*¹².

При этом глаголы прерывания действия без достижения предела типа *прекратить* или *перестать* (см. о них выше) по своим аспектуальным свойствам оказываются ближе к *начать*:

(25c) **Мы прекратили работу/перестали работать за десять минут.*

¹¹ Существование аспектуальных свойств исходного глагола для свойств фазовой конструкции подробно отмечена в работе [Недялков 1987: 189–195], где, однако, рассматриваются, в основном, противопоставления внутри класса инхоативных глаголов – различаются фазовые конструкции, образованные от стативных глаголов – **инхоативы** (ср. *заснуть*), образованные от агентивов – **непредельных глаголов действия** – **ингрессивы** (ср. *заять*) и образованные от терминативов, предельных глаголов действия – **инцентивы** (ср. *начинать засыпать*). Также релевантность аспектуальных свойств предиката, присоединяющего фазовый глагол, отмечена в работах [Падучева 2001а; 2001б; Кустова 2002; Недялков 1987]. См., в частности, в [Кустова 2002] о способности фазовых глаголов обозначать и начальную точку, и начальный отрезок ситуации.

¹² За указание на эти примеры я благодарен Н.Р. Сумбатовой.

В данной статье удалось, как я надеюсь, показать, что класс глаголов, не относящихся к прототипически переходным – фазовые глаголы – во многих отношениях интересен для понимания явления лабильности и для теории диатезы в целом. Прежде всего, важно, что в аккумулятивных языках фазовые глаголы проявляют большую склонность к лабильности по сравнению со многими другими – возможно даже, со всеми другими группами глаголов. Данная группа глаголов лабильна даже в языках, где других лабильных глаголов нет (тюркские) или почти нет (румынский, сербский). Кроме того, в некоторых языках, для которых лабильность в целом нехарактерна, лабильность фазовых глаголов оказывается грамматическим правилом (болгарский).

Поскольку фазовые глаголы лабильны в самых разных языках, было бы необоснованным считать, что варьирование их диатез – частный случай декаузативной лабильности типа ‘ломать ~ ломаться’ – мы имеем дело именно с особенностью узкого класса глаголов.

При этом объяснить, какое именно свойство класса фазовых глаголов обуславливает их частую лабильность, довольно сложно, поскольку эти лексемы отличаются от прототипических переходных глаголов по целому ряду параметров. В частности, одним из их актантаов является ситуация, а не объект, они не имеют прототипического пациенса, меняющегося в ходе действия, и прототипического агенса, воздействующего на пациенс. При этом актантаов-ситуации отличаются от актантаов-объектов и по семантическим свойствам, и по оформлению.

По всей вероятности, на лабильность влияют сразу два свойства фазовых глаголов: неполная синтаксическая переходность и отличие от семантического прототипа переходного глагола. Семантически два употребления фазового глагола можно трактовать как описывающие вхождение субъекта в определенное состояние – для ситуации это означает переход в новую фазу, для участника ситуации – смену ситуации, в которой он участвует. По сути, различие минимально – переход ситуации в новую фазу и означает, что все ее участники меняют состояние. Синтаксически лабильность облегчается наличием у фазовых глаголов употреблений, промежуточных между одновалентными и переходными.

Эти же черты обуславливают то, что инхоативные глаголы лабильны чаще, чем терминативные: они находятся еще дальше от прототипа переходных глаголов – например, не требуют агентивного субъекта и имеют менее пациентный объект, чем терминативные глаголы.

Лабильность фазовых глаголов важна для понимания лабильности в целом. Прежде всего, она показывает, что невозможно рассматривать в свете лабильности только прототипически переходные глаголы, пренебрегая периферией. Для аккумулятивных языков центром класса лабильных глаголов можно считать именно глаголы, периферийные по отношению к прототипу переходного глагола.

Кроме того, на примере фазовых глаголов видно одно характерное свойство лабильности: как правило, в аккумулятивных языках лабильны бывают небольшие группы глаголов. Английский на этом фоне является скорее исключением. В немецком языке, где рассматриваемое явление также широко распространено, лабильны глаголы *brechen* ‘ломать(ся)’ и *trocknen* ‘сушиться(ся)’, но не лабилен, казалось бы, также относящийся к глаголам воздействия на пациенс *schütten* ‘сыпать’. Лабильные фазовые глаголы – особенно узкая группа, часто состоящая из трех, а иногда и из одного (инхоативного) глагола. Таким образом, выявить закономерности, управляющие их лабильностью, в пределах одного языка, часто невозможно. Именно поэтому важно рассмотреть данные глаголы в типологической перспективе, соотнося варьирование их диатез с лабильностью/стабильностью остальных классов глаголов.

Узость классов лабильных глаголов объясняется тем, что лабильность тесно связана с семантическими свойствами глагола, причем не только с ролями участников (например, ‘пациенс’), но и со степенью соответствия прототипу данной роли. Так, в эргатив-

ном лезгинском языке (и во многих других кавказских эргативных языках) к лабильности наиболее склонны глаголы с прототипическим пациенсом, подвергающимся в ходе ситуации сильному воздействию со стороны агенса. Однако глаголы с пациенсом, в меньшей мере соответствующим прототипу, лабильности не проявляют. На фоне этих фактов отличия фазовых глаголов от прочих еще более значительны: данная группа глаголов имеет вообще другой набор ролей и обозначает ситуацию с другой структурой.

Рассмотренные явления заставляют поставить более общие вопросы: например, можно ли, несмотря на узость классов лабильных глаголов, говорить о распространенности в языке, к примеру, декаузативной лабильности? Как кажется, это может быть полезным для языков с развитой лабильностью. В остальных случаях декаузативный тип распадается на более мелкие подтипы. Соотношение диатез и моделей управления в них формально одно и то же. Однако важно, что случаи типа ‘сломаться’, ‘начаться’ и ‘сохнуть’ различаются степенью самопроизвольности возникающей ситуации, независимости ее от внешнего каузатора (таким образом, одни глаголы стоят ближе к чистым декаузативам, а другие – к пассивам).

Можно сказать, что системы первого типа являются “деривационно-обусловленными” (важно, как соотносятся две диатезы глагола), а вторые – “семантически-обусловленными” (существенны семантические свойства актантов каждой из диатез). В действительности данные типы крайне редко встречаются в чистом виде. Лабильность фазовых глаголов показывает, что практически во всех системах для некоторых глаголов можно говорить о семантической обусловленности лабильности. Более подробная классификация систем лабильных глаголов в языках мира будет полезна не только для синтаксиса, но и для семантики: она позволит показать, какими – синтаксическими и семантическими – свойствами должны обладать две диатезы, чтобы сочетаться в одной и той же форме глагола, и как это связано с грамматическими особенностями того или иного языка в целом.

В приложении для нескольких языков приведены данные о варьировании диатезы у фазовых глаголов. В таблице приводятся данные о наличии/отсутствии канонической лабильности у глаголов, обозначающих разные фазы действия, а также (для глаголов, о которых имеются точные данные) данные о диатезах с предложным и с сентенциальным объектом.

Приложение. Лабильные глаголы в аккумулятивных языках

Глагол	Фаза	Каноническая лабильность	Двухвалентные непереходные диатезы
Болгарский			
започна	н	+	СА, с
завърша	к	+	СА, с
продължава	п	+	СА, с
Арабский			
bada`a	н	+	СА, предлоги
ibtada`a	н	+	предлоги
istamarra	п	-	СА, предлоги
intaha:	к	-	предлоги
mada:	п	-	СА

Глагол	Фаза	Каноническая лабильность	Двухвалентные непереходные диатезы
Сербский			
почети	н	+	СА
отпочети	н	–	СА
завршити	к	–	–
Финский			
alkaa	н	–	СА
aloittaa	н	–	–
jatkaa	п	–	–
Немецкий			
beginnen	н	+	СА, <i>mit</i>
anfangen	н	+	СА
beenden	к	–	–
enden	к	–	–

н – начальная фаза действия ('начинать'); к – конечная фаза действия ('заканчивать'); п – срединная фаза действия ('продолжать'). СА – конструкция с сентенциальным актантом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Гранде 1998 – Б.М. *Гранде*. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1998.
- Даниэль и др. 2004 – М. Даниэль, Т. Майсак, С. Мерданова. Каузативы, декаузативы и лабильность в агульском языке // Второй международный симпозиум по языкам Европы, Северной и Центральной Азии. Тез. докл. Казань, 2004.
- Кибрик и др. 2000 – А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.
- Кустова 2002 – Г.А. *Кустова*. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением 'начаться'/'кончиться') // Н.Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Летучий б.г. – А.Б. *Летучий*. Лабильные глаголы в аккузативных языках: семантика и актантная структура. Дипломная работа (не опубликовано).
- Лютикова 2002 – Е.А. *Лютикова*. Русские лабильные глаголы в типологической перспективе. Материалы к докладу на Ломоносовских чтениях. М., 2002 (не опубликовано).
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". М., 1974.
- Мельчук 1998 – И.А. *Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Недялков, Сильницкий 1969 – В.П. Недялков, Г.Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А.А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Л., 1969.
- Недялков 1969 – В.П. *Недялков*. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // И.Ф. Вардуль (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
- Недялков 1987 – В.П. *Недялков*. Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Падучева 2001а – Е.В. *Падучева*. Аспектуальная специфика глаголов с актантом Результат: парадокс имперфектива // *Glossos*. Issue 1. 2001.

- Падучева 2001б – *Е.В. Падучева*. Фазовые глаголы и семантика начинательности // ИАН СЛЯ. 2001. № 4.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Полинская 1986 – *М.С. Полинская*. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Рogaва, Керашева 1966 – *Г.В. Рogaва, З.И. Керашева*. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966.
- ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис/А.В. Бондарко (ред.). Л., 1987.
- Храковский 1978 – *В.С. Храковский*. Аспектуальные глаголы в арабском языке // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1978.
- Храковский 1987 – *В.С. Храковский*. Семантика фазовости и средства ее выражения // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Чикобава 1942 – *А.С. Чикобава*. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции // Известия ИЯИМК, XII. Тбилиси, 1942 (на грузинском языке).
- Cornips, Hulk 1996 – *L. Cornips, A. Hulk*. Ergative reflexives in Heerlen Dutch and French // *Studia linguistica* 50. 1996.
- Dixon, Aikhenvald 2000 – *R.M.W. Dixon, A.Y. Aikhenvald* (eds.). Changing valency: Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Dowty 1991 – *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. V. 67. № 3. 1991.
- Geniušienė 1987 – *E. Geniušienė*. The typology of reflexives. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Haspelmath 1993 – *M. Haspelmath*. More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Levin 1993 – *B. Levin*. English verb classes and alternations. Chicago; London, 1993.
- Schäfer 2003 – *F. Schäfer*. The morphological patterns of anticausatives and their interpretations. 2003 // The 6-th workshop meeting of the graduate program of the University of Stuttgart. Kleinwalsertal (Austria), June 2003. Электронная публикация: http://www.ims.uni-stuttgart.de/Graduiertenkolleg/Dokumente/Klausurtagung_2003/schaefer.pdf.

© 2005 г. А.В. АРХИПОВ

**К ТИПОЛОГИИ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
ЧАСТЬ I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ**

В первой части статьи исследуется формальная сторона типологии комитативных конструкций. Обсуждаются существующие подходы к определению комитатива; демонстрируется несостоятельность чисто семантического подхода. Предлагаемое определение комитативной конструкции основано на совокупности формальных и содержательных критериев, в том числе на понятиях множественного участника и структурного ранга именной группы. Далее предлагается классификация структурных типов комитативных конструкций, опирающаяся на параметры локуса маркирования и ограничений на синтаксические функции элементов конструкции.

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Постановка задачи

Данная работа посвящена типологическому изучению комитативных конструкций в языках мира. Пример комитативной конструкции представлен в баскском предложении (1.1) и его русском переводе:

баскский (изолят, Европа)

(1.1) **ama** merkatu-ra joan da amona-**rekin**
мама рынок-LAT уходить AUX.3SG бабушка-COM
Мама пошла с бабушкой на рынок.

Большинство исследований, значимых для типологии комитатива, можно разделить на две группы. К первой группе относятся работы, более или менее полно описывающие комитативные конструкции (и сопряженные функции комитативных показателей) в конкретном языке или группе языков. Вторая, гораздо менее многочисленная группа включает типологические исследования комитатива. Ее ядро составляют работы Т. Штольца [Stolz 1996a; 1996b; 2001a; 2001b] и Л. Стассена [Stassen 2000], а также неопубликованная статья К. Лемана и Й.-М. Шина [Lehmann, Shin, unpublished]. Т. Штольца интересовали прежде всего связи комитатива с инструменталисом, а также с некоторыми другими функциями (агенса, локатива, посессива). Л. Стассен изучал связи между комитативом и сочинением именных групп. К. Леман и Й.-М. Шин описали “функциональную область сопутствования”, включив в нее несколько семантически определяемых функций, в т. ч. комитатив.

Представляется, что именно связь комитатива с сочинением имеет первостепенное значение для понимания места комитативных конструкций в ряду средств референции к множественному участнику ситуации (и, шире, выражения собственно множественности участника). Именно функция выражения множественного участника является индивидуальной чертой комитативных показателей. Она не может быть сведена к падежным, обстоятельственным, атрибутивным и прочим отношениям, которые также могут выражаться с их помощью.

Данное исследование является шагом к систематизации типологических знаний о комитативе. В части I на комплексной формально-семантической основе выделяется

класс собственно комитативных конструкций (§ 2). На признаках локуса маркирования комитатива и ограничений на синтаксическую функцию элементов конструкции строится формальная типология комитативных конструкций (§ 3). Во второй части статьи речь пойдет о конструкциях, использующих те же формальные показатели, что и собственно комитативные конструкции. Будет предложен инвентарь их семантических функций в языках мира.

1.2. О наименованиях комитатива

Применение термина комитатив в современной лингвистической литературе нельзя назвать последовательным. С одной стороны, функции показателей, которые разные авторы называют комитативными, иногда практически не пересекаются. Так, в австралийской лингвистике комитативом традиционно называется показатель **именной деривации**, образующий прилагательные со значением ‘имеющий N’, ‘с N-ом’; эти прилагательные обычно могут выступать в синтаксических функциях определения, копредиката и предикатива, но не в тех конструкциях, которые в данной работе рассматриваются как собственно комитативные [типа (1.1); подробнее см. § 2].

С другой стороны, показатели, выполняющие в разных языках сходную функцию (“собственно комитативную” в терминах данной работы), в литературе встречаются под разными именами. В зарубежной литературе (реже в отечественной) употребительны термины *с о ц и а т и в* (англ. *sociative*, франц. *sociatif*) и *а с с о ц и а т и в* (англ. *associative*). Встречаются также наименования *у н и т и в* (франц. *unitif*), *с о е д и н и т е л ь н ы й* падеж, *с о в м е с т н ы й*, *с о п р о в о д и т е л ь н ы й* и др. Наконец, падежи, объединяющие функции комитатива и инструменталиса, упоминаются в литературе под именем *с о в м е с т н о - о р у д и й н о г о / с о в м е с т н о - о р у д н о г о* или просто *т в о р и т е л ь н о г о* падежа.

В данной работе в качестве основного принимается термин “*к о м и т а т и в*” как наиболее распространенный и устоявшийся. Далее он употребляется: (1) как сокращение более точного термина “*к о м и т а т и в н а я* *к о н с т р у к ц и я*” – см. § 2.5; (2) как общее наименование для круга рассматриваемых явлений; (3) для обозначения грамматического падежа, с помощью которого в некотором языке образуются комитативные конструкции. Термин “*с о ц и а т и в*” резервируется для показателей категории совместности (см. § 2.3). Использование термина “*а с с о ц и а т и в*” избегается. Для обозначения комитативных (в широком смысле) показателей, маркирующих приименное определение, предпочитается термин “*п р о п р и е т и в*”.

2. РАБОЧЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМИТАТИВА

2.1. Уточнение объекта исследования

2.1.1. Комитатив в узком и в широком смысле. Знакомясь с различными употреблениями тех показателей, которые в сравнительно хорошо изученных языках принято относить к комитативным, можно обнаружить, что эти употребления распадаются на несколько типов. При этом не каждый комитативный показатель встречается в каждом типе употреблений. Рассмотрим следующие примеры:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

(2.1) <i>Мама</i> пошла [с бабушкой] на рынок.	А
(2.2) [<i>Мама</i> с бабушкой] пошли на рынок.	Б
(2.3) [<i>Мы</i> _{i+j} с бабушкой _j] пошли на рынок.	В
(2.4) Дверь открыл [слуга с пышными бакенбардами].	Г
(2.5) <i>Петя</i> пришел к нам в гости [с альбомом новых фотографий].	Д

баскский (изолят, Европа)

- (2.6) ama merkatu-ra joan da amona-**rekin** А
мама рынок-LAT уходить AUX.3SG бабушка-COM
Мама пошла с бабушкой на рынок.
- (2.7) *[ama amona-**rekin**] merkatu-ra joan **dira** *Б
мама бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.3PL
Мама с бабушкой пошли на рынок.
- (2.8) *[gu_i +_j amona-**rekin**_j] merkatu-ra joan **gara** *В
мы бабушка-COM рынок-LAT уходить AUX.1PL
Мы с бабушкой пошли на рынок.
- (2.9) [bizar {⁺zuri-ko | *zuri-(a-r)**ekin**} gizon ingeles bat] *Г
борода белый-ATR *белый-(DET)-COM мужчина английский DET
ze-go-en lama-ri begira
PST.3SG-находиться-PST лама-DAT глядя
На ламу смотрел (какой-то) англичанин с седой бородой.
- (2.10) aita terraza-n eseri-ta dago egunkaria-**rekin** Д
отец терраса-LOC садиться-PART находиться.3SG газета-COM
Отец сидит с газетой на террасе.

Разумеется, в этих примерах представлены далеко не все типы употреблений комитативных маркеров (см. ч. II). Тем не менее, рассматривая приведенные примеры как небольшую иллюстрацию, можно обнаружить в них некоторые закономерности. Первый тип употреблений (А) встречается у обоих приведенных показателей. Вот некоторые его отличительные свойства (на материале данных примеров):

- ИГ, маркированная комитативом (= комитативная группа), обозначает некоторого участника ситуации, обозначенной предикатом;
- этот участник (= Спутник) имеет в ситуации ту же роль (участвует в ней тем же образом), что и некоторый другой участник (назовем его Ориентиром). Например, во фразе (2.1) Ориентир – *мама*;
- участник-Спутник в ситуации необязателен: если комитативную группу опустить, ситуация останется прежней, в частности, не потребует изменения называющего ее предиката (*Мама пошла на рынок*);
- пропозиционное содержание предложения не меняется при перестановке ИГ, выражающей Ориентир (= центральной ИГ) и комитативной группы (*Бабушка пошла с мамой на рынок*) или, с точностью до референции, при замене их обеих на местоимение с покрывающей референцией (*Они пошли на рынок*);
- комитативная группа может быть расположена разрывно с центральной ИГ;
- в случае, если центральная ИГ находится в позиции, контролирующей глагольное согласование, глагол согласуется с ней одной (не “по сумме” центральной ИГ и комитативной группы).

Именно употребления типа А я считаю комитативом в узком смысле, или собственно комитативом. Хотя существующие определения комитатива не отражают полностью специфику этого типа, приводимые их авторами примеры обычно иллюстрируют именно его (см. § 2.2). Определяющей особенностью собственно комитатива является то, что одна семантическая роль выражается в нем двумя отдельными именными группами с различным синтаксическим рангом. В дальнейшем мы будем называть комитативными маркерами (показателями) те и только те маркеры, которые могут употребляться в контекстах типа А, т.е. в собственно комитативной функции.

В конечном счете, каждый из упомянутых типов употреблений бесспорно заслуживает отдельного изучения. Важно, что (i) в разных языках комитативные маркеры, поми-

мо типа А, имеют различный спектр типов употреблений; (ii) большинство типов обнаруживаются в генетически не связанных языках различных ареалов, что доказывает неслучайность их связи с комитативом в узком смысле. Комитативом в широком смысле мы будем называть совокупность всех типов употреблений, которые встречаются у комитативных маркеров, включая собственно комитативные употребления.

2.1.2. Комитативная конструкция. При описании комитативных показателей некоторые авторы ограничиваются примерами именных групп, несущих показатель комитатива. Например, в грамматике языка инга [Levinsohn 1976] примеры на показатель *-hua*, обозначающий “сопровождение” (accompaniment), сводятся к нескольким отдельным словоформам, напр. *mamita-hua* ‘с мамочкой’, *Santiago-manda-hua* [Сантьяго-АВЛ-СОМ] ‘с тем, (который) из Сантьяго’. К сожалению, такие описания не дают информации, чтобы судить о функциях интересующих нас показателей.

Т. Штольц [Stolz 1996а и др.] усматривает в предложениях с комитативом две предикации: первая соответствует главному предикату, вторая – комитативному маркеру (т.е. *Мама пошла с бабушкой на рынок* => ‘мама пошла на рынок’ & ‘мама с бабушкой’). Однако в числе “элементарных компонентов комитативной ситуации” он называет только Сопровождаемого, Релятор (т.е. комитативный маркер) и Спутник, т.е. главная предикация из рассмотрения исключается.

Между тем оказывается, что для полноценного анализа функционирования комитативных показателей совершенно необходимо учитывать более широкий контекст, включая и главный предикат. Это обусловлено, с одной стороны, необходимостью различения “припредикатных” и “приименных” употреблений комитативных показателей (ср. выше типы употребления А, Д vs. Б, В, Г). С другой стороны, существует немало языков, в которых маркер комитатива присоединяется не к именной группе, а к вершинному предикату – в таком случае говорят о вершинном маркировании комитатива (см. § 3.2). Наконец, что не менее важно, свойства показателя комитатива существенным образом коррелируют с его сочетаемостью – с типами участников (Ориентира и Спутника), а также с типом вершинного предиката.

Ввиду сказанного предлагается в качестве основного объекта исследования принять комитативную конструкцию (в узком смысле), образуемую следующими элементами: (i) предикатом П, (ii)–(iii) двумя именными группами, которые синтаксически подчиняются предикату П, и (iv) показателем комитатива. В случае, если тот же самый показатель имеет употребления, отличные от собственно комитативных, мы будем говорить о формально комитативных конструкциях. Они могут отличаться от собственно комитативных составом элементов и/или связями между ними.

2.2. Существующие подходы к определению комитатива

2.2.1. Комитатив, падежи и семантические роли. В европейских языках, на материале которых основывалась лингвистическая традиция, ярлык ‘комитатив’ связан с определенными падежами и/или предлогами/послелогами. Вполне закономерно поэтому, что комитатив традиционно рассматривается как один из видов падежных отношений, один из возможных элементов грамматической категории падежа. Напомним, что “падежные граммы... оформляют управляемое существительное и являются показателями его синтаксически зависимого статуса”, однако “помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммы различают типы этой зависимости” [Плунгин 2000: 163–164].

Среди падежей выделяют синтаксические и семантические [Мельчук 1998: 325]. Синтаксические падежи (к ним обычно относятся номинатив, аккузатив, эргатив, аффектив) “выражают только синтаксические роли существительного” [Мельчук 1998: 325]. Они призваны различать ядерные синтаксические актанты предиката, т.е. в первую очередь актанты в ролях Агенса и Пациенса, Экспериментера и Стимула. Распределение средств выражения между этими ролями более всего подвержено влиянию синтаксиса, и разные языки здесь используют различные стратегии (см., например [Кибрик 1992: 198–218; 1997/2003; 2003: 109–132]). Семантичес-

ки е падежи ориентированы на различие семантических отношений между именем и предикатом, выражая не только синтаксическую роль существительного, но и семантическую.

Место комитатива среди падежей

Комитатив относят к семантическим падежам, причем обычно к периферийным [Плунгян 2000: 170]. Таким образом, считается, что комитатив выражает определенную “комитативную” семантическую роль. (Напр.: комитатив “выража[ет] роль второстепенного агенса, сопровождающего действия главного... и/или объекта, который имеет при себе главный участник ситуации” [Там же: 170]).

Если принять предпосылку, что комитатив является обычным семантическим падежом, представляющим определенную семантическую роль (в одном ряду с ролями Адресата, Темы, Экспериенцера, Места и т. д.), то возникает необходимость описать характерный для комитатива способ участия некоторого партиципанта в некоторой ситуации. На этом пути авторам определений приходится прибегать к трем основным понятиям; это понятия совместности, сопровождения и второстепенности. В частности, весьма распространенное определение комитатива из глоссария лингвистических терминов SIL (далее ОпрSIL) звучит следующим образом: “Comitative case is a case expressing accompaniment”¹ (“Комитативный падеж – это падеж, выражающий сопровождение”). В.В. Виноградов при анализе грамматических отношений, выражаемых русскими предлогами, толкует “комитативные отношения” как “обозначающие сопровождение, совместность, соучастие” [Виноградов 1947: 686].

2.2.2. Три определения. Приведу еще три определения комитатива. Два из них взяты из лингвистических энциклопедий, отечественной и зарубежной (ОпрЛЭС принадлежит Т.В. Булыгиной и С.А. Крылову², ОпрELL – Дж. Андерсону), третье (ОпрКОМ) взято из “Курса общей морфологии” И.А. Мельчука.

ОпрЛЭС: [ЛЭС 1990: 356], статья “Падеж”

“Роль сопровождаителя, т.е. лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом, выражается комитативом, или социативом (напр., в финском, баскском и др.; ср. фин. *Naapurimme tuli vaimo-inensa ja laps-inensa* ‘Наш сосед пришел с женой и детьми/или: с женой и ребенком’); в ряде языков функцию комитатива берет на себя инструменталис (ср. ведийское *devó devébhír á gamat* ‘Пусть бог придет с богами’)”.

ОпрELL: [Anderson 1994: 453], статья “Case”

“‘Комитатив’ обычно обозначает одушевленного [участника] (в типичном случае человека), который представляется сопровождающим участие в предикации некоторого более непосредственно вовлеченного участника”³.

ОпрКОМ: [Мельчук 1998: 336, 338]

“‘комитатив’: ‘совместно с’”.

Сравнительный анализ

ОпрКОМ представляется наиболее элегантным, но тем не менее неверным определением. Фактически функция комитатива сводится к выражению единственного семантического компонента – совместности. О необходимости разграничения комитатива и совместности будет сказано ниже (раздел 2.3).

В ОпрЛЭС (“роль лица, выполняющего какое-л. действие совместно с агенсом”) перечислено больше всего содержательных компонентов: (i) совместность; (ii) личность участника, выраженного комитативом (= С п у т н и к а); (iii) его агентивность; (iv) агентивность другого участника, с которым он соотносится (= О р и е н т и р а). Однако, как

¹ {<http://www.sil.org/linguistics/GlossaryOfLinguisticTerms/Index.htm>}.

² Автор благодарит С.А. Крылова за обсуждение предыдущей версии моего анализа ОпрЛЭС [Архипов 2002].

³ “The ‘comitative’ usually marks the animate (typically human) which is conceived of as accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication”.

выясняется, из этих признаков ни один не является необходимым для идентификации категории комитатива.

ОпрЕЛЛ является наиболее расплывчатым из трех определений. В нем характеристика личности (одушевленности) участника относится – с оговоркой – только к типичным употреблениям комитатива; отсутствуют требования агентивности как для Спутника, так и для Ориентира. Что более важно, между Ориентиром и Спутником вводится оппозиция по степени вовлеченности в ситуацию. С другой стороны, содержательные характеристики комитативного участника в ОпрЕЛЛ сводятся к понятию сопровождения, которое само по себе нуждается в разъяснении.

Агентивность

ОпрЛЭС одним из ключевых признаков комитатива называет агентивность комитативного участника и наличие в предикации другого, соотнесенного с ним участника в роли Агенса⁴. Это требование, очевидно, выполняется в примерах с глаголами движения из самого ОпрЛЭС, но ведь комитатив может употребляться и со стативными предикатами, ср.:

якутский < ТЮРКСКИЕ < АЛТАЙСКИЕ [Харитонов 1982: 132]
(2.11) min oʊon'n'or-**duun** d'ieye haalabin СТАТИВ
я старик-СОМ дома остаюсь
Я остаюсь дома вместе со стариком.

баскский (изолят, Европа)
(2.12) Aita terrazan eserita dago ama-**rekin** СТАТИВ
отец на.террасе сидящий находиться.3SG мать-СОМ
Отец сидит с матерью на террасе.

Но у стативных предикатов типа 'оставаться', 'сидеть' нет участников с ролью Агенса: роль *старика* в (2.11) и *матери* в (2.12) обычно описывают как роль Темы (Theme). Между тем, комитатив употребляется и для обозначения участников с другими ролями; в следующих примерах из ф у л а иллюстрируются роли Агенса, Экспериенцера и Пациенса:

фула < АТЛАНТИЧЕСКИЕ < НИГЕР-КОНГО [Коваль, Нялибули 1997: 165, 163, 166]
(2.13) O yaltidi e yimbe amiigi АГЕНС
он выходить:СОС СОМ люди эмира
Он вышел вместе с людьми эмира.

(2.14) O yiidi dum e Umar ЭКСПЕРИЕНЦЕР
он увидеть:СОС это СОМ Умар
Он увидел это (одновременно) с Умаром.

(2.15) Saaya kaa tunnidii e tuuba kaa ПАЦИЕНС
рубаха испачкаться:СОС СОМ штаны
Рубаха стала грязной вместе (одновременно) со штанами.

Следовательно, наличие агентивных характеристик не является обязательным для употребления комитатива и не может служить основой для определения. Однако следует обратить внимание на другой важный аспект: во всех приведенных примерах [(2.11)–(2.15)] комитативный участник всегда имеет **одинаковую роль** с одним из центральных участников.

Личность (одушевленность)

В ОпрЛЭС как необходимый признак комитатива упоминается **личность** соответствующего участника ("лицо, выполняющее к.-л. действие..."). Более корректным было

⁴ Очевидно, что участник, "выполняющий действие совместно с агенсом" сам обладает агентивными свойствами.

бы отнести этот признак к **типичным** (но не обязательным), как это делает Дж. Андерсон в *OpRELL*, поскольку он соблюдается в большинстве случаев, но нередко все же нарушается. Достаточно обратиться к примерам типа (2.15), где комитативом оформляется неодушевленный участник – обычно соотносимый с участником в роли Пациенса или Темы.

2.3. Комитатив и совместность

2.3.1. Природа совместности. Понятие совместности весьма трудно поддается формализации. Одной из плодотворных попыток разъяснения природы совместности является работа [Зализняк, Шмелев 1999] (авторы говорят о совместном действии). Совместность понимается как определенная характеристика ситуации, причем у этой ситуации должно быть больше одного участника **с одной и той же ролью**. Будем в таком случае говорить, что ту или иную роль занимает **множественный участник** [МНУ] (состоящий из двух или более единичных, элементарных участников в [ЭУ]). Например, в предложениях *Дети (Фаня и Саиша/Фаня с Саией) бежали по всему дому* роль агенса при глаголе *бежать* выполняет множественный участник, состоящий в последних двух вариантах из двух элементарных участников – *Фани* и *Саиши*.

Множественность не является достаточным условием совместности. Ситуация с множественным участником считается совместной, только если она **воспринимается** относительно множественного участника **как единое целое**. “Совместное действие отличается от одинаковых действий двух (или более) людей – даже производимых одновременно и в одном месте – тем, что действия, производимые этими людьми, концептуализуются как части одного общего дела” [Зализняк, Шмелев 1999: 450]. Примером совместных ситуаций может быть постройка дома: хотя действия участников различны, каждый из них *строит дом*, и в то же время все они вместе тоже *строят дом*.

Противоположной альтернативой для совместных ситуаций являются ситуации **дистрибутивные** (раздельные), которые воспринимаются как множество раздельных однотипных ситуаций (напр. *Со злости Лена перебила всю посуду в доме*). Кроме того, предикат может быть немаркированным по признаку совместности/раздельности, допуская обе интерпретации.

2.3.2. Факторы совместности. Очевидно, что совместность, будучи зависимой от **восприятия** ситуации, является в большой степени **субъективной** характеристикой, поскольку зависит от восприятия конкретного говорящего; она не приписывается предикату в словаре, а “вычисляется” в каждом случае отдельно. К тому же эта характеристика градуальна (есть “более совместные” и “менее совместные” ситуации) и многофакторна⁵.

Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев выделяют три формальных фактора, практически следуя законам классической драматургии: тождество действия, единство места и единство времени. Однако, в отличие от классических пьес, для понятия совместности эти три единства являются лишь факторами, но никак не законами: ни одно из них не является необходимым. “Наименее обязательным является требование тождества действия. Более того, по-видимому, кроме случаев участия в спортивных или военных парадах, едва ли найдутся такие совместные действия, которые складываются из идентичных, синхронных и совершаемых в одном месте действий” [Зализняк, Шмелев 1999: 451]. С. Кеммер приводит пример *Mary and her mother made a dress together* ‘Мэри с матерью вместе сшили платье’, который вполне может означать, что Мэри снимала мерку и делала выкройку, а мать шила на швейной машине.

Условия единства места и времени являются более устойчивыми, но и они могут нарушаться. Так, два человека могут написать совместную статью, находясь в разных го-

⁵ “Интерпретация действия как совместного – это результат концептуализации, которая определяется довольно тонкими обстоятельствами, варьирует от одного употребления к другому и, кроме того, допускает градуацию” [Зализняк, Шмелев 1999: 454].

родах и даже странах и занимаясь этим в разное время. Еще один фактор, выделяемый С. Кеммер [Kemmer 1993], – сотрудничество (*cooperation*), – также необязателен, поскольку совместность может в принципе относиться к пациентивным участникам: *Вместе с ванной пришлось отремонтировать коридор.*

Наиболее важным и наименее формализуемым свойством совместных ситуаций представляется то, что, по крайней мере для людей, всякая совместная деятельность, всякие совместные переживания могут приводить к возникновению определенной близости (*shared experience* в терминах А. Вежбицкой).

2.3.3. Совместность vs. комитатив. Какими бы тонкими факторами ни определялось понятие совместности, во многих языках мира оно получает грамматическое выражение. Язык и м б а б у р а к е ч у а [Cole 1985] интересен тем, что в нем граммы совместности и комитатива выражаются кумулятивно. В имбабура кечуа имеются два комитативных показателя: один из них (*-wan*) используется, если совместность/раздельность ситуации для говорящего неважна, а другой (*-ndi*) подчеркивает, что ситуация является совместной⁶.

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ	[Cole 1985: 80]
(2.16) ñuka-ka wambra- wan puri-ni	КОМИТАТИВ
я-ТОР ребенок- COM1 ийти-1SG	НЕЙТРАЛЬНЫЙ
<i>Я иду с ребенком. {Мы случайно оказались вместе на одной дороге.}</i>	
(2.17) ñuka-ka wambra- ndi puri-ni	КОМИТАТИВ
я-ТОР ребенок- COM2 ийти-1SG	СОВМЕСТНЫЙ
<i>Я иду (вместе) с ребенком. {Мы вместе идем в одном направлении, с общей целью.}</i>	

Категория совместности в том же языке может маркироваться и в глаголе с помощью показателя *-paju-*:

имбабура кечуа < КЕЧУА < АНДСКИЕ	[Cole 1985: 186]
(2.18) shamu-rka-nchi	±СОВМЕСТНОСТЬ
приходить-PST-1PL	
<i>Мы пришли {возможно, по отдельности}.</i>	
(2.19) shamu- paju -rka-nchi	+СОВМЕСТНОСТЬ
приходить-SOC-PST-1PL	
<i>Мы пришли вместе.</i>	

Таким образом, мы видим, что категории комитатива и совместности принципиально независимы друг от друга: совместность может быть выражена без привлечения комитатива, а комитатив – без привлечения совместности. Из этого непосредственно следует необоснованность ОпрКОМ и отчасти ОпрЛЭС.

2.3.4. Сопровождение. Поскольку слово *с о п р о в о ж д е н и е* не имеет в лингвистике строгого терминологического значения, приходится обратиться к значению общеязыковому. То же можно констатировать в отношении англ. *accompany*. ‘Сопровождать’ в русском языке толкуется в первую очередь как ‘идти вместе’, англ. ‘accompany’ – как ‘go with’ (‘идти [вместе] с (кем-л.)’) [Хорнби 1982]. Исторически слово *accompany* происходит от нар. лат. *companio, -onis* ‘тот, кто ест хлеб вместе с (кем-л.)’ [Dauzat et al. 1981: 182–183]. Если первое из указанных значений предполагает (совместное) движение, то второе – совместное участие в агентивно-пациентивной ситуации. В тексте же ОпрELL “*accompanying the participation of...*” [‘сопровождающий участие... (кого)’] речь не идет, по всей видимости, ни об этимологическом, ни о современном значении в

⁶ *-wan*: ‘together with but not forming a single entity’ (‘вместе, но не образуя единый объект с’), *-ndi*: ‘together with and forming a single entity’ (‘вместе и образуя единый объект с’) [Cole 1985: 80].

отдельности. Здесь обобщенно имеется в виду совместное участие в ситуации любого типа.

Остается, однако, не до конца ясной семантическая роль Спутника: если это типичное совместное участие, роли участников должны быть одинаковы. Между тем у слов *сопровождать/acompany* есть еще один важный элемент значения, несводимый к совместности. Это значение **дополнительности, второстепенности** сопровождающего по отношению к сопровождаемому. В ОпрELL значение второстепенности присутствует и специально акцентируется: “*accompanying the participation of some more centrally involved participant in a predication*” [“*сопровождающий участие в предикации некоторого более непосредственно вовлеченного участника*”].

2.4. Второстепенность как признак комитатива

2.4.1. Ролевая второстепенность. Второстепенность участника в принципе может затрагивать разные аспекты плана содержания. Можно выделить по меньшей мере **второстепенность в ролевом аспекте** и **второстепенность в коммуникативном аспекте**.

Семантические роли как неоднородные категории

Если первоначально семантические роли представлялись исследователям скорее как некий набор атомарных категорий, то впоследствии возникли идеи о большей сложности этих объектов. В частности, выдвигались тезисы о **континуальности** противопоставлений между различными ролями (см., например [Schlesinger 1979]); о том, что ролевые категории могут допускать переменные степени “членства” в этих категориях (т. е. бывают, например, **более типичные** Агенсы и **менее типичные** Агенсы); и о том, что семантические роли могут быть **кластерными категориями** (т.е. задаваться набором признаков, ни один из которых по отдельности не является необходимым и достаточным для определения принадлежности к данной категории⁷); см., например [Schlesinger 1989] о соотношении категорий Инструмента и Агенса.

К. Леман [Lehmann 1991; Lehmann (unpublished)] использует два взаимосвязанные параметра, формирующие пространство семантических ролей (participant relations): **вовлеченность** и **контроль**. **Вовлеченность** характеризует отношение участника к ситуации: степень его вовлеченности максимальна, если ситуацию нельзя представить без его участия. Центральные участники, такие как Агенс и Пациенс, являются наиболее вовлеченными, периферийные, в числе которых К. Леман называет Инструмент, Комитатив и Бенефицианта, – наименее вовлеченными. **Контроль** и обратный ему параметр – *affectiveness* ‘подверженность воздействию’ – проявляется в основном в контрасте между двумя участниками с разной степенью контроля. В ситуациях, где имеется два или более участников, один из них (Актор) обычно в большей степени контролирует ситуацию, а другой (Партнер) скорее испытывает на себе контроль (воздействие) со стороны ситуации. Кроме этого, есть постоянные свойства, присущие участникам независимо от их участия в той или иной ситуации, напр. одушевленность.

Параметр контроля позволяет различать в первую очередь центральных участников. Чем выше степень вовлеченности участника, тем большее значение для него имеет контроль; наиболее периферийные участники не контролируют ситуацию и не контролируются ею.

Второстепенность как пониженная вовлеченность

“Ролевую” второстепенность можно описывать как пониженную **вовлеченность** в ситуацию (ср. ОпрELL). В частности, К. Леман относит роли Комитатива и Инструмента к периферийным, т. е. наименее вовлеченным участникам (см. выше). Такая трактовка, однако, наталкивается на некоторые препятствия.

Вспомним, что участник считается вовлеченным, если без него ситуацию нельзя представить. В отношении Комитатива это требование, действительно, соблюдается:

⁷ Ср. известную статью [Кинэн 1976/1982] о многопризнаковом подходе к определению подлежащего.

Спутник в ситуации факультативен (напр., *бабушка* в ситуации *Мама пошла с бабушкой на рынок*). Однако для Инструмента оно верно не всегда: существуют такие действия, которые нельзя **представить** без Инструмента (напр., *резать, строгать*); хотя **упоминание** Инструмента при соответствующих глаголах факультативно.

С другой стороны, для периферийных участников должно нейтрализовываться различие по контролю над ситуацией [Lehmann (unpublished): 5]. Между тем, в работе [Lehmann, Shin, unpublished: 16–17] утверждается, что Комитатив и Инструмент различаются по этому параметру: “Комитативы могут функционировать как ко-агенты, инструменты не могут. Соответственно, комитативы могут разделять с агенсом признак [+ НАМЕРЕНИЕ], в то время как инструменты всегда отмечены признаком [– НАМЕРЕНИЕ]. В этом выражается то, что комитативы имеют больше контроля, чем инструменты”.

Характерно, что свойства Комитатива при этом существенным образом определяются свойствами центрального участника, с которым он ассоциируется (= Ориентира): “в комитативных ситуациях спутник частично разделяет контроль с актором; или, в случае, если это спутник претерпевающего, он разделяет с ним подверженность воздействию (affectedness)” [Там же: 12].

Приходим к противоречию: с одной стороны, комитативный участник находится на периферии, он несуществен для ситуации (возможно, менее существен, чем Инструмент); с другой стороны, признак контроля для него релевантен в значительно большей степени, чем для Инструмента. Выход, который представляется мне наиболее оправданным, – не рассматривать комитатив как семантическую роль и не отводить ему фиксированного места в пространстве ролевых отношений, но определять способ участия Спутника в конкретной ситуации по способу участия Ориентира.

Собственно комитатив vs. копредикативный комитатив

К. Леман включает в число “комитативных ситуаций” те, в которых Спутник имеет более низкий класс эмпатии, чем Ориентир, и, вообще говоря, не может выполнять ту же роль, что и Ориентир; ср. также функцию конфектива у Т. Штольца [Stolz 1996a].

немецкий < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ [Lehmann, Shin, unpublished: 12]
(2.20) Sie kam mit einer Tasse Kaffee zurück.

Она вернулась с чашкой кофе.

В отличие от собственно комитативных конструкций, в копредикативных конструкциях предмет, маркированный комитативом, характеризует не ситуацию, а одного из центральных участников (Ориентир). Сравним следующие предложения (ср. [Даниэль 2000: 175]):

(2.21) *Петя гуляет с Наташей.*

(2.22) *Петя гуляет с двустволкой.*

(2.23) *За деревом Петя увидел [парня с двустволкой]_{ИГ}.*

Если в (2.21) мы имеем собственно комитативную конструкцию (роли участников одинаковы), в (2.22) у ситуации *гулять* только один участник – *Петя*. Периферийная ИГ *с двустволкой* в данном случае синтаксически выполняет функцию сирконстанта, как и в первом примере, но семантически является предикатом по отношению к ИГ *Петя*; ср. употребление той же периферийной ИГ в синтаксической позиции определения (2.23).

Функцию периферийной ИГ (*mit einer Tasse Kaffee, с двустволкой*) в подобных конструкциях будем называть функцией **ко п р е д и к а т а**, а саму конструкцию **ко п р е д и к а т и в н о й**. Центральную ИГ (*Sie, Петя*) будем называть **к о н т р о л е р о м** копредиката.

В русскоязычной традиции термин **ко п р е д и к а т** восходит к названию **ко п р е д и к а т и в н о г о** поверхностно-синтаксического отношения (ПСО)⁸

⁸ Точнее, двух ПСО: субъектно-копредикативного и объектно-копредикативного.

в модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” [Мельчук 1974]. Дж. Никольс [Никольс 1985] использует термин “предикативное имя” (predicate nominal). Типичным образцом копредикатов в русском языке служат прилагательные типа *больной*, *пьяный* в предложениях вида (2.24)–(2.25):

(2.24) *Он был **веселый/веселым*** [Никольс 1985: 344].

(2.25) *Друзья привели его домой **пьяного/пьяным**.*

Наиболее распространенным в англоязычной литературе является термин *descriptive secondary predicate* (букв. описательный вторичный предикат), или просто *descriptive*.

Существуют разные подходы к анализу подобных примеров. Проблема заключается в **двойной зависимости** (потенциально – двойной синтаксической зависимости) прилагательного [*пьяный* в (2.24)] или комитативной группы (*с двустволкой* в (2.22)). С одной стороны, *пьяный* не входит в ИГ-контролер *его*, а является зависимым вершинного предиката *привели*. С другой стороны, оно согласуется с контролером в роде и числе (и иногда в падеже). Очевидно, что между прилагательным и его контролером существует по крайней мере семантическая зависимость. И.А. Мельчук [Мельчук 1974] предлагает различать при анализе копредикатов **семантическую, синтаксическую и морфологическую** зависимость: копредикат связан с контролером морфологически и семантически, но не синтаксически.

Э. Шульце-Берндт и К. Химмельман отмечают в генетически не связанных между собой языках, таких как немецкий и эве (<КВА < НИГЕР-КОНГО), употребления показателей комитатива для маркирования копредиката. Как предполагают авторы [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004: 49], такое расширение функций комитативных показателей возможно благодаря изначально присущей комитативу ориентации на участника, в том числе в собственно комитативных конструкциях.

2.4.2. Коммуникативная второстепенность. Последний из семантических признаков, претендующий на роль определяющего в комитативной конструкции, предварительно можно назвать **коммуникативной второстепенностью**: комитативная группа и центральная ИГ имеют различный ранг (статус) в одной из категорий коммуникативного компонента плана содержания. Наиболее вероятными претендентами на выражение в КК являются основные категории актуального членения, тема и рема.

Противопоставление темы и ремы является, по всей видимости, градуальным: как тема, так и рема могут иметь вторичное внутреннее коммуникативное членение (см., в частности [Белошапкина 1977: 147]; примеры (i)–(ii) приводятся по [Тестелец 2001: 441]).

(i) [*Тонкие стволы берез*_{ТЕМА}][[*белели*_{ТЕМА}][*редко и отчетливо*_{РЕМА}]_{РЕМА}].

(ii) [*Атаковать с ходу*_{ТЕМА}][[*противник*_{ТЕМА}][*не решился*_{РЕМА}]_{РЕМА}].

В комитативных конструкциях весьма часто центральная и периферийная ИГ оказываются в разных “лагерях”: центральная ИГ выступает как тема, а комитативная группа – как часть ремы:

(2.26) *Ее всегда узнавали, когда [[она_{ТЕМА}] [появлялась на улице с **Виктором Петровичем**_{РЕМА}]].*

Такие примеры можно рассматривать как проявление дискурсивной стратегии, широко распространенной в языках мира: “Устанавливается тема [текста] (topic), затем референция к ней осуществляется с помощью местоимений. Если в некоторой ситуации совместно [с темой] принимает участие некоторая дополнительная сущность, она вводится с помощью комитативной конструкции. Исходная тема остается той же самой” [Mithun 1988: 338].

В данном случае можно рассматривать Спутника, выраженного комитативной группой, как **второстепенного** участника по отношению к Ориенту – главной теме. (Соответствующий параметр – близость к статусу главной темы – предлагается назвать тематичностью). Если бы такое соотношение коммуникативных свойств участников наблюдалось во всех комитативных конструкциях, можно было бы утверждать, что комитатив выражает **коммуникативную второстепенность** (низкую тематичность) Спутника. Встречается, однако, и обратное соотношение: КГ может быть ближе к главной теме, чем ЦИГ:

(2.27) [*С Николаем Андреевичем*_{ТЕМА}] [*Василий*_{ТЕМА}] [*не так давно работал над проектом одного музея*_{РЕМА}]_{РЕМА}.

В предложении (2.27) после первого деления на тему (*С Николаем Андреевичем*) и рему (остальная часть предложения), сама рема далее разделяется на два контрастирующих компонента. Таким образом, КГ оказывается первичной темой, а центральная ИГ *Василий* – вторичной темой. ЦИГ может входить и в собственно рематический компонент:

(2.28) [*В качестве судьи или летописца*_{ТЕМА}] [*со мной*_{ТЕМА}] [*отправился здоровенный парень, на редкость ленивый, добродушный и наивный*_{РЕМА}]_{РЕМА} (Ф. Искандер).

(2.29) [*С хлебом*_{ТЕМА}] [*мать принесла*_{ТЕМА}] [*и крынку молока*_{РЕМА}]_{РЕМА}.

Таким образом, направленность различия в тематичности между комитативной группой и ЦИГ не является фиксированной. Хотя в предпочтительном, немаркированном случае центральная ИГ ближе к теме, чем комитативная группа, при помощи специальных средств (топикализации) достижимо и обратное соотношение. Наконец, комитативная группа и ЦИГ могут принадлежать к одному и тому же компоненту коммуникативной структуры, как в следующем английском примере:

английский < ГЕРМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ [Lehmann, Shin, unpublished: 12]

(2.30) Ken brought his daughter with her boyfriend.

Кен привел/привез свою дочь (вместе) с ее парнем.

Можно констатировать, что принципиальным для комитативной конструкции является не то или иное фиксированное соотношение тематичности ее элементов, а их относительная свобода в коммуникативной структуре. Действительно, именно этим отличаются КК от своих ближайших конкурентов в выражении множественного участника – сочинительных конструкций. Если элементы типичной сочинительной конструкции обязаны иметь одинаковый структурный ранг и тематичность и не могут по отдельности участвовать в различных синтаксических процессах (релятивизация, топикализация, фокусирование и т.п.), то элементы комитативной конструкции этими ограничениями не связаны. Как следствие, комитативные конструкции широко используются в различных стратегиях организации дискурса для эффективной темо-рематической артикуляции, поддержания референции и проч.

Таким образом, **определяющим свойством** комитативной конструкции является **возможность различия** центральной ИГ и КГ по тематичности. **Прототипической** является большая тематичность центральной ИГ по сравнению с КГ [как в (2.26)]. Это свойство, однако, не соблюдается в таких примерах, как (2.27)–(2.30). Что касается комитативных конструкций, где обе ИГ имеют одинаковую тематичность, как в англ. (2.30), то они, по-видимому, являются первым шагом к развитию сочинительного комитатива (типа русск. *Петя с Машей вернулись домой поздно*).

2.5. Рабочее определение комитатива

2.5.1. Комитатив как средство плюрализации участника. Промежуточный итог наших наблюдений состоит в том, что комитатив не следует определять через понятия совместности, сопровождения или второстепенности (ролевой или коммуникативной). Общим недостатком существующих определений комитатива является апелляция к не-

которой роли, которую якобы “выражает” комитатив; например, аффикс комитатива в урумском языке “[в]ыражает роль второстепенного агенса, сопровождающего действия главного... или любого участника ситуации, участвующего в действии в той же семантической роли, что и другой, присутствующий в высказывании” [Смолина 2004: 97; выделение мос. – А.А.]⁹.

Представляется, однако, очевидным, в том числе из внутренней противоречивости приведенного выше определения, что комитатив не соответствует **никакой фиксированной семантической роли**. Участник, вводимый с помощью комитативной конструкции, имеет ту же роль, что и участник-Ориентир, выражаемый центральной именной группой. Таким образом, комитативная конструкция есть специальное морфосинтаксическое средство, позволяющее “размножить” один из актантов предиката (ср. термин “множественное” [Коваль, Нялибули 1997]).

2.5.2. Определение комитативной конструкции

Множественный участник

Пусть имеется ситуация S и два ее участника, P1 и P2, семантические роли которых в S одинаковы. Тогда P1 и P2 будем называть элементарными участниками (= ЭУ), образующими в совокупности множественного участника PL.

Структурный ранг

Под структурным рангом понимается обобщенная морфосинтаксическая характеристика именной группы. В языках, для которых релевантно понятие синтаксических отношений¹⁰, она соответствует прежде всего позиции на реляционной иерархии *Sub > DO > IO > Obl* (см., например [Джонсон 1977/1982: 43 и сл.]). Согласно этой иерархии, наивысший ранг имеет подлежащее (Sub), более низкие ранги – прямое дополнение (DO), не прямое (дативное) дополнение (IO) и все прочие (косвенные) дополнения и обстоятельства (Obl).

Существуют языки, выделение в которых синтаксических отношений представляется затруднительным: в них синтаксические конструкции не различают таких категорий, как подлежащее, прямое и не прямое дополнение (арчинский [Кибрик 2000/2003], ачехский [Durie 1987], риау индонезийский [Gil 1994; 1999]). В этих языках, однако, сохраняется оппозиция ядерных и периферийных актантов, с которой мы и будем соотносить понятие структурного ранга. Эта оппозиция тесно связана с понятием переходности (см. [Кибрик 2000/2003; Hopper, Thompson 1980]). Переходные глаголы (русск. *бить, видеть, давать*) имеют два ядерных актанта, непереходные – один ядерный актант (русск. *бежать, смотреть*) или ни одного (русск. *больно, холодно*). (В некоторых языках, например, в баскском, дативный аргумент трехместных глаголов типа *давать*, по-видимому, также должен быть причислен к ядерным.)

Комитативная конструкция

Комитативной конструкцией (= КК) в языке L будем называть морфосинтаксическую конструкцию, используемую в данном языке для выражения множественного участника PL ситуации S, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников P1 и P2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг.

Под выражениями, обозначающими участников P1 и P2, понимаются в первую очередь именные группы, а также согласовательные показатели в глаголе.

Комитативную конструкцию в общем случае образуют четыре компонента. Три из них представляют собой *выражения*: предикат, обозначающий ситуацию S, и два выражения, обозначающие участников P1 и P2 (обычно – две именные группы, центральная

⁹ Первая часть фразы цитирует определение В.А. Плунгяна [Плунгян 2000: 170].

¹⁰ “Синтаксические отношения понимаются... как средство соотнесения именных аргументов предиката с различными синтаксическими позициями, иерархически упорядоченными в соответствии со степенью их синтаксической активности или важности” [Кибрик 1997/2003: 134].

и периферийная). Четвертый компонент КК – морфосинтаксическое средство (показатель), которое мы будем называть комитативным показателем.

Формально комитативные конструкции

Конструкции, удовлетворяющие приведенному определению, будут центральным предметом дальнейшего рассмотрения; это собственно комитативные конструкции, или КК в узком смысле. Кроме того, для данного языка L нас будут интересовать все конструкции, в которых используется то же формальное средство, что и в собственно комитативных конструкциях, – формально комитативные конструкции.

2.5.3. Прототипические комитативные конструкции. Существенным, но практически неизученным параметром межъязыкового варьирования является сочетаемость комитативных конструкций. Собственно КК в разных языках используются с некоторыми типами предикатов и не используются с другими. Так, русская КК с предлогом *с* не сочетается с ментальными предикатами, например *думать, знать: Петя раньше думал(,)* [**с Игорем/ как и Игорь*], *что Р*. Напротив, французская КК с предлогом *avec* ‘с’ сочетается с глаголом *penser* ‘думать’, ср.:

французский < РОМАНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ

[Интернет]

(2.31) *Thornton pense avec Frommel que sala vient de aula plutot que de salta.*

Торнтон, как и Фроммель, думает, что [слово] sala происходит скорее от aula, чем от salta.

В связи с этим встает вопрос об основаниях для межъязыкового сравнения. Необходимо найти точку соприкосновения между различными КК, надежный диагностический контекст, позволяющий выявлять КК в разных языках, по возможности независимо от их индивидуальной сочетаемости. Такая точка соприкосновения, по-видимому, существует. Оказывается, есть класс предикатов, который с наибольшей вероятностью сочетается с произвольной КК. Это предикаты движения и позиции (предикаты, передающие такие смыслы, как *приходить, уходить, ходить, возвращаться, сидеть, стоять, лежать* и др.). К ним также примыкают такие глаголы, как *жить* и *оставаться*.

Можно утверждать, что всякая собственно комитативная конструкция сочетается с глаголами движения и позиции. В результате расширения сочетаемости “в обойму” КК могут попадать и другие классы предикатов. Таким образом, предложения вида X пришел в (место) Z с Y-ом могут служить **диагностическим контекстом** для выявления комитативных конструкций в произвольном языке.

3. ФОРМАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ КОМИТАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

3.1. Общая структурная схема комитативной конструкции и параметры варьирования

3.1.1. Элементы комитативной конструкции. Собственно комитативная конструкция (КК) соответствует некоторой ситуации С, имеющей двух элементарных участников (ЭУ), семантическая роль которых в С одинакова. (Разумеется, у ситуации С могут быть и другие участники с другими ролями.) В прототипическом случае между ними есть различие коммуникативного плана: статус одного из ЭУ ближе к теме, статус другого – к реме.

Пусть в предложении ситуация С обозначается (синтаксическим) предикатом П. Выражения, обозначающие ЭУ, мы будем называть **центральным ИГ (ЦИГ)** и **периферийным ИГ (ПИГ)**. Та ИГ, которая занимает более престижную синтаксическую позицию (например, подлежащего), и есть центральная; другая же ИГ, занимающая менее престижную синтаксическую позицию (например, косвенного дополнения), и/или несущая косвенное морфологическое маркирование, будет периферийной. Элементарный участник, обозначаемый центральной ИГ, будет в дальнейшем называться **Ориентиром**; ЭУ, обозначаемый периферийной ИГ – **Спутником**.

3.1.2. *Три структурных уровня реализации множественности участника.* В общем случае существует три способа передачи изображенной выше семантической структуры. Они различаются синтаксическим уровнем, на котором реализуется множественность участника.

Уровень ИГ

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, являются составляющими одной именной группы, которая подчиняется предикату П. Одно из них (периферийная ИГ) имеет косвенное маркирование.

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ [Солженицын]

(3.1) *И [Клара [с Иннокентием]] тоже пошли за ними.*

колымский юкагирский < ЮКАГИРСКИЕ [Maslova 2003: 134]

(3.2) ta:t mon-delle mukolaj-die egor-die-n'e abuda:l'el-ni
 СА сказать-SS:PF [Николай-DIM Егор-DIM-COM] лежать-INFR-3PL:INTR
Сказав так, Николай и Егор легли.

В данном типе различия между ЦИГ и ПИГ чисто морфологические: с точки зрения синтаксиса обе ИГ ведут себя как сочиненные. Для таких конструкций предлагается термин “сочинительные комитативные конструкции”.

Уровень предикации

Именные группы, обозначающие Спутник и Ориентир, не образуют составляющей; каждая из них подчиняется предикату П. Одна из них занимает более периферийную синтаксическую позицию, чем другая.

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ [Искандер]

(3.3) [Чик] поехал в Чегем [с маминьм братом дядей Кязымом].

колымский юкагирский < ЮКАГИРСКИЕ [Maslova 2003: 134]

(3.4) kie, met-n'e qon met numö-nin
 друг я-COM идти(IMP:2SG) мой дом-DAT
Друг, пойдём [= иди] со мной ко мне домой.

багвалинский < АВАРО-АНДИЙСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: 176]

(3.5) waš jaš-ēna w=ā
 брат девочка-COM M=приходить
Пришел брат с девочкой.

Уровень предложения

Выражения, обозначающие Спутник и Ориентир, входят в разные предикации, возглавляемые одноименными предикатами П, причем одна из предикаций подчиняется¹¹ другой.

багвалинский < АВАРО-АНДИЙСКИЕ < СЕВЕРНОКАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: 589]

(3.6) maHammad-i-r awal že-rā-X-(I)ēna rasul-i-r že-rā-X ek'o'a
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-COM] Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV есть
(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

¹¹ Это утверждение исходит из весьма упрощенной картины, называя подчинением все то, что не является сочинением. На самом деле типы связи между предикациями не исчерпываются этими двумя.

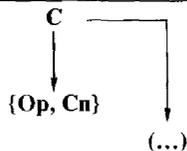
В исследованной языковой выборке (около 80 языков), а также в выборке из 260 языков, использованной в работе [Stassen 2000], не встретилось ни одного языка, где первый способ (плюрализация на уровне ИГ) или последний (плюрализация на уровне предложений) был бы единственным доступным из трех. Во всех случаях представлен также второй способ реализации множественного участника – на уровне предикаций.

В то же время, существуют языки, лишенные сочинительных комитативных конструкций. Сюда относятся, например, многие европейские языки (в частности, романские и германские), а также некоторые из языков, в которых не различаются комитативные конструкции и сочинение ИГ – напр., х а к а л ь т е к или с а м о а (языки чистого типа WTH, в терминах Л. Стассена). По мнению Л. Стассена, сочинительные комитативные конструкции являются промежуточной стадией развития комитативных конструкций с соподчинением ИГ в собственно сочинительные. (Подробнее см. [Stassen 2000; Архипов 2004].) В силу высказанных соображений я считаю конструкции с единой ИГ производным типом и не включаю их в число собственно комитативных конструкций.

Сходным образом обнаруживается, что конструкции с плюрализацией на уровне предложений (сентенциальные) существуют только наряду с несентенциальными как дополнительная, но не основная структурная возможность. Основная их функция – маркирование фоновой предикации, а не выражение множественного участника. Таким образом, в дальнейшем наше внимание будет сфокусировано на конструкциях с соподчинением ИГ – именно их мы считаем собственно комитативными конструкциями.

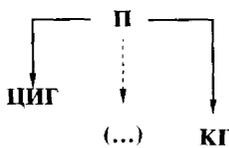
3.1.3. Структурные параметры комитативных конструкций

А – Семантическая структура КК

C – ситуация
 {Op, Sp} – множественный участник C, состоящий из Ориентира и Спутника
 (...) – прочие участники ситуации C

Б – Синтаксическая структура КК

П – предикат
 ЦИГ – центральная ИГ
 КГ – комитативная группа
 (...) – прочие аргументы предиката П

Первый структурный параметр, определяющий способ реализации КК, – локус маркирования комитатива, т. е. местонахождение показателя комитатива относительно элементов КК. По этому параметру КК разделяются на конструкции с дополнительной предикацией, с зависимым маркированием, с вершинным маркированием и их подтипы (§ 3.2). Второй параметр, или, точнее, группа параметров, отвечает за ограничения на структурный ранг центральной ИГ (например, КК может быть возможна только при ЦИГ-подлежащем) и комитативной группы (§ 3.2.5).

3.2. Локус маркирования комитатива

В комитативных конструкциях маркироваться может как связь между Ориентиром и Спутником (§ 3.2.1), так и связь между Спутником и Ситуацией (§§ 3.2.2–3.2.4).

Выделяются следующие стратегии маркирования:

- 1) Неморфологическое маркирование:
 - a) Дополнительная предикация
 - i) маркированно подчиненная предикация (конверб)
 - ii) немаркированная предикация (коверб)
 - iii) маркированно подчиняющая предикация
- 2) Морфологическое маркирование:
 - a) Зависимостное маркирование
 - i) предлог/послелог (+ падеж)
 - ii) непадежный аффикс
 - iii) падеж
 - iv) сентенциальное маркирование
 - b) Вершинное маркирование
 - i) актантная деривация
 - ii) инкорпорация [в собственно КК не обнаружена]
- 3) Нулевое маркирование [в собственно КК не обнаружено]

3.2.1. Дополнительная предикация. В данной стратегии маркируется отношение между Спутником и Ориентиром. Спутник вводится при помощи отдельной предикации, так что центральная и периферийная ИГ являются ее ядерными актантами.

К. Леман и Й.-М. Шин выделяют две разновидности этой стратегии маркирования [Lehmann, Shin, unpublished: 24]. В одной из них дополнительный предикат эксплицитно морфологически оформляется как нефинитный и подчиненный (деепричастие, или *к о н в е р б*; см. [Haspelmath 1995]). В другой разновидности дополнительный предикат не имеет никакого специального маркирования. Вслед за В. Бизангом в таких случаях мы будем говорить о *с е р и а л и з а ц и и*: “Глагольная сериализация есть немаркированное соположение двух или более глаголов или глагольных групп (с подлежащим и/или дополнением или без оных), каждый(-ая) из которых мог(-ла) бы также сам(-а) по себе составить предложение” [Bisang 1995: 139].

корейский < АЛТАЙСКИЕ [Lehmann, Shin, unpublished: 32]
 (3.7) *kə-nən atəl-əl teli-ko phathi-e ka-ss-ta*
 3.SG-TOP [сын-ACC **сопровождать-CONV**] вечеринка-LOC уходить-PST-DECL
Он пошел на вечеринку со своим сыном. КОНВЕРБ

китайский < КИТАЙСКИЕ < СИНО-ТИБЕТСКИЕ [Lehmann, Shin, unpublished: 24 < Luo 1999: 4]
 (3.8) *Lisi gēn tàitai qù yūyuàn* СЕРИАЛИЗАЦИЯ
 Лисы [следовать жена] уходить больница
Лисы отвез жену в больницу.

Особенность китайской конструкции в том, что, хотя предикат *gēn* не имеет выраженного маркирования подчиненности или нефинитности, он не может принимать некоторые показатели, которые доступны для главного предиката *qù* (например, аспектуальный маркер *zhe*).

Существует и третья разновидность данной стратегии, не отмеченная К. Леманом и Й.-М. Шином. Например, в *и т е л ь м е н с к о м* языке личные местоимения не имеют комитативного падежа¹², и для построения КК с личным местоимением используется аналитическая конструкция с глаголом *ч'е?ла вес* 'быть [совместно] с кем-то'. Основной глагол при этом употребляется в деепричастной форме на *-ку/-ка*:

¹² У существительных в ительменском имеются два комитативных падежа и абэссив (лишительный падеж).

ительменский < ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИЕ [Володин 1976: 161]
 (3.9) кэмма энна т-ч'е?ль-чен к'оль-ки ПОДЧИНЯЮЩАЯ ПРЕДИКАЦИЯ
 1SG [3SG 1SG.A-**быть.с**-3SG.P] **приходить-CONV**
Я пришел с ним.

Таким образом, в третьей разновидности уже смысловой предикат получает выраженное морфологическое маркирование подчиненности, тогда как предикат, вводящий комитативного участника, выступает в финитной форме.

3.2.2. Морфологическое маркирование. В стратегиях второго типа используется не самостоятельный предикат, а морфологический показатель (аффикс, предлог/послелог), маркирующий связь между Спутником и Ситуацией. Внутри данной стратегии важное разделение проходит между вершинным и зависимостным типом маркирования [Nichols 1986]: при наличии морфологически выраженной синтаксической зависимости между двумя элементами показатель этой зависимости может выражаться при главном элементе, т.е. вершине (стратегия **в е р ш и н н о г о м а р к и р о в а н и я**), либо при зависимом элементе (стратегия **з а в и с и м о с т н о г о м а р к и р о в а н и я**). В комитативных конструкциях встречается как вершинное, так и зависимостное маркирование; в некоторых случаях можно говорить о двойном маркировании (одновременно употребляются вершинный и зависимостный показатели).

Зависимостное маркирование

Рассмотрим следующие предложения:

русский < СЛАВЯНСКИЕ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ
 (3.10) *Петя пришел к нам в гости со своей младшей дочерью.* ПРЕДЛОГ + ПАДЕЖ

тамильский < ДРАВИДИЙСКИЕ [Asher 1985: 35]
 (3.11) gaaman naṅṅan-**ooṭe** vantaan ПАДЕЖ
 Раман друг-**СОМ** **приходить.PST.3SG.M**
Раман пришел с другом.

хауса < ЧАДСКИЕ < АФРАЗИЙСКИЕ [Schwartz 1991: 223]
 (3.12) Audu ya gan-mu jiya **da** Binta ПРЕДЛОГ
 Ауду 3.COMPL видеть-1PL.OBJ вчера **СОМ** Бинта
Ауду видел нас с Бинтой вчера {меня и Бинту // нас и Бинту}.

В трех приведенных примерах периферийные ИГ несут на себе комитативные маркеры: показатель особого комитативного падежа [т а м и л ь с к и й, (3.11)], предлог, требующий определенной падежной формы [р у с с к и й, (3.10)], или свободная морфема, функционирующая как предлог [х а у с а, (3.12)]. Предикат П и центральная ИГ не имеют особых маркеров комитативной конструкции. Во всех трех предложениях ПИГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию – косвенного дополнения. Что же касается центральной ИГ, то в (3.10)–(3.11) она находится на противоположном конце шкалы, в самой престижной позиции – подлежащего, а в (3.12) является прямым дополнением.

Вершинное маркирование

При вершинном маркировании наличие в Ситуации участника-Спутника сигнализируется глагольным показателем актантной деривации. Ср.:

абазинский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНО-КАВКАЗСКИЕ [Табулова 1976: 188–189]
 (3.13) б-х¹ы-цы-г¹-гап¹
 2SG.F.NOM-1PL.DAT-COM-1PL.ERG-везти
Мы тебя (жен.) повезем с собой.

- (3.14) *miiqqa-t tiki-uti-nngil-akka*
 ребенок-PL приходит-СOM-NEG-1SG.A+3PL.P
Я не пришел с детьми.

А б а з и н с к и й префикс *-ц(ы)/-ц'(ы)-* повышает число валентностей глагола: одноместный глагол ‘быть [кто: НОМ]’ превращается в двухместный ‘быть [кто: НОМ; с кем: ДАТ]’, а двухместный ‘взети [кто: ЭРГ; кого: НОМ]’ в трехместный ‘[кто: ЭРГ; кого: НОМ; с кем: ДАТ]’ (3.13). В аналогичной з а п а д н о - г р е н л а н д с к о й конструкции суффикс *-iti-* также маркирует добавление глагольной валентности, но уже на прямое дополнение: непереходный глагол ‘приходить [кто: НОМ]’ становится переходным ‘приходить с (кем) [кто: ЭРГ; с кем: НОМ]’.

При этом, как и в приведенных выше примерах (3.10)–(3.12), периферийная ИГ занимает менее престижную позицию, чем центральная. Но если при зависимостном маркировании ПИГ неизменно была косвенным дополнением, а ЦИГ имела один из более высоких рангов (подлежащее, прямое дополнение), то в данном случае ЦИГ неизменно занимает самую престижную позицию (подлежащего), тогда как ПИГ – одну из менее престижных (прямое дополнение, не прямое дополнение); см. § 3.3.2.

Заметим, что оба участника могут быть выражены не полными ИГ, а только согласовательными показателями, ср. (3.13) (Ориентир и Спутник) и (3.14) (Ориентир).

3.2.3. Сентенциальное маркирование. Особая возможность морфосинтаксического оформления КК представлена в нескольких дагестанских языках, а именно в а в а р с к о м, ч а м а л и н с к о м, г о д о б е р и н с к о м и б а г в а л и н с к о м [Kibrik (ed.) 1996; Кибрик (ред.) 2001; Maisak 2000]. В этих языках комитативные частицы присоединяются к ИГ в различных падежах [ср. (3.15), (3.16)]; кроме того, они могут присоединяться и к сентенциальным составляющим, а именно деепричастным оборотам (3.17). Общй компонент семантики в сентенциальном и несентенциальном употреблении составляет “значение добавочности или фона: деепричастный оборот обозначает действие, фоновое по отношению к выраженному в главном предложении, а вводимая данным показателем ИГ – фонового участника ситуации” [Кибрик (ред.) 2001: 594].

багвалинский < АВАРО-АНДИЙС. < СЕВЕРНО-КАВКАЗС. [Кибрик (ред.) 2001: 176–177; 589]

- (3.15) *waš jaš-ēna w=ā* НОМИНАТИВ + КОМИТ
 брат девочка-СOM M=приходить
Пришел брат с девочкой.

- (3.16) *maHammad-i-r rasul-i-r-ēna* ЭРГАТИВ + КОМИТ
 Магомед-OBL-ERG Расул-OBL-ERG-СOM
awal žē-rā-X ek' a
 дом делать-IPF-CONV есть
Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}.

- (3.17) *maHammad-i-r awal že-rā-X-(l)ēna* ПРЕДИКАЦИЯ + КОМИТ
 [Магомед-OBL-ERG дом делать-IPF-CONV-СOM]
rasul-i-r že-rā-X ek' a
 Расул-OBL-ERG делать-IPF-CONV есть
(Пока) Магомед строит дом, Расул (тоже) строит.

Частицы *-ēna* и *-lēna* не являются ни падежными маркерами, так как присоединяются, среди прочего, к показателям падежей (других случаев “двойного падежа” в багвалинском языке не отмечено), ни послелогоми, так как в отличие от обычных багвалинских послелогов не управляют никаким фиксированным падежом. Предполагается, что частица *-lēna* происходит из стяжения сочинительной частицы *-la* и клитики *-ēna*, которая

могла служить синтаксическим показателем зависимой предикации. Присоединительная частица *-la* усматривается также в составе функционально аналогичных багвалинскому *-lēna* годоберинского показателя *-laʔi* и чамалинского *-laç'ā*.

В грамматике багвалинского языка [Кибрик (ред.) 2001] предложения с частицей *-(l)ēna* при косвеннопадежных формах имени (3.16) рассматриваются как предложения с деепричастным оборотом, все члены которого, кроме зависимого имени, подверглись сочинительному сокращению:

багвалинский < АВАРО-АНДИЙСКИЕ < СЕВЕРНО-КАВКАЗСКИЕ [Кибрик (ред.) 2001: 593]

(3.18) maHamad-i-g [rasul-i-g ~~awa~~la-žē-gā-X-ēna]

M.-OBL-ERG P.-OBL-ERG дом-~~LA~~ делать-IPF-CONV-COM

awal žē-gā-X eko a

дом делать-IPF-CONV есть

Магомед с Расулом строят дома {параллельно каждый свой}. СОЧИНИТ. СОКРАЩЕНИЕ

Такой подход объясняет сразу несколько фактов, относящихся к сочетаемости показателя *-(l)ēna*, подтверждая гипотезу о его происхождении из сочетания клитики *-ēna* и сочинительной частицы *-la*.

“Функции показателя *-(l)ēna* в деепричастной конструкции наиболее ясно видны при деепричастиях НСВ: прибавление *-(l)ēna* [...] превращает деепричастную конструкцию из сочинительной в подчинительную [...]. Такой вывод позволяет сделать применение к предложению типа (5.244a) тех же тестов на сочинение/подчинение, что были применены к деепричастным конструкциям НСВ [...]. Данный контраст между деепричастными конструкциями с *-(l)ēna* и без этого показателя говорит о том, что *-(l)ēna* привносит смысл второстепенности действия, выраженного деепричастием” [Кибрик (ред.) 2001: 592].

Транскатегориальные показатели типа *-(l)ēna*, с одной стороны, представляют зависимостный тип маркирования, аналогично падежным [ср. (3.15)]; с другой стороны, их способность оформлять предикативную составляющую заслуживает отдельного внимания и выделения в особый, с е н т е н ц и а л ь н ы й подтип внутри зависимостного маркирования.

3.2.4. Инкорпорация. Дж. Никольс [Nichols 1986] причисляет инкорпорацию к вершинному типу маркирования. Для ряда смежных с комитативом категорий (в частности, инструменталиса) инкорпорация является весьма распространенной техникой кодирования. Однако инкорпорация комитативного участника – чрезвычайно редкое явление.

К. Леман [Lehmann, Shin, unpublished] объясняет это высоким положением комитативных участников на шкале агентивности и эмпатии: “Возможность инкорпорации в различных языках отрицательно коррелирует с агентивностью и эмпатией. Наиболее часто инкорпорлируемые участники – пациент и инструмент. [...] Комитатив обладает низкой степенью ‘инкорпорированности’ [incorporability], поскольку он чаще всего обладает эмпатией и воспринимается как ко-агент” [Там же: 42].

Примеров собственно комитативных конструкций, где периферийная ИГ инкорпорировалась бы внутрь глагольной словоформы, в моей выборке не встретилось. Однако полностью исключать возможность такой конструкции пока представляется преждевременным.

В австралийских языках м а я л и (< ГУНВИНГУ) [Evans 1997: 410] и т и в и [Osborne 1974] с помощью инкорпорации кодируется копредикативный комитатив (см. § 2.4.1):

т и в и < ТИВИ

[Osborne 1974: 47]

(3.19) ji-u'ɟi

он-уходить

Он ушел.

(3.20) jii-mari-ŋiliwantuŋ-u'ɟi

он-COM-валлаби-уходить

Он взял [= унес] валлаби¹³. [= Он ушел с валлаби.]

¹³ Wallaby – вид карликовых кенгуру.

3.2.5. **Типы маркирования как этапы грамматикализации.** Комитативные показатели связаны с разнообразными путями грамматикализации¹⁴: единицы определенных формальных классов и определенной семантики имеют тенденцию со временем эволюционировать в комитативные маркеры, а те в свою очередь развиваются в показатели других типов. При этом случается, что две единицы, исторически представляющие собой один и тот же показатель, формально относятся к разным классам и реализуют различные типы (или разновидности) маркирования; границы между типами не являются стопроцентно четкими.

Например, пред-/послелого являются типичным результатом развития деепричастий (конвербов) и сериальных глаголов (ковербов): “сериальная конструкция с соположением [...] реанализируется [...] как зависимостная конструкция, в которой будущий пред-/послелог зависит от глагола, с которым ранее был на равных. Одновременно коверб теряет все словоизменительные характеристики, которые у него могли быть, т.е. теряет свойства глагола” [Lehmann 1982/2002: 93; см. тж. 92–95].

Ср. замечание М. Митун о КК в языке н у т к а: “[решение о том,] рассматривать ли [следующий пример] как простое или сложное предложение, зависит от того, анализируется ли последнее слово как предикат ‘быть с’ или как падежный показатель ‘с’”:

нутка < ВАКАШКИЕ [Mithun 1999: 261]
 (3.21) taps-`atu qawiq:a:t tuku:k u-k`ink доп. ПРЕДИК.
 нырять-погружаться.в.воду Кавикаатль морской.лев 3SG-COM или ПАДЕЖ
Кавикаатль нырнул в море [вместе] с морским львом.

Также хорошо известно, что послелого являются одним из важнейших диахронических источников падежных показателей (см., например [Майтинская 1979] о происхождении падежей в финно-угорских языках, [Боргояков 1976] о хакасском и других тюркских языках; [Lehmann 1982/2002: 70–77]). К послелогам, в частности, восходят комитативные аффиксы *-kel-ge* в марийском, *-ke* в карельском и вепском, *ked* в коми (ср. финский послелог *kerä* ‘с’); ливский *-ks*, эстонский *-ga*, водский *-ka/-kã*, ижорский *-(η)kã/-(η)kã* (ср. финский послелог *kanssa* ‘с’) [Майтинская 1979]. Во многих современных тюркских языках инструментально-комитативные аффиксы, как предполагается, восходят к послелогу **birlen* ‘вместе с’ (напр. шорский *-ба*, чувашский *-на(ла)*, караимский *-ба*, казахский *-мен*, чулымский *-б(ы)ла* [Боргояков 1976]). В современном турецком языке соответствующий показатель существует в двух видах: как послелог *-ile* и как падежный суффикс *-la/-le*, ср. *Elif ile* ‘с Элифом’ vs. *Elif-le* ‘<то же>’ [Lehmann 1982/2002: 28, 30].

С другой стороны, пред-/послелого могут развиваться в деривационные глагольные показатели путем переразложения сочетаний глаголов с предложными группами. Рассмотрим комитативно-инструментальный предлог *nda* и производные глаголы с суффиксом *-nda* в языке с о н г а и:

сонгаи < НИЛО-САХАРСКИЕ [Heath 1999: § 5.11.4; § 6.2.5]
 (3.22) ay n-a kar [nda gaabi] ПРЕДЛОГ
 1SG TR-3SG.OBJ ударить INS/COM сила
Я ударил его с силой.
 (3.23) a [koy-nda] agey hendi ra ГЛАГ. ПОК-ЛЪ
 3SG идти-INS/COM я.F там LOC
Он отвел меня туда [= Он пошел со мной туда].
 (3.24) ay goo-nda [aga] garow ГЛАГ. ПОК-ЛЪ
 1SG быть-INS/COM [3SGна] кредит
*Он должен мне (денег) [= У меня на него есть кредит, букв.
 Я с кредитом на нем].*

¹⁴ Подробнее о грамматикализации см., например [Lehmann 1982/2002; Heine et al. 1991; Norper, Traugott 1993].

Здесь в примере (3.22) служебное слово *nda* выступает в своей первичной функции инструментально-комитативного предлога. В (3.23) *nda* располагается контактно со своим местоименным аргументом *agey* ‘я (жен.)’, но “фонологически сливается с глаголом”. Наконец, в (3.24) *nda* непосредственно следует за глаголом, несмотря на разрыв с зависимой ИГ *garow* ‘кредит’, от которой его отделяет послеложная группа. Как сообщает Дж. Хит, *-nda* в функции глагольного суффикса образует переходные глаголы; так, из глаголов бытия образуются глаголы со значением обладания (*goo* ‘быть’ – *gonda* ‘иметь’), из глаголов движения – каузативные глаголы перемещения (*kaa* ‘приходить’ – *kanda* ‘приносить’) [Heath 1999: §6.2.5].

3.3. Синтаксические функции элементов комитативных конструкций

3.3.1. Синтаксическая функция центральной ИГ. В языках, для которых релевантно понятие подлежащего, в большинстве употреблений собственно комитативных конструкций центральная ИГ является именно подлежащим, т. е. занимает наиболее привилегированную синтаксическую позицию. Поэтому существенным параметром для различения типов КК становится наличие и характер ограничений на другие, неподлежащие позиции ЦИГ. Эти ограничения существенным образом коррелируют с локусом маркирования комитатива.

В случае сериализации ЦИГ и периферийная ИГ исходно являются главными актантами дополнительного предиката ‘сопровождать/иметь/держать/брать/следовать’. При вершинном маркировании комитатива для центральной ИГ также допустима только позиция подлежащего.

При зависимостном маркировании комитативная конструкция менее жестко связана с предикатом. Поскольку маркер комитатива находится в периферийной ИГ, ее зависимость от предиката никак явным образом не указывается. С одной стороны, возникают такие употребления комитативных показателей, когда предикат-хозяин ЦИГ не является синтаксическим хозяином периферийной ИГ (определятельные и сочинительные формально комитативные конструкции; см. ч. II). С другой стороны, периферийная ИГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию – косвенного дополнения, – и поэтому теоретически может быть соотнесена с ЦИГ в любой более высокой позиции, т. е. не только с подлежащим, но и с прямым и с непрямым дополнениями.

3.3.2. Синтаксическая функция комитативной группы. В конструкциях с дополнительной предикацией позиция периферийной ИГ фиксирована: это (прямое) дополнение комитативного маркера-предиката.

В КК с зависимостным маркированием КГ занимает наименее престижную синтаксическую позицию – косвенного дополнения. Возникает вопрос, является ли КГ семантическим актантом или сирконстантом (обстоятельством) вершинного предиката. С одной стороны, КГ полностью факультативна, т. е. не присутствует в модели управления предиката, и должна быть отнесена к сирконстантам. С другой стороны, семантическая роль соответствующего участника (Спутника) совпадает с ролью одного из ядерных актантов.

Еще более остро этот вопрос встает в отношении КК с вершинным маркированием. Вершинные показатели комитатива маркируют добавление **обязательной** синтаксической валентности на прямое (3.25) или непрямое (3.26)–(3.27) дополнение:

номадигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ [Wise 1990: 95]

(3.25) i-pi-**ak**-ak-a-ri
3М-превращаться-COM/CAUS-PF-NONFUT.REFL-3М
Он исчез (вместе) с ним.

абхазский < АБХАЗО-АДЫГСКИЕ < СЕВЕРНО-КАВКАЗСКИЕ [Шакрыл 1961]

(3.26) ажэ с-**а**-ц¹**ы**-∅-н
корова 1SG.NOM-3SG.N.DAT-COM-быть-PST
Я пас корову [= я был с коровой].

(3.27) с-**и**-ц¹**ы**-∅-н
1SG.NOM-3SG.M.DAT-COM-быть-PST
Я был с ним.

Таким образом, периферийная ИГ в комитативных конструкциях разных типов может иметь различный синтаксический статус – прямого, непрямого или косвенного дополнения. В первом случае комитативный показатель является одним из средств образования переходных глаголов (транзитивизатором) и часто имеет также каузативную функцию. При этом наиболее близка к комитативу особая разновидность каузатива, которую М. Сибатани и П. Пардешти называют “социативным каузативом” [Shibatani, Pardeshi 2002]. Эта разновидность занимает промежуточное положение между прямой и непрямой каузацией и характеризуется тем, что каузатор сам принимает участие в ситуации, которую он каузирует:

номацигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ [Wise 1990: 95]
 (3.28) i-monti-**ag**-an-ë-ri КАУЗАЦИЯ + КОМИТАТИВ
 3М-переходить.реку-COM/CAUS-ABL-NONFUT-3М
Он помог ему перейти реку.

мачигенга < МАЙПУРСКИЕ < АРАВАКСКИЕ [Wise 1990: 95]
 (3.29) no-pantki-t-**ag**-ak-e-ri КАУЗАЦИЯ/КОМИТАТИВ
 1-сажать-EP-COM/CAUS-PF-NONFUT-3М
Я заставил его сажать (что-то),/Я сажал (что-то) (вместе) с ним.

варгамай < ПАМА-НЬЮНГА [Dixon 1981: 78]
 (3.30) ɲaɖa ɖaɖa bana-**ma**-gu КАУЗАЦИЯ + КОМИТАТИВ
 1SG.ERG ребенок возвращаться-COM/CAUS-PURP
Я должен отвести ребенка домой.

(3.31) wiŋɖi-ŋgu ɲaɲa bi:ɬa-**ma**-u КАУЗАЦИЯ
 змея-ERG 1SG бояться-COM/CAUS-UNMKD
Змея напугала меня.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

В тексте: ИГ именная группа; КГ комитативная группа; КК комитативная конструкция; ПИГ периферийная именная группа; ЦИГ центральная именная группа; ЭУ элементарный участник.

В глоссах: 1 первое лицо; 2 второе лицо; 3 третье лицо; А агенс; ACC аккузатив; AFF аффектив; AOR аорист; ASP аспектуальный показатель; ATTR атрибутив; AUX вспомогательный глагол; CAUS каузатив; COM комитатив; COMPL комплетив; COND условие; CONV конверб; DAT датив; DIM диминутив; DECL изъявительное наклонение; DEM указательное местоимение; DET детерминант; EL элатив; EP эпентетический элемент; ERG эргатив; F женский род (класс); FUT будущее время; GEN генитив; IMP императив; INFR инферентив; INS инструменталис; INTER локализация ‘между’; INTR непреходный глагол; LA присоединительная частица; LAT латив; LOC локатив; M мужской род (класс); N средний род (класс); NEG отрицание; NOM номинатив; NONFUT небудущее время; OBJ прямой дополнение; OBL косвенная основа; P пациенс; PART причастие; PF перфектив; PL множественное число; POSS поссесивность; PRS настоящее время; PST прошедшее время; PURP целевое наклонение; REC реципрок; REFL рефлексив; REL относительный показатель; SG единственное число; SOC ассоциатив; SS односубъектная форма (same subject); SUBJ подлежащее; TOP топик; TR транзитивизатор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
 Архипов 2002 – А.В. *Архипов*. Об одном определении комитатива // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января – 6 февраля 2002 г. М., 2002.

- Архипов 2004 – *А.В. Архипов*. Языки 'AND' и языки 'WITH': сколько делений бывает на бинарной шкале? // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тез. докл. (Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г.). СПб., 2004.
- Белашапкина 1977 – *В.А. Белашапкина*. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Боргояков 1976 – *М.И. Боргояков*. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976.
- Виноградов 1947 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Володин 1976 – *А.П. Володин*. Способы выражения комитативности в ительменском языке // Э.Г. Беккер (ред.) Языки и топонимия. Вып. 1. Томск, 1976.
- Даниэль 2000 – *М.А. Даниэль*. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Джонсон 1977/1982 – *Д.Э. Джонсон*. О реляционных ограничениях на грамматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. – [*D.E. Johnson*. On relational constraints on grammars // *Syntax and semantics*. V. 8. Grammatical relations. New York, 1977].
- Зализняк, Шмелев 1999 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. О том, чего нельзя сделать вместе // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Кибрик 1992 – *А.Е. Кибрик*. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.
- Кибрик 1997/2003 – *А.Е. Кибрик*. Реляционная структура элементарного предложения // А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003. – [*A.E. Kibrik*. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic typology*. V. 1. № 3. 1997].
- Кибрик 2000/2003 – *А.Е. Кибрик*. К проблеме ядерных актантов и их "неканонического кодирования": свидетельства арчинского языка // *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003. – [*A.E. Kibrik*. К проблеме ядерных актантов и их "неканонического кодирования": свидетельства арчинского языка // *ВЯ*. 2000. № 5].
- Кибрик (ред.) 2001 – *А.Е. Кибрик*. Багвалинский язык: грамматика, тексты, словарь. М., 2001.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кинэн 1976/1982 – *Э.Л. Кинэн*. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. – [*E.L. Keenan*. Towards a universal definition of "subject" // *Ch. Li* (ed.). Subject and topic. New York, 1976].
- Коваль, Нялибули 1997 – *А.И. Коваль, Б.А. Нялибули*. Глагол фула в типологическом освещении. М., 1997.
- ЛЭС 1990 – *В.Н. Ярцева* (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Майгинская 1979 – *К.Е. Майгинская*. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979.
- Мельчук 1974 – *И.А. Мельчук*. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \Leftrightarrow Текст". М., 1974.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998.
- Никольс 1985 – *Дж. Никольс*. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Смолина 2004 – *М.Ю. Смолина*. Комитатив/инструментальный падеж в старокрымском диалекте урумского языка // Первая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тез. докл. (Санкт-Петербург, 24–25 сентября 2004 г.). СПб., 2004.
- Табулова 1976 – *Н.Т. Табулова*. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск, 1976.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Харитонов 1982 – *Л.Н. Харитонов*. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982.
- Хорнби 1982 – *А.С. Хорнби*. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР. Т. 1. М.; Оксфорд, 1982.
- Шакрыл 1961 – *К.С. Шакрыл*. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961.
- Anderson 1994 – *J.M. Anderson*. Case // *The Encyclopedia of language and linguistics*. V. 2. Oxford; New York; Seoul; Tokyo, 1994.
- Asher 1985 – *R.E. Asher*. Tamil. London, 1985.
- Bisang 1995 – *W. Bisang*. Verb serialization and converb-differences and similarities // *M. Haspelmath, E. König* (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin, 1995.
- Comrie 1981 – *B. Comrie*. Language universals and linguistic typology. Oxford, 1981.
- Cole 1985 – *P. Cole*. Imbabura Quechua. London, 1985.
- Dauzat et al. 1981 – *A. Dauzat et al.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris, 1981.

- Dixon 1981 – *R.M.W. Dixon*. Wargamay // *R.M.W. Dixon, B.J. Blake* (eds.). *Handbook of Australian languages*. V. 2. Canberra, 1981.
- Durie 1987 – *M. Durie*. Grammatical relations in Acehnese // *Studies in language*. V. 11. 1987.
- Evans 1997 – *N. Evans*. Role or cast? Noun incorporation and complex predicates in Mayali // *A. Alsiina, J. Bresnan, P. Sells* (eds.). *Complex predicates*. Stanford, 1997.
- Fortescue 1984 – *M. Fortescue*. *West Greenlandic*. London, 1984.
- Gil 1994 – *D. Gil*. The structure of Riau Indonesian // *Nordic journal of linguistics*. V. 17. 1994.
- Gil 1999 – *D. Gil*. Riau Indonesian as a pivotless language // *Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец* (ред.). *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика*. М., 1999.
- Haspelmath 1995 – *M. Haspelmath*. The converb as a cross-linguistically valid category // *M. Haspelmath, E. König* (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin, 1995.
- Heath 1999 – *J. Heath*. *A Grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni: The Songhay of Gao, Mali*. Köln, 1999.
- Heine et al. 1991 – *B. Heine, U. Claudi, F. Hünemeyer*. *Grammaticalization. A conceptual framework*. Chicago; London, 1991.
- Hopper, Thompson 1980 – *P.J. Hopper, S.A. Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. V. 56. 1980.
- Hopper, Traugott 1993 – *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. *Grammaticalization*. Cambridge, 1993.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer*. *The middle voice*. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Kibrik (ed.) 1996 – *A.E. Kibrik* (ed.). *Godoberi*. München; Newcastle, 1996.
- Kuno 1987 – *S. Kuno*. *Functional syntax. Anaphora, discourse and empathy*. Chicago, 1987.
- Lehmann 1982/2002 – *C. Lehmann*. *Thoughts on grammaticalization*. Erfurt, 2002.
- Lehmann 1991 – *C. Lehmann*. Predicate classes and PARTICIPATION // *H. Seiler, W. Premper* (eds.). *PARTIZIPATION. Das sprachliche Erfassen von Sachverhalten*. Tübingen, 1991.
- Lehmann (unpublished) – *C. Lehmann*. *Cognitive roles, participant roles and syntactic relations*.
- Lehmann, Shin, unpublished – *C. Lehmann, Yong-Min Shin*. *The functional domain of concomitance: A typological study of instrumental and comitative relations*.
- Levinsohn 1976 – *S.H. Levinsohn*. *The Inga language*. Paris, 1976.
- Luo 1999 – *L.-P. Luo*. *Studien zu seriellen Verbkonstruktionen. Ihre Syntax und Semantik im Chinesischen*. Tübingen, 1999.
- Maisak 2000 – *T. Maisak*. *Typology of comitative: a summary*. Electronic document, 2000.
- Maslova 2003 – *E. Maslova*. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin; New York, 2003.
- Mithun 1988 – *M. Mithun*. The grammaticalization of coordination // *J. Haiman, S. A. Thompson* (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Mithun 1999 – *M. Mithun*. *The languages of native North America (Cambridge language surveys)*. Cambridge, 1999.
- Nichols 1986 – *J. Nichols*. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. V. 62. 1986.
- Osborne 1974 – *C.R. Osborne*. *The Tiwi language: grammar, myths and dictionary of the Tiwi language spoken on Melville and Bathurst Islands, Northern Australia*. Canberra, 1974.
- Schlesinger 1979 – *I.M. Schlesinger*. Cognitive structures and semantic deep structures: the case of the instrumental // *Journal of linguistics*. V. 15. № 2. 1979.
- Schlesinger 1989 – *I.M. Schlesinger*. Instruments as agents: on the nature of semantic relations // *Journal of linguistics*. V. 25. № 1. 1989.
- Schultze-Berndt, Himmelmann 2004 – *E. Schultze-Berndt, N.P. Himmelmann*. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective // *Linguistic typology*. V. 8. № 1. 2004.
- Schwartz 1991 – *L. Schwartz*. Category asymmetries in Hausa Asymmetric Coordination // *BLS*. V. 17: Special issue on African language structures, 1991.
- Shibatani, Pardeshi 2002 – *M. Shibatani, P. Pardeshi*. The causative continuum // *M. Shibatani* (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. (TSL, 48). Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Stassen 2000 – *L. Stassen*. AND-languages and WITH-languages // *Linguistic typology*. V. 4. № 1. 2000.
- Stassen 2001 – *L. Stassen*. Predicative possession // *M. Haspelmath et al.* (eds.). *Language typology and language universals: an international handbook*. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Stolz 1996a – *T. Stolz*. Komitativ-Typologie: MIT- und OHNE-Relationen im crosslinguistischen Überblick // *Papiere zur Linguistik*. Bd. 54. № 1. 1996.
- Stolz 1996b – *T. Stolz*. Some instruments are really good companions – some are not. On syncretism and the typology of instrumentals and comitatives // *Theoretical linguistics*. V. 23. № 1–2. 1996.
- Stolz 2001a – *T. Stolz*. Comitatives vs. instrumentals vs. agents // *W. Bisang* (ed.). *Aspects of typology and universals*. Berlin, 2001.
- Stolz 2001b – *T. Stolz*. To be with X is to have X: comitatives, instrumentals, locative, and predicative possession // *Linguistics*. Bd. 39. № 2. 2001.
- Wise 1990 – *M.R. Wise*. Valence-changing affixes in Maipuran Arawakan languages // *D.L. Payne* (ed.). *Amazonian linguistics: Studies in Lowland South American languages*. Austin, 1990.

© 2005 г. П.М. АРКАДЬЕВ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Статья посвящена функционально-семантическим противопоставлениям, реализующимся в двухпадежных системах – интереснейшем типе падежных систем, долгое время находившемся вне сферы интересов типологов. На основе сопоставления материала более полусотни языков различных семей и ареалов выделяются общие нетривиальные черты устройства двухпадежных систем, а также их основные типы, различающиеся по нескольким параметрам, таким как способ кодирования ядерных аргументов (номинативно-аккузативный, эргативный и др.) и распределение ядерных и периферийных функций между маркированным и немаркированным падежами. В рамках формализма Теории оптимальности также дается объяснение различной частотности тех или иных типов.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Данная статья посвящена семантическим параметрам межъязыкового варьирования, наблюдаемого в падежных системах с двумя граммемами¹. Систематическое изучение таких систем в языках мира находится на начальной стадии, и в этой работе излагаются лишь предварительные результаты их типологического исследования (более полное и подробное обсуждение этой проблематики см. [Аркадьев (рукопись)]). Тем не менее, уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что двухпадежные системы обладают рядом нетривиальных характеристик, не свойственных системам с большим числом элементов, ср. [Плунгян 2000: 162–163].

Двухпадежные системы представляют особый интерес для теории и типологии категории падежа потому, что такого рода минимальные системы, в которых универсальное пространство значений, выражаемых падежами в языках мира, членится наиболее простым и, как будет продемонстрировано ниже, далеко не произвольным образом, могут послужить своего рода образцом для изучения более сложных, дробных и гетерогенных падежных систем, варьирование которых происходит по значительно большему числу параметров. Исследование двухпадежных систем может показать, как при наличии минимальных средств язык кодирует различные значения и как эти значения группируются.

В настоящей статье рассматривается семантический аспект типологии двухпадежных систем, а именно то, какие значения из универсального набора падежных функций в них систематически выражаются и как эти значения распределяются между двумя падежными граммемами, имеющимися в том или ином из исследуемых языков. Помимо собственно описательной задачи (выявление основных типов двухпадежных систем и их распределения) здесь ставится и вопрос о возможных объяснениях того, почему двухпадежные системы в языках мира устроены именно таким образом.

В первом разделе статьи я коротко остановлюсь на основных теоретических предпосылках типологического исследования двухпадежных систем; во втором разделе будет

¹ Автор благодарит Д.С. Ганенкова, П.А. Зубкова, Л.И. Куликова, А.Б. Летучего, В.А. Плунгяна, С.С. Сая и Я.Г. Тестельца за ценные замечания, которые он постарался учесть при работе над текстом статьи.

охарактеризован материал исследования, в частности, используемая мною выборка языков; в третьем разделе будут более подробно рассмотрены некоторые двухпадежные системы и обрисованы их отличия от многопадежных; в четвертом разделе вводятся основные параметры классификации двухпадежных систем, показывается, как они реализуются в рассматриваемых языках, и предлагается (в рамках Теории оптимальности) объяснение наблюдаемому распределению типов.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Прежде чем переходить к обсуждению фактов, необходимо кратко остановиться на том, какую систему целесообразно называть двухпадежной и на основании каких критериев в конкретном языке можно постулировать такую систему. Опираясь на определения падежа, предложенные Б. Блейком [Blake 1994: 1] и И.А. Мельчуком [Мельчук 1998: 325], будем выделять в данном языке двухпадежную систему, если в нем есть грамматическая категория Г, удовлетворяющая нижеследующим условиям:

- (i) Г определена на именных группах (ИГ) и выражается в пределах ИГ;
- (ii) Г содержит две граммы;
- (iii) каждая из этих грамм может маркировать определенный тип синтаксической зависимости ИГ от ф и н и т н о г о сказуемого;
- (iv) если в данном языке есть еще одна грамматическая категория Г', удовлетворяющая условиям (i) и (iii), то либо для Г не выполняется условие (ii), либо Г более грамматикализована, чем Г' (например, показатели Г – аффиксы, а Г' – послелоги).

Здесь необходимо отметить, что хотя прототипически категория падежа выражается при помощи показателей, тесно связанных с основой (аффиксов), в том случае, когда таких аффиксов в языке нет, ничто не мешает считать показателями падежей, например, предлоги или послелоги. Таким образом, в данной работе как двухпадежные трактуются системы некоторых салишских языков, где представлена редкая ситуация, когда в языке имеется лишь один предлог, недифференцированно оформляющий все обстоятельственные роли (инструмент, место и др.).

Более сложная ситуация представлена в языках, где служебные слова могут оформлять “ядерные” семантико-синтаксические роли (традиционно называемые “подлежащим” и “прямым дополнением”, ср. ниже). Таковы, например, современные индоарийские языки, где выделяется многоярусная система показателей, которые в принципе можно было бы рассматривать как падежные (ср. обсуждение этого вопроса в [Зограф 1976: 81–117]). Здесь важна, с одной стороны, степень грамматикализованности послелогов, которые после определенного момента разумнее рассматривать уже как аффиксы, а с другой стороны, набор функций наиболее грамматикализованного внутреннего яруса “падежных” показателей: если они удовлетворяют критерию (iii), то их можно считать падежами, если же нет – то нельзя.

При описании падежных систем в языках мира необходимо оперировать некоторым заранее установленным универсальным набором падежных значений или семантико-синтаксических функций, которые способны выражать падежные граммы (см. подробнее [Andrews 1985; Blake 1994; Плунгян 2000: 161–167; Luraghi 2003: 17–48]). Для целей дальнейшего изложения достаточно следующего списка таких функций:

- **ядерные:** S (единственный аргумент непереходного предиката), A (Актор переходного предиката), U (Претерпевающий переходного предиката), U' (высоко индивидуализированный Претерпевающий)², Pred (именной предикат), Top (топик);

² О понятиях Актора и Претерпевающего см. [Foley, Van Valin 1984; Van Valin, Wilkins 1996; Dowty 1991; Кибрик 2003: гл. 10]; необходимость выделять функцию высоко индивидуализированного Претерпевающего подробно аргументируется в работах [Comrie 1979; Lazard 1984; Bosson 1985].

- **периферийные:** Adr (адресат), Goal (цель/конечная точка движения), Loc (место), Temp (время), Ins (инструмент), Mens (мера), Poss (поссessor).

Хочу сразу обратить внимание читателя на то, что в используемом мною наборе базовых падежных функций отсутствуют такие понятия, как “подлежащее”, “прямое дополнение” и т. п. Это объясняется тем, что данные термины обозначают не семантические, а синтаксические отношения, в универсальности и межъязыковой сопоставимости которых есть основания сомневаться, см. [Кибрик 2003: гл. 10; Foley, Van Valin 1984; Van Valin 1981; 1994; Croft 1991; Lazard 1994; Dryer 1997; Primus 1999]. Эти понятия, тем самым, непригодны в качестве *tertium comparationis*, на основании которого можно сопоставлять падежные системы разноструктурных языков.

Для более наглядного отображения наборов функций падежей в рассматриваемых языках я пользуюсь аппаратом семантических карт, см. [Haspelmath 2003; Татевосов 2002: 28–48], на которые наносятся все значения из рассматриваемой зоны и схематически изображаются семантические области, покрываемые каждым из падежей. Семантическая карта, используемая в данной работе, изображена на рис. 1.

Pred	A	Ins	Mens	Poss
S				
Top	U	U'	Adr	Goal
			Loc	Temp

Рис. 1. Семантическая карта для двухпадежных систем

Значения на карте расположены в соответствии с выявленными в типологии связями между разными функциями, заключающимися как в синхронной полисемии падежных показателей, так и в диахронических переходах между значениями (например, хорошо документированы связи между значениями Goal, Adr, U' и U, а также Ins и A). В дальнейшем значения, покрываемые в данном языке прямым падежом, будут выделяться на карте сплошной линией, а значения, покрываемые косвенным падежом, – пунктирной линией; значения же, которые в данном языке выражаются иными средствами (например, при помощи предлогов или послелогов), никак специально не отмечаются.

Необходимо также сказать несколько слов о названиях падежей в двухпадежных системах. При анализе многопадежных систем вопрос о названии того или иного падежа, как правило, решается без особых проблем; определения основных терминов в этой области см. в работах [Мельчук 1998: 334–338; Blake 1994: Ch. 5; Плунгян 2000: 167–172]. Не так обстоит дело в двухпадежных системах, где каждая из падежных граммем выражает, как правило, функции сразу нескольких падежей многопадежной системы, а выделить какое-либо значение в качестве “центрального” чаще всего не представляется возможным, тем более что в разных языках членение множества потенциальных падежных значений на две части, покрываемые каждым из двух падежей, осуществляется существенно различными способами. Во избежание терминологического разнобоя и навязывания исследуемым языкам каких-либо априорных ярлыков, я (следуя, в частности, отечественной иранистической традиции) называю элементы двухпадежных систем “прямым” (Dir)³ и “косвенным” (Obl) падежами, не вкладывая в эти термины никакого специального синтаксического или морфологического содержания, ср. [Nichols 1983]. Критерий для наименования одного из падежей “прямым”, а другого “косвенным” таков: “прямым” называется падеж, используемый при изолированном употреблении имени, т. е. в назывной (номинативной) функции, ср. [Sasse 1984: 112]. Как правило, та-

³ В статье употребляются следующие сокращения (помимо тех, что эксплицитно вводятся в основном тексте): Cop – связка, Def – определенный артикль, Imp – императив, Indef – неопределенный артикль, Inf – инфинитив, Pl – множественное число, Q – вопросительная частица, Real – реалис, Rel – релятивизатор, Sg – единственное число, Temp – нефинитная форма глагола с темпоральным значением.

кой падеж является также и немаркированной (как в формальном, так и в функциональном плане, см. [Greenberg 1966]) формой имени, хотя конкретные проявления этой немаркированности могут быть различными.

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Двухпадежные системы обнаруживаются в языках практически всех континентов, однако их распределение нельзя считать равномерным. Скорее такие системы являются чертой некоторых компактных языковых ареалов и сравнительно небольших генетических групп языков (с очевидной поправкой на то, что в ходе исторического развития двухпадежная система может либо пополняться за счет вновь грамматикализованных падежей, либо исчезать; тем самым, практически ни про одну из языковых семей или групп нельзя сказать, что все входящие в нее языки имеют двухпадежные системы).

Так, в рамках индоевропейской семьи наиболее богата двухпадежными системами индоиранская группа; также двухпадежные системы рудиментарно представлены в Европе (в современных языках: английском, румынском и литературном болгарском, в ряде диалектов континентальной Скандинавии; в средневековых романских языках – старофранцузском и старопровансальском). Двухпадежные системы распространены и в Африке к северу от экватора, где они встречаются в берберских, кушитских, эфиосемитских (входящих в афразийскую макросемью) и нилотских языках. В Новом Свете двухпадежные системы надежно засвидетельствованы в салишских и юто-ацтекских языках. Что касается Тихоокеанского региона, то там двухпадежные системы встречаются лишь sporadически (правда, в моем распоряжении оказались данные лишь очень небольшого числа языков): это австронезийский язык ниас на островах у побережья Суматры, язык йимас на Новой Гвинее и язык маунг в северной Австралии. Всего был обработан материал около семидесяти языков.

Для того, чтобы получить более объективное представление о типологических тенденциях в языках с двухпадежными системами, из имеющегося множества языков была составлена выборка, в которую было включено по одному языку из каждого ареала, где были обнаружены двухпадежные системы, независимо от количества таких языков в ареале. Кроме того, языковые семьи и группы были разделены так, чтобы свести к минимуму вероятность попадания в выборку языков, двухпадежные системы которых развивались не независимо друг от друга. Таким образом, в выборку вошли следующие десять языков⁴:

1. Индоевропейская семья
 - 1.1. Европейские языки: старофранцузский (романская группа) [Foulet 1970; Moignet 1976];
 - 1.2. Индоиранские языки: кати (нуристанская подгруппа) [Грюнберг 1980];
2. Языки Африки
 - 2.1. Берберские языки: кабийский [Chaker 1983];
 - 2.2. Семитские языки: амхарский (эфиосемитская группа) [Титов 1991];
 - 2.3. Суданские языки: нанди (нилотская семья) [Creider C., Creider J. 1989];
3. Языки Америки
 - 3.1. Салишские языки: скомиш [Kuipers 1967];
 - 3.2. Юто-ацтекские языки: яки [Lindenfeld 1973];
4. Языки Океании
 - 4.1. ниас (австронезийская макросемья, малайско-полинезийская семья) [Brown 2001];
 - 4.2. йимас (семья Нижний Сепик, Новая Гвиния) [Foley 1991];
 - 4.3. маунг (генетическая принадлежность не определена, Австралия) [Capell, Hinch 1970].

В дальнейшем все статистические данные о распределении тех или иных характеристик двухпадежных систем даются по приведенной выборке.

⁴ При каждом языке указываются основные источники использованных данных.

3. ПРИМЕРЫ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Для того, чтобы с большей наглядностью показать, как устроены двухпадежные системы и чем они отличаются от многопадежных, в данном разделе даются краткие “очерки” двухпадежных систем в трех языках выборки: кати, нанди и яки. Хотя основное внимание будет уделяться функциям падежей, падежные системы этих языков будут охарактеризованы также и с формально-парадигматической точки зрения.

3.1. Кати. Как и в других индоиранских языках Памира и Гиндукуша, падежи в кати имеют много различных функций, относящихся как к ядерной, так и к периферийной зонам⁵. Перед тем, как перейти к значениям падежей, укажу на чрезвычайно интересное устройство именной парадигмы в этом языке [Грюнберг 1980: 175–176], ср. таблицу 1.

Таблица 1

Именная парадигма в кати

	‘источник’		‘девушка’	
	Sg	Pl	Sg	Pl
Dir	vuncev		juk	
Obl	vuncev-e	vuncev-o	juk-a	juk-o

Как легко заметить, числовое противопоставление в кати наблюдается только в косвенном падеже, нейтрализуясь в прямом; такой тип нейтрализации встречается чрезвычайно редко, однако он довольно широко распространен именно в индоиранских языках (о его диахронических истоках см. [Молчанова 1975: 220–222]).

Перейдем теперь к употреблению падежей. Важнейшей особенностью языка кати, которую он разделяет с большинством индоиранских языков, является наличие в нем двух типов так называемого “расщепленного” кодирования ядерных ролей (*split case-marking*, см. [Dixon 1979; DeLancey 1981; Tsunoda 1981; Lazard 1994: 223–228 и сл.]): оформление функции A зависит от вида/времени сказуемого, а оформление U – от одушевленности/определенности референта соответствующей ИГ (т. е. роли U и U’ маркируются по-разному). Модель “расщепленного” кодирования аргументов, наблюдаемая в кати, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Кодирование ядерных аргументов в кати

S	A	U	Стратегия	Обуславливающий фактор
Dir	Dir	Dir	нейтральная	наст. вр., неиндивидуализ. U
Dir	Dir	Obl	аккузативная	наст. вр., индивидуализ. U
Dir	Obl	Dir	эргативная	прош. вр.

Сразу следует отметить, что роли U и U’ нейтрализуются в прошедшем времени; это, по всей видимости, связано с тем, что в противном случае возникала бы крайне

⁵ Подробнее о двухпадежных системах в индоиранских языках см. [Аркадьев (в печати)].

нежелательная омонимия А и U⁶. Рассмотрим соответствующие примеры [Грюнберг 1980: 180, 148, 181]:

- (1) *šyol* *gvo*
 волк. Dir ушел
 ‘Волк (S) ушел’
- (2) *Banyī* *yeme* *ktyuw- a* *přeni*
 Баньи. Dir я. Obl чаша- Obl дает
 ‘Баньи (A) дает мне (эту) чашу (U)’
- (3) *vusut =* *por* *kl' oř* *kuli*
 весна = во. время сыр. Dir делают
 ‘Весной делают сыр (U)’
- (4) *kšulī* *pidīk'- a* *e* *guṇi* *pto*
 мудрая старуха- Obl Indef мяч дала
 ‘Мудрая старуха (A) дала (ему) мяч (U)’

В примере (2) представлена (номинативно-)аккузативная конструкция, в примере (3) – нейтральная, а в примере (4) – эргативная. Помимо приведенных “глобальных” стратегий оформления ядерных актантов, в кати есть также случаи “неканонического” маркирования ролей S и A (о типологии таких конструкций см. [Aikhenvald et al. (eds.) 2001]); например, в инфинитивной конструкции со значением долженствования обе эти роли оформлены косвенным падежом [Грюнберг 1980: 184, 257]:

- (5) *dalk' eř* *ye* *Ktīvi* *es-* *tuk=* *asi*
 завтра я. Obl Ктиви. Dir уйти- Inf = Cop.3Sg
 ‘Завтра я (S) должен уйти в Ктиви’
- (6) *ye* *davo* *yus-* *tuk =* *asi*
 я. Obl лекарство. Dir съесть- Inf = Cop.3Sg
 ‘Я (A) должен съесть лекарство (U)’

Помимо ядерных функций, как прямой, так и косвенный падежи в кати могут кодировать целый ряд периферийных ролей. Так, прямой падеж употребляется в функциях Goal и Loc, а также при некоторых предлогах [Грюнберг 1980: 180–181, 206]:

- (7) *ami* *širtař* *peti*
 он охота. Dir пошел
 ‘Он пошел на охоту (Goal)’
- (8) *vize =* *je* *Sangkok* *Juško* *nišenmiš*
 я. Dir = и Сангок. Dir Джушко. Dir живем
 ‘Мы с Сангоком живем в Джушко (Loc)’
- (9) *pi* *křum*
 на крыша. Dir
 ‘на крыше’

⁶ Ср. [Comrie 1978: 379 ff.; Кибрик 1992: 190–191], где такой способ оформления ядерных ролей эксплицитно отвергается как невозможный. Тем не менее, такая стратегия, которую я называю “квазинейтральной”, имеется во многих индоиранских языках с двухпадежными системами, см. подробнее [Payne 1980; Bosson 1985: 116–121; Аркадьев (в печати)].

Косвенный падеж может обозначать *Adr* и *Poss*, а также употребляется с послелогам [Грюнберг 1980: 151, 184, 181]:

- (10) *uze kuřy- e ano šenum*
 я.Dir собака- Obl мясо бросаю
 ‘Я бросаю собаке (*Adr*) мясо’
- (11) *Vutemer ye sebul asi*
 Вутемер.Dir я.Obl товарищ.Dir Соп.3Sg
 ‘Вутемер мой (*Poss*) товарищ’
- (12) *drigeři Azor- e juk- a = ta lađir sam’asi*
 длинный Азор- Obl дочь- Obl = к сват.DirPl он.послал
 ‘Он послал сватов к дочери Длинного Азора’

Семантическая карта двухпадежной системы кати представлена на рис. 2.

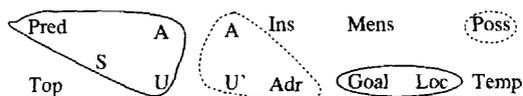

Рис. 2. Семантическая карта двухпадежной системы кати

Материал языка кати показывает, что двухпадежная система вовсе не обязана быть семантически “бедной”; хотя в кати имеется большое количество предлогов и послелогов, кодирующих разнообразные “тонкие” значения периферийной зоны, два падежа этого языка вовсе не ограничены ядерными значениями, покрывая каждый довольно обширную область значений.

3.2. Нанди. Падежные и, в частности, двухпадежные системы языков Судана, Эфиопии и Кении представляют большой интерес как с формальной, так и с семантической точки зрения, см., например [Sasse 1984]. Одна из отличительных черт именной морфологии языков данного региона – выражение падежных противопоставлений при помощи тонов, а не аффиксов, см. [Bennett 1974]. Ср. парадигмы в таблице 3 [Creider C., Creider J. 1989: 57].

Таблица 3

Именные парадигмы в нанди

	‘змея’	‘дорога’
Dir	<i>inta:rá</i>	<i>ó:r</i>
Obl	<i>íntá:ra</i>	<i>ò:r</i>

Как видно, сегментный состав форм прямого и косвенного падежей тождествен, в то время как тональный контур у них различен. Существительные в нилотских языках группируются в так называемые “тоновые классы”, совершенно аналогичные типам склонения в индоевропейских языках.

Что касается функций падежей, то нанди, подобно другим языкам этого ареала, проявляет чрезвычайно интересную черту, которая в особенности характерна для падежных систем языков Африки (см. подробный обзор в неопубликованной работе [Köpnig 2004]), хотя отмечается и на других континентах – а именно, “гиперроль” S/A⁷ (“подле-

⁷ Согласно сложившейся традиции, будут использоваться обозначения S/A для “номинативного” аргумента в (номинативно-)аккузативных языках и S/U – для “абсолютивного” аргумента в эргативных языках.

жащее”), которая, как правило, в языках мира выражается с помощью немаркированной (формально и/или функционально) формы имени, здесь оформляется косвенным падежом. Ср. следующие примеры [Creider С., Creider J. 1989: 121–124]:

- (13) *rúey cé:pyó:sé:t*
спит женщина.Obl
'Женщина (S) спит'
- (14) *ki:ka:cì kipe:t la:kwé:t ce:kà*
дал Кибет.Obl ребенок.Dir молоко.Dir
'Кибет (A) дал ребенку (Adr) молока (U)'

В функции цитации в нанди употребляется не падеж “подлежащего” (Obl), как в “привычных” языках, а Dir – падеж, выражающий, помимо U, также и целый ряд других функций, в частности, Pred и Top (что дополнительно свидетельствует о его немаркированном статусе, ср. [Sasse 1984: 112]), см. нижеследующие примеры [Creider С., Creider J. 1989: 121, 125]:

- (15) *kipe:t ná:nti:ntèt*
Кибет.Obl нанди.Dir
'Кибет – (представитель народа) нанди (Pred)'
- (16) *kipe:t kó kè:réy la:kwé:t*
Кибет.Dir Top смотрит ребенок.Dir
'Что касается Кибета (Top), то он смотрит на ребенка'

Прямой падеж выступает также в функциях Adr – см. пример (14), Goal и Loc [Creider С., Creider J. 1989: 123]:

- (17) *wè:nti: cé:pyó:sé:t oltôret*
идет женщина.Obl Элдорет.Dir
'Женщина идет в Элдорет (Goal)'
- (18) *mì:téy kipro:no kitâ:li*
находится Кипроно.Obl Китале.Dir
'Кипроно находится в Китале (Loc)'

Семантическая карта падежной системы языка нанди изображена на рис. 3.

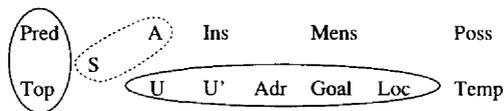

Рис. 3. Семантическая карта двухпадежной системы нанди

Карта хорошо показывает, что Obl в этом языке является маркированным падежом не только с формальной, но и с функциональной точки зрения (о критериях маркированности см. [Greenberg 1966: Ch. 3; Croft 1990: Ch. 4; Givon 1995: Ch. 2; Мельчук 1998: 17–18]): Obl, в отличие от Dir, имеет ограниченный набор функций и, судя по всему, существенно реже встречается в текстах. “Аномальность” падежных систем такого типа проявляется в нетривиальном распределении функций между маркированным и немаркированным падежами (см. об этом ниже).

3.3. Яки. Из всех рассмотренных в этом разделе языков яки, пожалуй, наименее “экзотичен”. Морфологически двухпадежная система в этом языке устроена просто: Dir выражается нулевым аффиксом, Obl – суффиксом *-ta* (формы личных местоимений, что неудивительно, нерегулярны). При этом во множественном числе падежное проти-

Именное склонение в яки

	Sg	Pl
Dir	<i>misi</i>	
Obl	<i>misi-ta</i>	<i>misi-m</i>

Ядерные функции распределены между падежами по номинативно-аккузативной модели: прямой падеж выражает функции S и A, косвенный – U и U' [Lindenfeld 1973: 11, 54]:

- (19) *itom čuuʔu bet kari = po yeewe*
 наша собака.Dir их дом = Loc играет
 'Наша собака (S) играет в их доме'
- (20) *inepo et misi- ta biča- k*
 я.Dir ваша кошка- Obl видеть- Real
 'Я (A) видел вашу кошку (U)'

Прямой падеж употребляется также в функции именного предиката [Lindenfeld 1973: 13]:

- (21) *haisa hunu hamut hiaki*
 Q эта женщина.Dir Яки.Dir
 'Эта женщина – (представитель народа) яки?'

Косвенный падеж маркирует периферийные функции Adr и Poss и употребляется при послелогах⁸ [Lindenfeld 1973: 17, 56]:

- (22) *hu- me misi- m nee maka*
 этот- Pl кошка- Pl я.Obl дай
 'Дай мне (Adr) этих кошек'
- (23) *in ačai- ta čonim tosali*
 мой отец- Obl волосы седой
 'Волосы моего отца (Poss) седые'

В яки, как и во многих других языках, наблюдаются случаи "расщепленного" кодирования ядерных ролей. Например, то, что было сказано выше об оформлении ролей S и A прямым падежом, касается только независимых предложений; в придаточных же эти функции кодируются при помощи Obl, ср. следующие примеры [Lindenfeld 1973: 65, 81, 103], где представлены определительные и адвербиальные клаузы, а также сентенциальные дополнения:

- (24) *hu kari [in ačai- ta hinuk- aʔu] weček*
 Def дом.Dir мой отец- Obl купил- Rel упал
 'Дом, который купил мой отец (A), разрушился'
- (25) *[hu- ka oʔoo- ta yepsak- o] itepo sahak*
 Def- Obl человек- Obl пришел- Temp мы.Dir ушли
 'Когда этот человек (S) пришел, мы ушли'

⁸ Как видно из примера (19), с некоторыми послелогами выступает и прямой падеж.

(26) *na= a biča ke [hu- ka usi- ta ėuʔu- ta kipwe- ʔu]*
 я.Диг= это вижу что этот- Obl ребенок- Obl собака- Obl имеет- Rel
 ‘Я вижу, что у этого ребенка (А) есть собака (U)’

Такое оформление “субъекта” придаточного предложения объясняется тем, что нефинитные глагольные формы юто-ацтекских языков являются (по крайней мере, исторически) отглагольными именами, требующими постановки S/A-аргумента в атрибутивную форму, т.е. в косвенный падеж. Подтверждением этого является тот факт, что в таких конструкциях роли S и A могут выражаться также и особой атрибутивной формой личного местоимения, ср. следующий пример [Lindenfeld 1973: 72]:

(27) *ini- ka bači- ta [em hinuk- aʔu] nee maka*
 Def- Obl зерно- Obl твой купил- Rel я.Obl дать.Imp
 ‘Дай мне зерно, которое ты (А) купил’

Такого рода маркирование ролей S и A в придаточных предложениях с именной формой глагола довольно часто встречается в языках мира, ср. [Keenan 1985: 160–161; Lehmann 1988: 195–200]; ситуация в яки интересна в первую очередь тем, что здесь возникает нейтральная стратегия кодирования актантов. Это объясняется тем, что в этом языке имеется лишь два падежа, что существенно ограничивает возможности выражения семантико-синтаксических отношений.

На рис. 4 изображена семантическая карта двухпадежной системы яки (“расщепленное” кодирование ролей не учитывается).

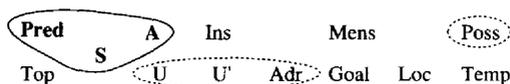

Рис. 4. Семантическая карта двухпадежной системы яки

Заключая данный раздел, следует подчеркнуть, что при том, что основные нетривиальные явления, наблюдаемые в языках с двухпадежными системами (“расщепленное” кодирование ядерных ролей, маркированное выражение “номинативного” аргумента и т.п.), можно встретить и в языках с более “богатými” падежными системами, способ реализации этих явлений в рассматриваемых языках напрямую связан с тем, что они располагают именно двухпадежной системой. Это наглядно проявляется, например, в том, что в языке яки, как только что было продемонстрировано, в зависимых клаузах ядерные роли кодируются по нейтральной модели: этого бы не было, если бы яки обладал отдельными показателями для функций U и Poss. Тем самым, наличие в языке двухпадежной системы может иметь важные последствия для его грамматического строя в целом.

4. ТИПОЛОГИЯ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ

Основная цель последующего изложения – построить классификацию важнейших типов двухпадежных систем на основании того, какие значения выражаются в них одинаково, а какие раздельно, и предложить возможные объяснения того, почему рассмотренные языки показывают именно такие тенденции в организации падежных систем.

Приняв за основу семантическую карту на рис. 1, можно выделить два основных параметра, по которым могут отличаться друг от друга двухпадежные системы:

- “падежная область” – набор значений, которые в данном языке могут выражаться при помощи падежей;
- способ членения “падежной области” между двумя падежами.

По обоим параметрам двухпадежные системы различаются довольно сильно. Минимальной возможной областью покрытия является, по-видимому, множество ядер-

ных функций⁹. Такая “узкая” система представлена в амхарском языке [Титов 1991], см. семантическую карту на рис. 5.

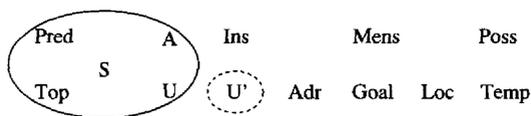

Рис. 5. Семантическая карта двухпадежной системы амхарского языка

Языка, который выражал бы при помощи падежей все основные функции, по-видимому, нет. Ближе всего к этому идеалу “широкой” двухпадежной системы находятся старофранцузский и ряд индоиранских языков; ср. семантическую карту для старофранцузского языка [Moignet 1976] на рис. 6.

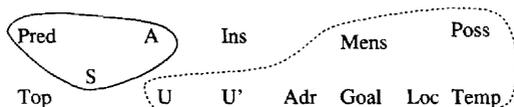

Рис. 6. Семантическая карта двухпадежной системы старофранцузского языка

В таблице 5 приводятся данные о покрытии рассматриваемых значений в языках выборки (функции Pred и Top, всегда выражающиеся при помощи прямого падежа, опускаются по соображениям экономии места; не принимается в расчет расщепленное кодирование ролей, кроме A в зависимости от времени/вида сказуемого).

Таблица 5

Выражение падежных функций в языках выборки

Язык	S	A	U	U'	Adr	Goal	Loc	Temp	Ins	Mens	Poss	Всего
стфр	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl	Obl	Obl		Obl	Obl	10
кати	Dir	D/O	Dir	Obl	Obl	Dir	Dir				Obl	8
амх	Dir	Dir	Dir	Obl								4
берб	Obl	Obl	Dir	Dir							Obl	5
нанди	Obl	Obl	Dir	Dir	Dir	Dir	Dir					7
ском	Dir	Dir	Dir	Dir		Obl	Obl		Obl			7
яки	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl						Obl	6
ниас	Obl	D/O	Obl	Obl			Dir	Dir	Dir		Obl	8
йимас	Dir	Dir	Dir	Dir	Dir	Obl	Obl	Obl	Obl			9
маунг	Dir	Dir			Obl						D/O	4
Dir	7	8	6	4	2	2	3	1	1	0	1	
Obl	3	4	3	5	4	3	3	2	2	1	6	
Всего	10	10	9	9	6	5	6	3	3	1	6	

Таблица 5 показывает несколько интересных тенденций. Во-первых, нормой для двухпадежных систем является довольно богатый набор функций: языков, падежи

⁹ Исключение составляет язык маунг, где падежное противопоставление есть только у независимых личных местоимений, а роль U' всегда выражается при помощи местоименных показателей глагола.

которых кодируют семь и более функций (исключая Top и Pred), больше (6 из 10), чем языков, кодирующих шесть и менее функций (4 из 10). Во-вторых, нельзя не отметить того факта, что в значительном числе языков область покрытия охватывает непрерывный фрагмент карты, простирающийся от ядерных ролей до ролей Adr и Goal. Системы, где, как, например, в ниас, эти значения выражаются при помощи служебных слов, при том, что роли Loc, Ins и т.п. оформляются падежами, скорее редки. В-третьих, закономерно довольно высокая частотность роли Poss в “падежной области”; в тех языках выборки, где данная функция не входит в зону покрытия падежей, оформление именных словосочетаний следует вершинной, а не зависимостной стратегии [Nichols 1986]¹⁰.

Перейдем теперь ко второму параметру типологии двухпадежных систем: характеру распределения функций между падежами. Данные, представленные в таблице 5, позволяют выделить два основных типа двухпадежных систем:

- (i) “разграничивающие” системы: те, в которых оба падежа покрывают относительно непрерывную область значений, причем один из падежей берет на себя все или часть ядерных ролей, а другой – остальные значения; прототипические системы такого рода имеются в старофранцузском и в йимас;
- (ii) “распределяющие” системы: те, в которых каждый падеж покрывает как часть ядерных, так и часть периферийных ролей; ярким представителем этого типа является падежная система языка кати.

Указанные типы двухпадежных систем встречаются с различной частотой: значительная часть языков выборки стремится скорее к разграничивающему типу (старофранцузский, амхарский, берберский, нанди, скомиш, яки, йимас), в то время как распределяющий тип в чистом виде представлен лишь в языке кати и до некоторой степени в ниас. Язык маунг представляет собою скорее промежуточный случай. Объяснение того, почему разграничивающие двухпадежные системы значительно более распространены, нежели распределяющие, по-видимому, заключается в том, что в разграничивающих системах функции, кодируемые каждым из падежей, образуют естественные или близкие к таковым классы (например, все ядерные роли vs. периферийные роли, или роли S, A и Pred vs. остальные роли)¹¹.

Рассмотрим семантические карты некоторых языков разграничивающего типа, представленные на рис. 7–11.

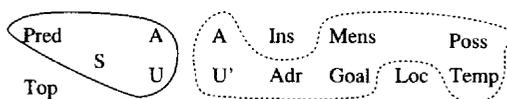

Рис. 7. Семантическая карта двухпадежной системы курдского диалекта мукри [McKenzie 1961]

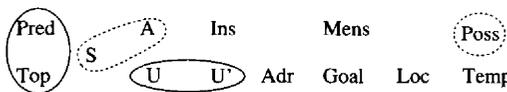

Рис. 8. Семантическая карта двухпадежной системы кабийского языка

¹⁰ Возможны также посессивные предлоги (как в нилотских языках) или послелоги (как в индоарийских).

¹¹ О возможных диахронических объяснениях феномена распределяющих систем см. [Аркадьев (в печати)].

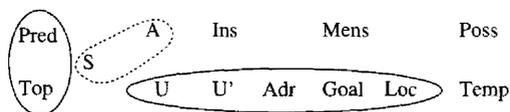

Рис. 9. Семантическая карта двухпадежной системы в нанди (=рис. 3)

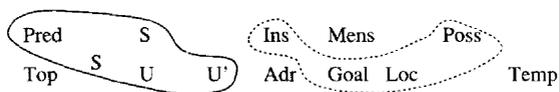

Рис. 10. Семантическая карта двухпадежной системы в скоиш

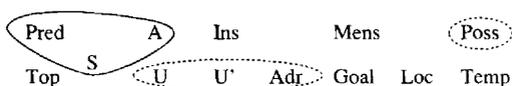

Рис. 11. Семантическая карта двухпадежной системы в яки (=рис. 4)

Как можно заметить, во всех этих языках один из падежей оформляет почти исключительно ядерные роли, а другой – либо только периферийные, либо периферийные и часть ядерных. В языках, где базовой стратегией оформления ядерных ролей является нейтральная, все ядерные роли кодируются одним падежом, и этот падеж – всегда Dir. Сложнее обстоит дело в языках, где доминирует аккузативная стратегия; они распадаются на три класса:

- (i) языки, где роль S/A оформляется прямым падежом, а остальные – косвенным (старофранцузский, яки);
- (ii) языки, где роль S/A оформляется косвенным падежом, а остальные прямым (нилотские);
- (iii) языки, где роли U, U', Pred и Top оформляются прямым падежом, а остальные роли, в том числе S/A, – косвенным (берберские).

Логически возможен, но не засвидетельствован еще один тип:

- (iv) роли U и U' оформляются косвенным падежом, а все остальные роли (включая периферийные) – прямым.

Я буду называть системы, где роль S/A оформляется прямым падежом, н о р м а л ь н ы м и, а те, где она выражается косвенным падежом, – а н о м а л ь н ы м и; также системы, где периферийные роли кодируются так же, как роль U, будут называться г а р м о н и ч е с к и м и, а системы, где периферийные роли маркируются, как роль S/A, – д и с г а р м о н и ч е с к и м и. Данные типы и языки, где они отмечены, схематически изображены в таблице 6.

Таблица 6

Основные типы двухпадежных систем с доминантной аккузативной стратегией оформления ядерных ролей

Тип	S/A	U, U'	Периф.	Языки
нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	старофранцузский, яки
нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	–
аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	нанди
аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	кабийский

Почему из четырех теоретически возможных типов двухпадежных систем с доминантной аккузативной стратегией кодирования ядерных ролей реально зафиксированы лишь три¹², причем из них именно нормальный гармонический явно распространен гораздо шире, чем остальные? Как мне представляется, ответ на этот вопрос можно дать в рамках Теории оптимальности (ТО). Коротко остановлюсь на основных особенностях этой концепции.

Основная идея ТО (см. [Prince, Smolensky 1993; Legendre et al. 1993; Тестелец 2001: 651–654]; из выполненных в рамках ТО работ, посвященных падежному маркированию и близкой проблематике, укажу [Aissen 1999; 2003; Primus 1999; ms.]) заключается в том, что универсальные принципы и ограничения, регулирующие грамматику разных языков, допускают исключения. При этом для каждого конкретного языка существует определенное ранжирование релевантных для него ограничений. Языковые структуры, нарушающие ограничения с более высоким рангом, оказываются менее приемлемыми или вовсе неграмматичными по сравнению с теми, что нарушают более слабые ограничения. ТО можно применять и к типологическому материалу: предположив некоторое универсальное ранжирование ограничений, можно предсказать, что типы языковых структур, нарушающие ограничения с более высоким рангом или просто большее число ограничений, будут менее распространены, нежели более “оптимальные” типы. Важное достоинство идеологии ТО заключается в том, что она позволяет формализовать основополагающие принципы функционального подхода к языку, в частности, принцип противоречащих мотиваций (*competing motivations* [Haiman 1985: Ch. 6]; см. обсуждение связи между ТО и функционализмом в статьях [Haspelmath 1999; Aissen, Bresnan 2002]).

Опишу формализм ТО, который я буду использовать ниже. Потенциально возможные языковые структуры (“кандидаты”), которые подвергаются проверке на “оптимальность”, записываются в левом столбце таблицы. В верхней строке таблицы в сокращенном виде записываются ограничения, причем порядок записи отражает их ранжирование. На пересечении строк и столбцов ставятся следующие знаки: ✓, означающий, что данная языковая структура удовлетворяет данному ограничению, и *, означающий, что данная структура его нарушает; в тех случаях, когда нарушенное ограничение имеет высший ранг, используется знак *!. Оптимальные языковые структуры помечаются знаком ⚡, запрещенные – знаком *.

На материале языков с двухпадежными системами можно выделить следующие универсальные, но не жесткие ограничения на распределение значений между падежами:

- (i) PERIF→OBL: если в языке есть периферийные роли, кодируемые при помощи прямого падежа, то в нем есть периферийные роли, кодируемые при помощи косвенного падежа;
- (ii) PERIF≠S: если в языке есть периферийные роли, кодируемые так же, как роль S, то в нем есть периферийные роли, кодируемые отлично от роли S.

Как мне представляется, оба выявленных ограничения, действующие в подавляющем большинстве языков выборки, имеют четкую функциональную мотивацию, будучи связанными с универсальными иерархиями маркированности, например, с иерархиями падежей, предложенными Б. Блейком [Blake 1994: 157–162] и Б. Примус [Primus 1999: Ch. 2]. Большая в сравнении с ядерными ролями семантическая нагруженность периферийных ролей иконически отражается в большей морфологической сложности выражающих их показателей. С диахронической точки зрения, существуют пути грамматикализации, ведущие от периферийных ролей к ядерным, но не наоборот [Lehmann

¹² Нормальный дисгармонический тип не отмечен среди языков выборки, но на самом деле встречается; он представлен по крайней мере одним языком – современным персидским, где прямой падеж имеет, на первый взгляд, немало периферийных функций, а косвенный (энклитический показатель =*ra*) закреплен лишь за U', см. [Lazard 1957]: при этом употребление Dig в локативных и других периферийных функциях в персидском языке связано не с полисемией этого падежа, а с опущением предлога в тех случаях, когда его можно однозначно восстановить из контекста [Там же: 187]. Тем самым, фактически, персидский язык относится скорее к языкам с “узкой” падежной областью.

1995: 66–107; Норрег, Traugott 1993], что также приводит к меньшей формальной и функциональной маркированности последних.

Распределение четырех логически возможных типов двухпадежных систем с аккумулятивной стратегией оформления ядерных ролей можно объяснить в рамках ТО, рассмотрев взаимодействие этих типов с ограничениями PERIF→OBL и PERIF≠S, ср. таблицу 7. Ранжирование ограничений следующее:

$$(28) \text{PERIF} \neq \text{S} \geq \text{PERIF} \rightarrow \text{OBL}$$

В пользу именно такого ранжирования свидетельствует, например, тот факт, что языки, оформляющие функции S и A при помощи маркированного падежа, вообще (а не только среди языков с двумя падежами) встречаются существенно чаще, чем те, у которых функция S совмещается с большим числом периферийных функций¹³.

Таблица 7

ТО-оценка логически возможных типов двухпадежных систем с доминантной аккумулятивной стратегией оформления ядерных ролей

Тип	S/A	U, U'	Perif	PERIF ≠ S	PERIF → OBL
☐☐☐ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓
* нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	*!	*
☐☐☐ аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	✓	*
☐☐☐/* аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*!	✓

Как видно, наиболее частотный нормальный гармонический тип следует обоим закономерностям, оба зафиксированных аномальных типа нарушают одну из них при выполнении другой, а неотмеченный нормальный дисгармонический тип нарушает обе. Тем самым, чем менее оптимален тип падежной системы, тем реже он встречается.

Рассмотрим теперь действие ограничений PERIF→OBL и PERIF≠S в языках, где одна из основных стратегий кодирования ядерных аргументов – эргативная (т.е., ниас и индоиранские; здесь я позволю себе выйти за пределы выборки). Предсказания ТО можно увидеть в таблице 8.

Таблица 8

ТО-оценка логически возможных типов двухпадежных систем с эргативной стратегией оформления ядерных актантов

Тип	S/U	A	Perif	PERIF ≠ S	PERIF → OBL	ожидаемая частотность
☐☐☐ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓	высокая
* нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	*!	*	нет
☐☐☐ аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	✓	*	средняя
☐☐☐/* аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*!	✓	низкая

¹³ Тут следует напомнить, что в берберских языках, нарушающих ограничение PERIF≠S, основная масса периферийных функций оформляется предложениями; единственной периферийной функцией, кодируемой так же, как и S/A, косвенным падежом, является роль Poss. Тем самым, берберские языки нарушают данное ограничение, так сказать, лишь в небольшой степени.

Реальное распределение, однако, отличается от ожидаемого: большая часть языков, где в прошедших временах стратегия кодирования ролей эргативна, относятся, как и предсказано, к наиболее оптимальному нормальному гармоническому типу; к аномальному гармоническому типу можно с определенными натяжками отнести язык *ниас*; казалось бы, наименее “оптимальный” нормальный дисгармонический тип представлен двумя языками: среднеперсидским [Расторгуева 1966] и мунджанским [Грюнберг 1972], а аномальный дисгармонический тип вообще не отмечен. Объясняется подобное распределение, как мне кажется, следующими двумя факторами.

Во-первых, “аномальное” оформление ролей S/U (косвенным падежом) и A (прямым падежом) чрезвычайно нетипично (*ниас* является пока единственным естественным языком, где такое явление отмечено), и это дополнительное сильное ограничение (схематически обозначим его как *S/U→OBL) объясняет почти полное отсутствие языков аномальных типов¹⁴. Ранжирование ограничений, тем самым, таково:

$$(29) *S/U \rightarrow OBL \gg \text{PERIF} \neq S \gg \text{PERIF} \rightarrow OBL$$

Оценка типов двухпадежных систем с учетом этого ограничения представлена в таблице 9.

Таблица 9

ТО-оценка логически возможных типов двухпадежных систем с эргативной стратегией оформления ядерных актантов, с учетом запрета на маркирование функции S/U

Тип	S/U	A	Perif	*S/U → OBL	PERIF ≠ S	PERIF → OBL
☞ нормальный гармонический	Dir	Obl	Obl	✓	✓	✓
☞ нормальный дисгармонический	Dir	Obl	Dir	✓	*	*
* аномальный гармонический	Obl	Dir	Dir	*!	✓	*
* аномальный дисгармонический	Obl	Dir	Obl	*!	*	✓

Во-вторых, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что в единственных языках нормального дисгармонического типа – среднеперсидском и мунджанском, – как и во всех остальных индоиранских языках, оформление роли A косвенным падежом возможно лишь в прошедшем времени, а в настоящем времени этот аргумент маркируется прямым падежом. При изменении же видо-временной формы сказуемого меняется лишь выражение A, а прочие значения остаются нетронутыми. Однако в обоих языках A является, по сути, единственной функцией, выражаемой косвенным падежом. Тем самым, в настоящем времени “падежная область” в этих языках целиком покрывается прямым падежом; появляясь в прошедшем времени в роли A, косвенный падеж не может взять на себя какие бы то ни было другие значения. Тем самым, ситуация, при которой эти языки нарушали бы обе типологические тенденции, является фактически неизбежной. Здесь следует отметить, что персидский язык в более поздний период своей истории вообще утратил как эргативность, так и косвенный падеж, см. [Расторгуева, Молчанова 1981: 58–59]; возможно, одной из причин этого и был “аномальный” характер падежной системы среднеперсидского языка.

Суммируя все вышесказанное, можно построить следующую иерархию основных типов двухпадежных систем:

¹⁴ Тот факт, что соответствующее ограничение для аккузативных языков: *S/A→Obl – оказывается далеко не столь сильным, требует, естественно, отдельного объяснения; см. [Du Bois 1987; Primus 1999].

1. “узкий” – “падежная область” включает лишь ядерные роли (ваханский [Пахалина 1975], амхарский);
2. “широкий” – падежная область включает, помимо ядерных ролей, также и периферийные (большая часть языков):
 - 2.1. распределяющий – оба падежа могут маркировать как ядерные, так и периферийные роли (кати, ягнобский [Хромов 1987], ниас);
 - 2.2. разграничивающий – один падеж маркирует лишь ядерные или часть ядерных ролей, а другой – остальные роли (большая часть языков):
 - 2.2.1. нейтральный – Dig покрывает все ядерные роли, а Obl – периферийные (йимас, скомиш);
 - 2.2.2. аккузативный – один из падежей покрывает роль S/A, а другой – роль U (и/или U’); периферийные роли могут при этом быть оформлены как падежом S/A, так и падежом U:
 - 2.2.2.1. гармонический – роли U/U’ и периферийные роли оформлены одним и тем же падежом, т. е. выполняется ограничение PERIF≠S:
 - 2.2.2.1.1. нормальный – роль S/A оформляется прямым падежом (старофранцузский, яки);
 - 2.2.2.1.2. аномальный – роль S/A оформляется косвенным падежом (нанди);
 - 2.2.2.2. дисгармонический – роли U/U’ и периферийные роли оформляются разными падежами, т. е. ограничение PERIF≠S не выполняется:
 - 2.2.2.2.1. нормальный – роль S/A оформляется прямым падежом, т. е. нарушается ограничение PERIF→OBL; не зафиксирован;
 - 2.2.2.2.2. аномальный – роль S/A оформляется косвенным падежом, т. е. ограничение PERIF→OBL не нарушается (кабийский);
 - 2.2.3. расщепленно-эргативный – в прошедших временах роль A оформляется одним падежом, а роль S/U – другим (ряд индоиранских языков):
 - 2.2.3.1. нормальный – роль S/U оформляется прямым падежом, а A – косвенным:
 - 2.2.3.1.1. гармонический – периферийные роли оформляются косвенным падежом, ограничения PERIF≠S и PERIF→OBL не нарушаются (вайгали [Эдельман 1965], курдские диалекты [McKenzie 1961] и др.);
 - 2.2.3.1.2. дисгармонический – периферийные роли оформляются прямым падежом, ограничения PERIF≠S и PERIF→OBL нарушаются (среднеперсидский, мунджанский);
 - 2.2.3.2. аномальные – роль S/U оформляется косвенным падежом, роль A – прямым; не зафиксирован (ниас относится к “распределяющему” типу).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье, как я надеюсь, мне удалось показать, что двухпадежные системы, ранее не привлекавшие внимания типологов, представляют собою исключительно интересный тип грамматической системы, демонстрирующий как нетривиальные сходства между языками, так и существенное, хотя и ограниченное рядом универсальных принципов, типологическое варьирование. Так, в языках с двухпадежными системами наблюдаются все когда-либо отмеченные в литературе стратегии оформления ядерных аргументов и типы их сочетаний, в том числе и такие, которые крайне редко встречаются в языках с большим числом падежей. Как уже было сказано выше, факторы, влияющие на характер кодирования аргументов в тех или иных конструкциях, в рассмотренных языках такие же, как и в языках с многопадежными системами; однако конкрет-

ная реализация универсальных типов оформления актантов в языках с двумя падежами нередко оказывается иной, нежели в более “богатых” языках. Анализ двухпадежных систем указывает на возможные типы членения зоны падежных значений и связь между ядерными и периферийными функциями. Наконец, в языках с двухпадежными системами с большей отчетливостью проявляются универсальные тенденции, связанные с соотношением формальной и функциональной маркированности, и в новом свете предстают явления, традиционно считавшиеся “аномальными”.

Изучение двухпадежных систем является удобным “полигоном” для построения типологии падежных систем. Данный объект исследования позволяет, с одной стороны, использовать чрезвычайно богатый и разнообразный материал, дающий определенное представление о параметрах и пределах варьирования, релевантных для падежных систем, а с другой стороны, выделить универсальные закономерности, регулирующие межъязыковую изменчивость в столь сложной области, как падеж. Остается лишь надеяться, что подобного рода типологические исследования падежных систем с привлечением обширных данных, как синхронных, так и исторических, будут продолжены и дадут интересные результаты, которые расширят наше понимание природы грамматических категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев (в печати) – *П.М. Аркадьев*. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // Иранские языки и типология языковых ситуаций. К 75-летию со дня рождения А.Л. Грюнберга / Под ред. И.М. Стеблин-Каменского, Н.Н. Казанского и др. СПб. (в печати).
- Аркадьев (рукопись) – *П.М. Аркадьев*. Типология двухпадежных систем (рукопись).
- Грюнберг 1972 – *А.Л. Грюнберг*. Мунджанский язык. Л., 1972.
- Грюнберг 1980 – *А.Л. Грюнберг*. Язык кати. М., 1980.
- Зограф 1976 – *Г.А. Зограф*. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
- Кибрик 1992 – *А.Е. Кибрик*. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Мельчук 1998 – *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. II. М.; Вена, 1998.
- Молчанова 1975 – *Е.К. Молчанова*. Категория числа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. 2. / Под ред. В.С. Расторгуевой. М., 1975.
- Пахалина 1975 – *Т.Н. Пахалина*. Ваханский язык. М., 1975.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Расторгуева 1966 – *В.С. Расторгуева*. Среднеперсидский язык. М., 1966.
- Расторгуева, Молчанова 1981 – *В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова*. Среднеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки / Под ред. В.С. Расторгуевой. М., 1981.
- Татевосов 2002 – *С.Г. Татевосов*. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
- Тестелец 2001 – *Я.Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Титов 1991 – *Е.Г. Титов*. Грамматика амхарского языка. М., 1991.
- Хромов 1987 – *А.Л. Хромов*. Ягнобский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа / Под ред. В.С. Расторгуевой. М., 1987.
- Эдельман 1965 – *Д.И. Эдельман*. Дардские языки. М., 1965.
- Aikhenvald et al. (eds.) 2001 – Non-canonical marking of subjects and objects / Ed. by A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon, M. Onishi. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Aissen 1999 – *J. Aissen*. Markedness and subject choice in Optimality theory // Natural language and linguistic theory. V. 17. 1999. № 4.
- Aissen 2003 – *J. Aissen*. Differential object marking: Iconicity vs. economy // Natural language and linguistic theory. V. 21. 2003. № 3.
- Aissen, Bresnan 2002 – *J. Aissen, J. Bresnan*. Optimality and functionality: Objections and refutations // Natural language and linguistic theory. V. 20. 2002. № 1.
- Andrews 1985 – *A. Andrews*. The major functions of the noun phrase // Language typology and syntactic description. V. 1/Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.

- Bennett 1974 – *P.R. Bennett*. Tone and the Nilotic case system // *Bulletin of the School of Oriental and African studies*. V. 37. 1974. № 1.
- Blake 1994 – *B.J. Blake*. Case. Cambridge, 1994.
- Bossong 1985 – *G. Bossong*. Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen, 1985.
- Brown 2001 – *L. Brown*. A grammar of Nias Selatan. PhD Thesis, University of Sydney, 2001.
- Capell, Hinch 1970 – *A. Capell, H. Hinch*. Maung grammar, texts and vocabulary. The Hague; Paris, 1970.
- Chaker 1983 – *S. Chaker*. Un parler berbère d'Algérie (Kabylie). Syntaxe. Aix-en-Provence, 1983.
- Comrie 1978 – *B. Comrie*. Ergativity // *Syntactic typology*. Studies in the phenomenology of language / Ed. by W.P. Lehmann. Austin; London, 1978.
- Comrie 1979 – *B. Comrie*. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica silesiana*. V. 3. 1979.
- Creider C., Creider J. 1989 – *C.A. Creider, J.T. Creider*. A grammar of Nandi. Hamburg, 1989.
- Croft 1990 – *W. Croft*. Typology and universals. Cambridge, 1990.
- Croft 1991 – *W. Croft*. Syntactic categories and grammatical relations. The cognitive organization of information. Chicago; London, 1991.
- DeLancey 1981 – *S. DeLancey*. An interpretation of split ergativity and related patterns // *Language*. V. 57. 1981. № 3.
- Dixon 1979 – *R.M.W. Dixon*. Ergativity // *Language*. V. 55. 1979. № 1.
- Dowty 1991 – *D.R. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. V. 67. 1991. № 3.
- Dryer 1997 – *M. Dryer*. Are grammatical relations universal? // *Essays on language function and language type*. Dedicated to Talmy Givón / Ed. by J.L. Bybee, J. Haiman, S.A. Thompson. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
- Du Bois 1987 – *J. Du Bois*. The discourse basis of ergativity // *Language*. V. 63. 1987. № 4.
- Foley 1991 – *W.A. Foley*. The Yimas language of New Guinea. Stanford, 1991.
- Foley, Van Valin 1984 – *W.A. Foley, R.D. Van Valin, Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Foulet 1970 – *L. Foulet*. Petite syntaxe de l'ancien français. 3-ème éd. revue. Paris, 1970.
- Givón 1995 – *T. Givón*. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Greenberg 1966 – *J.H. Greenberg*. Language universals. With special reference to feature hierarchies. The Hague; Paris, 1966.
- Haiman 1985 – *J. Haiman*. Natural syntax, iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Haspelmath 1999 – *M. Haspelmath*. Optimality and diachronic adaptation // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Bd. 18. 1999. № 2.
- Haspelmath 2003 – *M. Haspelmath*. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *The new psychology of language*. V. II./Ed. by M. Tomasello. Mahwah, 2003.
- Hopper, Traugott 1993 – *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Keenan 1985 – *E.L. Keenan*. Relative clauses // *Language typology and syntactic description*. V. 2 / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.
- König 2004 – *Chr. König*. "Marked nominative" in Africa: An exotic language type. Ms. 2004.
- Kuipers 1967 – *A.H. Kuipers*. The Squamish language. Grammar, texts, dictionary. The Hague, 1967.
- Lazard 1957 – *G. Lazard*. Grammaire du persan contemporain. Paris, 1957.
- Lazard 1984 – *G. Lazard*. Actance variations and categories of the object // *Objects: Towards a theory of grammatical relations* / Ed. by F. Plank. London, 1984.
- Lazard 1994 – *G. Lazard*. L'actance. Paris, 1994.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre, W. Raymond, P. Smolensky*. An Optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1993.
- Lehmann 1988 – *Chr. Lehmann*. Towards a typology of clause linkage // *Clause combining in grammar and discourse* / Ed. by J. Haiman, S.A. Thompson. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Lehmann 1995 – *Chr. Lehmann*. Thoughts on grammaticalization. München; Newcastle, 1995.
- Lindenfeld 1973 – *J. Lindenfeld*. Yaqui syntax. Berkeley, 1973.
- Luraghi 2003 – *S. Luraghi*. On the meaning of prepositions and cases. The expression of semantic roles in Ancient Greek. Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- McKenzie 1961 – *D.N. McKenzie*. Kurdish dialect studies, I. London, 1961.
- Moignet 1976 – *G. Moignet*. Grammaire de l'ancien français. Morphologie – Syntaxe. 2-me éd. rev. et. corr. Paris, 1976.

- Nichols 1983 – *J. Nichols*. On direct and oblique cases // Proceedings of the 9th annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley, 1983.
- Nichols 1986 – *J. Nichols*. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. V. 62. 1986. № 1.
- Payne 1980 – *J.R. Payne*. The decay of ergativity in Pamir languages // *Lingua*. V. 51. 1980.
- Primus 1999 – *B. Primus*. Cases and thematic roles. Ergative, accusative and active. Tübingen, 1999.
- Primus, ms. – *B. Primus*. Proto-roles and case selection in Optimality theory. Arbeiten des SFB 282 “Theorie des Lexikons”, № 122.
- Prince, Smolensky 1993 – *A. Prince, P. Smolensky*. Optimality theory: Constraint interaction in Generative grammar. Ms. Rutgers University, 1993.
- Sasse 1984 – *H.-J. Sasse*. Case in Cushitic, Semitic and Berber // Current progress in Afro-Asiatic linguistics (Papers from the 3rd international Hamito-Semitic congress)/Ed. by J. Bynon. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
- Tsunoda 1981 – *T. Tsunoda*. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*. V. 19. 1981. № 5/6.
- Van Valin 1981 – *R.D. Van Valin, Jr.* Grammatical relations in ergative languages // *Studies in Language*. V. 5. 1981. № 3.
- Van Valin 1994 – *R.D. Van Valin, Jr.* Functional relations // *Encyclopedia of languages and linguistics*. V. 3 / Ed. by R.E. Asher. Oxford, 1994.
- Van Valin, Wilkins 1996 – *R.D. Van Valin, Jr., D.P. Wilkins*. The case for 'effector': Case roles, agents, and agency revisited // *Grammatical constructions. Their form and meaning (Essays dedicated to Charles J. Fillmore)* / Ed. by M. Shibatani, S.A. Thompson. Oxford, 1996.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Word order and scrambling / Ed. by S. Karimi. Oxford: Blackwell, 2003. 385 p.

Принцип зависимости правил от структуры составляющих – один из основополагающих в порождающей грамматике и близких к ней формальных теориях. Эвристическая ценность и объяснительные возможности этого принципа были продемонстрированы первоначально на материале английского и других германских и романских языков. В этих языках иерархическая структура предложения может быть выявлена с помощью сравнительно простых аналитических методов. Однако уже с 1960-х гг. порождающая грамматика столкнулась с необходимостью учитывать материал языков со свободным порядком слов, в которых выделение многоуровневой иерархии составляющих затруднено. Например, в японском языке не очевидно выделение такого важного структурного компонента предложения, как глагольная группа: в отличие от английского языка, как подлежащее, так и дополнение могут непосредственно примыкать к глаголу: *Taroo-ga pizza-o tabeta* или *Piza-o Taroo-ga tabeta* ‘Таро съел пиццу’; даже в германских языках внутри самой глагольной группы возможен различный порядок членов предложения: ср. в голландском *dat Jan langzam het boek las* букв. ‘что Ян медленно (артикл) книгу читал’ и *dat Jan het boek langzam las* ‘что Ян (артикл) книгу медленно читал’; в русском языке порядок слов отличается еще большей свободой, чем в японском и голландском, и т. д.

В порождающей грамматике считается, что, например, в английском языке подлежащее обладает рядом приоритетных свойств (позиция относительно финитного глагола, именительный падеж, согласование со сказуемым, контроль рефлексивов, способность к отпуску “плавающих кванторов”, отражение в tag questions и др.) вследствие своего особого места в синтаксической структуре – оно является той единственной именной группой, которая выступает непосредственной составля-

ющей предложения. Такого рода свойства подлежащего обнаруживаются не только в языках с жестким порядком слов – например, в латинском или русском языках также наблюдаются сходные признаки. Однако свободный порядок слов в латинском и русском не дает возможности, в отличие от английского, столь же наглядно показать, что особая роль подлежащего предопределена структурой составляющих. Этот факт привел многих лингвистов, особенно типологов, скептически относящихся к порождающей грамматике, к выводу о том, что принцип зависимости правил от структуры по меньшей мере не универсален. Но большая часть генеративистов после некоторых колебаний (гипотеза о “неконфигурационных” языках, или языках с “плоской структурой”, см. [Hale 1980; 1983; Farmer 1980; Kiss 1994]) решилась защищать универсальность этого принципа, отказ от которого означал бы для них разрушение самих основ грамматики [Saito, Hoji 1983].

Первая из известных попыток решить проблему свободного порядка слов в генеративной традиции принадлежит Дж.Р. Россу [Ross 1967/1986]. Росс пришел к выводу, что это явление принципиально отлично от трансформаций “передвижения” вроде вынесения влево вопросительных групп или инверсии в английском языке, и предположил, что указанные выше (и многие другие) грамматические сходства между английским, латинским и русским языками объясняются сходством в структуре составляющих. Различия же возникают из-за того, что в латинском или в русском, но не в английском, после обычных синтаксических компонентов (базового и трансформационного) включается еще один “стилистический” компонент, который осуществляет “перемешивание” (scrambling) составляющих. Как и многие другие термины, предложенные Россом, термин “скрэмблинг” стал широко принятым, хотя и в ином значении – так стали называть не

грамматическое правило, а само явление свободного порядка слов.

С конца 1970-х гг. [Riemsdijk 1978; Naan 1979] свободный порядок слов чаще всего представляется результатом действия не специального компонента грамматики, как предлагал Росс, а обычного трансформационного компонента: “перемешивание” возникает в результате последовательного многократного применения трансформации передвижения. С тех пор внимание большинства исследователей занимало выяснение того, в какой из двух классов позиций – аргументную (A-position) или неаргументную (A'-position) происходит передвижение при скрэмблинге. Разграничение этих двух типов передвижения в зависимости от характера “конечной точки” (landing site) представляет собой один из наиболее важных результатов “теории принципов и параметров”, того варианта порождающей грамматики, который сложился в 1980-е гг. Аргументная позиция, в отличие от неаргументной, характеризуется присвоением падежа, например, номинатива, если это позиция подлежащего. Примерами A-передвижения могут служить пассив или подъем подлежащего, примером A'-передвижения – смещение влево вопросительных или относительных групп.

Исследователями было выявлено несколько диагностических признаков, противопоставляющих два типа передвижения. Важнейшие из них следующие: 1) “слабый переезд” (Weak Crossover) – связывание переменной, выраженной личным местоимением 3 лица, оператором, который “перезаезжает” влево через такое местоимение, возможно при A-передвижении (1), но невозможно при A'-передвижении (2): (1) *Who_i seems to his_j father [t_i to be happy?]* ‘Кто, кажется счастливым своему, отцу?’; где знаком *t_i* обозначен след, т. е. исходная позиция передвижения справа от личного местоимения; (2) **Who_i does it seem to his_j father [that John loves t_i?]* ‘Кого, как кажется его, отцу, Джон любит?’ 2) “Паразитический пробел” – мнимый след *e*, возникающий вместе с настоящим следом *t*, допускается только при A'-передвижении (3), но не при A-передвижении (4): (3) *What_i did you file t_i [without reading e_j]*? ‘Что ты сложил, не читая?’; (4) **Those stories_i seem to have been filed t_i [without reading e_j]* ‘Кажется, эти рассказы были сложены непрочитанными’. 3) Только при A'-передвижении возможна “реконструкция”, т. е. употребление местоимения в соответствии с его исходной, а не производной позицией, ср. *Своих_i друзей, что ли, он, забыл?*, где рефлексивное местоимение оказывается в результате вопросительного A'-передвижения, вопреки обычному правилу, выше подлежащего, и пассивная конструкция ?? *Свои_i*

друзья были им, забыты, где при A-передвижении такое явление по крайней мере затруднено. 4) A-передвижение локально, т. е. ограничено пределами элементарного предложения (= клаузы), но A'-передвижение – нет, ср. *Вещи_i ему не разрешили [забрать t_i] и *Вещи_i ему не были разрешены [забрать t_i]*.

Вскоре, однако, было обнаружено, что не все вариации порядка слов укладываются в один из двух типов: так, Г. Вебельхут установил, что в немецком языке одна и та же конструкция со смещением дополнения влево проявляет одновременно признаки и A-, и A'-передвижения [Webelhuth 1992].

В последние годы в анализе скрэмблинга приобрели популярность две теоретические идеи в духе разрабатываемой в последнее время “минималистской программы” Н. Хомского. Одно из принципиальных предположений этого теоретического проекта заключается в том, что не существует факультативных передвижений – любое из них принудительно мотивируется некоторым грамматическим признаком [Chomsky 1995]. Во-первых, некоторые виды A-скрэмблинга связывают с действием “принципа расширенной проекции” (Extended Projection Principle, сокращенно EPP), согласно которому предложение должно обладать подлежащим [Lavine 1998; Miyagawa 2001; Bailyn 2004]; во-вторых, предлагается считать, что A'-скрэмблинг мотивируется дискурсивными функциональными признаками, такими, как топик и фокус (≈ тема и рема) [Miyagawa 1997; Kiss 1998; Bailyn 2001]. Трудностью для такого подхода остается очевидная факультативность многих видов скрэмблинга.

Составителю сборника С. Карими удалось привлечь многих авторитетных специалистов, занимавшихся в последние годы проблемой скрэмблинга. В сборнике рассматриваются следующие основные вопросы: свободный порядок слов в связи с коммуникативными (discourse functional) факторами; связь скрэмблинга с признаком специфичности (= референтности); факультативность скрэмблинга; усвоение конструкций со свободным порядком слов при овладении родным или вторым языком; скрэмблинг в психолингвистических моделях синтаксического анализа (processing). Языковой материал сборника разнообразен: авторы анализируют порядок слов в языках индейцев Северной Америки, русском, голландском, хинди, персидском, венгерском, турецком, японском, тамильском. Сборник посвящен памяти одного из его авторов, выдающегося лингвиста Кеннета Хейла (1934–2001), соединявшего уникальный языковой кругозор с даром видеть теоретически значимые факты в “экзотическом”

материале, исследователя, открывшего новые направления в синтаксической типологии.

В статье “Позиции сфер топика и фокуса в языке навахо” К. Хейл, Э. Джелинек и М. Уилли доказывают, что один из наиболее хорошо изученных американдских языков – навахо атапаскской семьи реализует одновременно два важнейших типологических признака: он является одновременно языком с “местоименными аргументами” и “дискурсно-конфигурационным” языком. Идея местоименных аргументов, выдвинутая 20 лет назад одним из авторов статьи [Jelinek 1984], состоит в том, что в языках данного типа аргументные (=актантные) позиции при предикатных словах-вершинах заполняются не именными группами (=ИГ), а местоименными, обычно в форме аффиксов, как это имеет место в полисинтетическом языке навахо. Что касается полных ИГ, соответствующих аргументам предиката, они занимают позиции сфер действия операторов фокуса и топика, из которых они связывают местоименные аргументы-переменные. ИГ линейно упорядочены в соответствии с информационной (коммуникативной) структурой, а не в соответствии с грамматическими ролями подлежащего и дополнений; последнее и является определяющим признаком “дискурсно-конфигурационного” типа [Kiss 1995]. Информационная структура определяется не только контекстными признаками, но также универсальной иерархией одушевленности, впервые сформулированной К. Хейлом именно на материале навахо [Hale 1973]; местоименные префиксы, напротив, упорядочены в соответствии с грамматическими отношениями. Глагольная словформа интерпретируется как полное предложение, а местоименные префиксы – как его аргументы.

Авторы полагают, что грамматическая структура навахо непосредственно отражает принцип, согласно которому на уровне логической формы только неопределенные выражения остаются внутри глагольной группы (VP). Будучи всегда определенными, местоименные префиксы выдвигаются из VP, причем порядок префиксов отражает последовательность подъема местоимений, начиная от корня влево: сначала субъект, затем прямой объект, затем косвенный объект. Именная группа-оператор, в том числе свободное местоимение, связывает тот местоименный префикс, который совпадает с ней по признакам числа и лица; в случае нескольких аргументов 3 лица выбор местоименного аргумента определяется прямой или инверсивной формой глагола – эти формы указывают, какой из аргументов выступает в качестве топика – агенса (при прямой форме) или пациенса (при инверсивной): *ashkii tʃi yi-ztaʔ*

букв. “мальчик лошадь ее(прям.)-он.ударил” ‘Мальчик ударил ногой лошадь’ и *ashkii tʃiʃ bi-ztaʔ* букв. “мальчик лошадь его(инверс.)-она.ударила” ‘Лошадь ударила ногой мальчика’, где порядок ИГ остается неизменным в соответствии с иерархией одушевленности (люди всегда более “тематичны”, чем животные).

Авторы предлагают ряд аналитических решений и теоретических гипотез, причем некоторые из них на ограниченном пространстве статьи им не удается не только обосновать, но даже прокомментировать. Так, утверждается, что ИГ оказываются в позициях операторов топика и фокуса в результате передвижения, но ничего не сказано об исходных базовых позициях для такого передвижения. Предложенная авторами четырехуровневая грамматическая структура для предложения полисинтетического языка, состоящая из исходных (приглагольных) и производных (при функциональных вершинах) позиций для местоименных аффиксов, и сверх того еще из исходных и производных позиций для связывающих их ИГ, оказывается настолько “насыщенной”, что позволяет, на наш взгляд, слишком легко справляться с возникающими трудностями. Например, неопределенный артикль *léi* ‘возникает в позиции полной ИГ: *at' ééd léi' yicha* ‘Девочка НЕОПР Зед.кричит’, где, по мнению авторов, специфическая неопределенная интерпретация (‘[Некоторая] девочка кричит’) возникает у передвинутой копии ИГ, а неспецифическая (‘[Какая-нибудь, любая] девочка кричит’) у связываемой ею переменной, которая остается в “области неопределенности”. Поскольку исходные и конечные позиции передвижений относятся к частям структуры, которые получают различную логико-семантическую интерпретацию, возможность выбора начальной или конечной позиции как источника интерпретации делает утверждения авторов о связи референтного статуса и синтаксической структуры непроверяемыми. Можно заметить также, что предсказания относительно грамматической структуры языков с местоименными аргументами, которые выдвигаются Э. Джелинек в рецензируемой статье и в [Jelinek 1995], не подтверждаются на материале западнокавказских языков. Эти языки, с одной стороны, очевидно относятся к тому же типу, что полисинтетические языки с местоименными аргументами северо-западного побережья Америки (атапаскские, сапашские, вакашские), на материал которых опирается Э. Джелинек, а с другой стороны, обнаруживают такие якобы несовместимые с этим типом явления, как примененная квантификация (ср. в адыгейском местоимения *бэ* ‘много’, *пэчч* ‘каждый’ и др.), вложенные относительные клаузы, префикс косвенного

объекта, следующий за префиксом прямого, и нереперентный статус немаркированной формы имени.

В статье К. Киш “Скэрмблинг аргументов, передвижение оператора и передвижение топика в венгерском языке” предлагается модель венгерского предложения, основанная на иерархии фразовых категорий, в которой тематическая группа (TopP) включает группу дистрибутивного квантора (DistP), которая в свою очередь последовательно включает рематическую группу (FocP), аспектуальную группу (AspP) и глагольную группу (VP). Элементы, попадающие в тематическую группу, образуют тематическую зону (topic field), за которой следует предикативная часть: зона операторов (составляющие, предшествующие глаголу), а за глаголом – зона аргументов (argument field). В последней зоне, несмотря на применяемые автором самые эффективные и чувствительные аналитические тесты, не удается установить никакой грамматической иерархии между аргументами; поэтому “скэрмблинг” К. Киш называет неиерархизованное базовое порождение аргументов в случайном порядке в виде плоской структуры. Составляющие могут затем передвигаться из глагольной группы в различные позиции зоны операторов. Например, подлежащее может оказаться в позиции контрастивной ремы, причем глагол, соединяясь с нулевой функциональной рематической вершиной, “переезжает” через префикс-аспектуализатор: *Tegnap* [_{AspP}fel-hívta]_{[VP]i} Péter Marii]] ‘Вчера позвонил Петер Марии’ – [_{FP}Péter_i hívta_j]_{[AspP]fel} t_j t_i Marii]] ‘Это Петер позвонил Марии’. Тематическая зона отделяется от предикативной части сентенциальными обстоятельствами типа *valószínűleg* ‘возможно’ и фразовым акцентом, падающим на первый компонент предикативной части. Возможно выдвигание нескольких тем, в отличие от ремы, которая допускает только однократное выдвигание. Поскольку при множественной тематизации сохраняется единая связь, соединяющая тему с предикативной частью, К. Киш предлагает помещать в позицию спецификатора тематической группы одновременно все темы: [_{TopP}Marit János]_{[AspP]fel-hívta telefonon]] ‘Мария Янош позвонил’ или точнее: ‘Что касается Марии и Яноша, он позвонил ей’, – решение, с трудом укладывающееся в обычные представления о структуре фразовых категорий. К тому же, как отмечает и сам автор, такая гипотеза несовместима с постулатом о жесткой связи передвижения с проверкой признаков: если признак тематической вершины проверен на одной составляющей, устраняется мотив для дальнейших передвижений в ту же позицию. К. Киш выдвигает гипотезу, что передвижение темы}

представляет собой универсальное явление, даже в английском языке, судя по позиции определенных и неопределенных ИГ относительно сентенциальных обстоятельств, оно имеет место, ср. *The inspector to my great surprise appeared at the door* ‘Инспектор, к моему большому удивлению, оказался в дверях’ и ?? *Policemen to my great surprise appeared at the door* ‘К моему большому удивлению, в дверях оказались полицейские’.

Итак, после проделанной К. Киш многолетней тщательной работы по выявлению иерархической структуры венгерского предложения она получила результат, который не может не наводить на определенные размышления. Перед нами по сути вполне традиционная, хотя и полученная с применением самых современных аналитических методов, схема в терминах линейных позиций и заполняющих их членов предложения, которая сохраняет чисто формальную связь с принятыми в порождающей грамматике представлениями об устройстве составляющих. Единственной лексически охарактеризованной вершиной остается глагол, задающий глагольную группу. Все остальные вершины, кроме факультативной частицы *is* ‘тоже’, возглавляющей DistP, – абстрактные, не имеющие означаемого и не вступающие в отношение лексической селекции, проявляя себя только наличием спецификаторов – фразовых категорий с определенной семантикой (тема, рема, дистрибутивность...). Такие допущения автора, как плоская структура аргументной зоны, дополнительное распределение префикс-аспектуализатора (вершины) и именного аспектуализатора (фразовой категории) или заполнение одной позиции тематической зоны несколькими составляющими одновременно, можно примирить с принятыми в порождающей грамматике представлениями о структуре фразовых категорий только с помощью такого широкого истолкования, которое делает их непроверяемыми.

М. Миясита, Р. Димерс и Д. Оргис в статье “Грамматические отношения в языке оодхам: инструментальные данные” на материале одного из языков юто-ацтекской семьи характеризуют местоименные аргументы как дискурсивные переменные, а полные ИГ-адъюнкты – как связывающие их операторы. Оодхам относится к тому типу языков, в котором при наличии подлежащего и дополнения в 3 л. грамматика не располагает никакими средствами их различения (вопреки известному мнению Э. Сепира [Сепир 1934: 73], который полагал, что таких языков быть не может), и, кажется, этот тип не так редок, как полагают авторы статьи (с. 48). Данные, полученные путем фонетического эксперимента, показывают, что просодичес-

кие признаки, вопреки ожиданию, не используются для разрешения двусмысленности: “кто кого убивает”, устанавливается в основном по контексту. Оодхам предстает дискурсно-конфигурационным языком с “плоской” аргументной структурой. Основным недостатком статьи – полное игнорирование работы по языку оодхам Д. Пейн, которая на 10 лет раньше занималась той же проблемой и пришла содержательно к точно такому же выводу в рамках функционалистского подхода [Raupе 1992].

В статье В. Даял “Неоформленные имена: неспецифические и контрастивные прочтения при скрэмблинге” на материале хинди показывается несостоятельность обобщения, согласно которому скрэмблинг применим только к специфическим выражениям или имеет результатом утерю неспецифического статуса. Вовпервых, скрэмблинг неспецифических ИГ возможен при их контрастивном выделении. Воввторых, ограничение на передвижение, связанное с неспецифичностью, относится только к левостороннему скрэмблингу. Таким образом, полученный автором материал свидетельствует против гипотезы о существовании разных частей (domains) синтаксической структуры, способных и неспособных включать в себя неспецифические выражения.

С. Карими в статье “О позициях дополнений, специфичности и скрэмблинге в персидском языке” исследует синтаксические, семантические и морфологические различия специфических и неспецифических прямых дополнений. Позиции для специфического дополнения в персидском языке более разнообразны, а неспецифическое почти всегда непосредственно предшествует глаголу. В генеративной традиции такие факты обычно анализируются как порождение в базе прямого дополнения рядом с глаголом, после чего специфическое дополнение может передвигаться в более высокую позицию. Автор высказывает гипотезу о существовании в языках данного типа двух базовых позиций для дополнений в глагольной группе. Третья, производная, позиция для дополнения создается в результате применения скрэмблинга – это позиция спецификатора при функциональной вершине с “дискурсным”, т.е. коммуникативным, значением. Свою гипотезу о двух базовых позициях для дополнения автор сопровождает объяснением того факта, что они не могут быть заполнены одновременно: “только одно из двух дополнений может быть проверено на аккузативный падеж, а падежный признак другого остался бы непроверенным, что привело бы деривацию к неудаче (crash)” (с. 122). Допустим, автору удалось бы показать, что и неспецифическое прямое дополнение, которое в персидском не

оформляется аккузативным показателем *-râ*, сохраняет морфологический признак аккузативного падежа; но даже и в таком случае предложенный в статье аналитический прием позволяет слишком дешевой ценой устранять трудности в анализе конструкций, различающихся формой или позицией одного из актантов.

В статье “Скрэмблинг, суб-скрэмблинг и падеж в турецком языке” Дж. Корнфилт, развивая теорию абстрактного падежа, рассматривает случаи суб-скрэмблинга – этим термином автор называет скрэмблинг с пересечением границы неспецифической ИГ: *Dün sokakta [иґ с; bir adam] gördüm çok yaşlı*; букв. ‘Вчера на улице одного человека увидел-я очень старого’. Неспецифические аргументы в структурных падежах (номинативе и аккузативе) не принимают падежных окончаний ни в финитных, ни в номинализованных конструкциях, не могут подвергаться скрэмблингу, но зато допускают скрэмблинг своих составляющих; остальные аргументы принимают противоположные значения всех указанных признаков. Рассматривая “ограничение на специфичность” (Specificity Constraint), запрещающее пересекать границу специфической ИГ (ср. англ. *Who did you see pictures of?* ‘Чьи картины ты видел?’ vs. **Who did you see the picture of?* ‘Чью картину ты видел?’), Дж. Корнфилт предполагает, что его действие усиливается в турецком языке инкорпорацией, понимаемой в соответствии с теорией М. Бейкера [Baker 1988] как соединения двух ближайших вершин – глагола и существительного, возглавляющего ИГ его дополнения или подлежащего.

Статья Дж. Бейлина “Существует ли скрэмблинг в русском языке?” стремится охватить большую часть фактов свободного порядка слов в русском языке, постулируя базовый порядок SVO и два различных процесса перестановки составляющих: обобщенная инверсия и дислокация. Оба процесса известны по другим языкам, и, таким образом, русский материал хорошо укладывается в типологию, задаваемую разными значениями грамматических параметров. Инверсия в русском языке является А-передвижением и относится к тому же типу, что английская локативная (*Into the room came a man* ‘В комнату вошел человек’) или цитатная (*‘Yes!’ said John* ‘Да, – сказал Джон’) инверсия и состоит в выдвигании некоторой фразовой категории в позицию спецификатора IP перед финитным глаголом (в позиции I), причем она получает часть признаков подлежащего, а подлежащее в номинативе остается справа от глагола: *Эту книгу читает Иван, В классе появился новенький, У меня есть вопрос, Саице нравятся дети*. К числу таких признаков Дж. Бейлин относит отсутствие ожидаемых

грамматических ограничений на анафору, а именно: контроль рефлексивов, ср. ?? *Своя_i работа нравится Маше_i, и Маше_i нравится своя_i работа*; контроль личных местоимений 3 л. со стороны подлежащего, который “улучшает” инверсия, ср. **Старший брат_i появился в его_i доме и ?В его_i доме появился старший брат_i*, (другие примеры на это явление, к сожалению, столь же сомнительны – если и есть различие в приемлемости, то очень слабое); невозможность личного местоимения в качестве антецедента полной ИГ, ср. *Знакомые Ивана_i были у него_i, и *У него_i были знакомые Ивана_i*. По Дж. Бейлину, побудительный мотив инверсии в русском языке, как и сходных видов инверсии в других языках – принцип расширенной проекции, который удовлетворяется, в отличие, например, от английского языка, не только передвижением ИГ-подлежащего в номинативе или предложной группы с локативным значением, но передвижением любого аргумента в позицию спецификатора IP.

В отличие от инверсии, дислокация в русском языке представляет собой, несомненно, передвижение в неаргументную позицию. Она подчиняется тем же ограничениям, что и передвижение вопросительных групп – так, выдвижение из конъюнктивного придаточного с союзом *чтобы* допускается для дополнения (*Кому ты хотел, чтобы она позвонила?*; *Борису я хотел, чтобы она позвонила*), но не для подлежащих (**Кто ты хотел, чтобы позвонил ей?*; **Борис я хотел, чтобы позвонил ей*). Автор убедительно показывает, что дислокация, в отличие от инверсии, не “улучшает” нарушений в употреблении анафорических местоимений, хотя приведенное им на с. 168 противопоставление по приемлемости *Его_i друзей любит Иван_i*, (инверсия) vs. ?? *Его_i друзей Иван_i любит* (дислокация) вряд ли имеет место. Предположение Дж. Бейлина на с. 175, что первое предложение отвергается только теми информантами, кто вообще не признает катафору (backward pronominalization), по-видимому, основано на недоразумении (вообще катафора достаточно распространенное явление в русской речи – и устной, и письменной).

Вслед за рядом других авторов, которые развивают в рамках формальной грамматики представления о структуре предложения, восходящие к пражской школе функционализма, Дж. Бейлин предполагает, что дислокация в русском языке не факультативна, но в явном виде представляет действие универсального “информационного” компонента грамматики, действие которого в языках с жестким порядком слов остается скрытым. Языки, выражающие неконтрастивную ремю (Information Focus) на достаточно ранней ступени синтаксической

деривации, используют для этого А'-передвижение, которое отделяет тему от ремы, вынося ее влево.

Трактовка автором явления дислокации выглядит интересно и перспективно, однако множество признаков инверсии нуждается в уточнении. Аргументы в пользу привилегированного статуса выдвигаемого аргумента могут быть оспорены: например, катафора местоимений бывает затруднена и при отсутствии инверсии: **Вчера приходили к нему_i знакомые Ивана_i*. Автор не пишет о других функциональных признаках подлежащего, которые, вопреки ожиданию, инвертированным группам не свойственны, например, контроль деепричастий (**Эту кошку, царапаясь, засунули в сумку*; **У меня, вытис, заболела голова*). Дативный субъект, как известно, обнаруживает существенно больше приоритетных признаков, чем другие “подлежащеподобные” группы [Падучева 1983; Бонч-Осмоловская 2003], но неясно, как найти место этому факту в рамках предположения Дж. Бейлиновой теории, так как дативный субъект занимает ту же позицию SpecIP, что и другие подвергшиеся инверсии аргументы.

В статье С. Миягава “Скрэмблинг в аргументную позицию и варианты без факультативности” в духе последних версий порождающей грамматики отвергается идея факультативного скрэмблинга: если составляющая подвергается передвижению, то только потому что все другие варианты деривации запрещены. Выбор между вариантами порядка слов SOV и OSV в японском не факультативен, а продиктован требованием принципа расширенной проекции; как и у Дж. Бейлина, этот принцип понимается таким образом, что удовлетворять его требование может не только подлежащее, но и дополнение. Неконфигурационные языки в понимании К. Хейла возникают, по предположению автора, в том случае, когда функциональная вершина T (Tense) задает морфологически выраженный падеж у подлежащего или дополнения.

Статья Х. де Хооп “Скрэмблинг в голландском языке: факультативность и оптимальность” посвящена анализу перемещения дополнений со значением определенности в голландском языке с использованием объяснительного аппарата теории оптимальности, т. е. иерархии принципов, каждый из которых может быть нарушен, а приемлемость конструкции зависит от оценки суммы нарушений. Такими принципами выступают скрэмблинг анафорических элементов и определенных ИГ, им противоречит принцип запрета на скрэмблинг. В статье А. Махаджана “Порядок слов и (остаточное) передвижение глагольной группы” в духе гипо-

тезы “антисимметрии” Р. Кейна [Кауне 1994] на материале английского языка и хинди предполагает альтернативу обычной трактовке явления передвижения вершин.

В сборник включены также статьи, посвященные психолингвистическим проблемам скрэмблинга: В. Сарма “Неканонический порядок слов: тема и рема в тамильском языке в речи взрослых и детей”, Н. Ивасаки “Усвоение японского как второго языка: знание и использование падежных показателей в предложениях с порядками слов SOV и OSV”, И.А. Секериной “Скрэмблинг и синтаксический анализ: зависимости, сложность и ограничения” и А. Фридрици, М. Шлезевски и Х. Фибаха “Передвижение вопросительных групп vs. скрэмблинг: различие, существенное для мозга”.

Можно заключить, что сборник “Порядок слов и скрэмблинг” вносит много нового и полезного в изучение явления свободного порядка слов. Авторы приходят к согласию во многих важных моментах: так, в нескольких статьях А-передвижение при скрэмблинге объясняется действием принципа расширенной проекции; используется теория местоименных аргументов Э. Джелинек; доказывается в духе минималистского синтаксиса иллюзорность факультативных передвижений; принимается идея дискурсно-конфигурационных языков.

Авторы сборника отрицательно относятся к возможности неконфигурационной, или “плоской”, трактовки синтаксической структуры языков со свободным порядком слов. Вывод о наличии структурной асимметрии делается на основании поведения операторов и анафорических местоимений, притом что приводимые факты очевидным образом указывают только на асимметрию линейного порядка – например, если допускается лишь предшествование оператора его сфере действия или антецедента местоимению. Возражение, что в языках линейный приоритет всегда выступает как проявление структурного приоритета, есть ссылка именно на тот принцип, который в данном случае подлежит доказательству – принцип универсальности асимметричной структуры. Нерешенной остается и проблема разграничения А- и А'-передвижений. При широком понимании принципа расширенной проекции, когда в позиции подлежащего может оказаться и ИГ-дополнение, морфологический критерий не работает, и единственным способом различить два вида передвижения остаются мало эффективные и нередко противоречащие друг другу тесты на их различие: оценка информантами “слабого переезда” во многих языках нечетка и очевидно зависит от контекстных неграмматических факторов; паразитический пробел трудно обнаружить в языках с разви-

тым эллипсисом и опущением неэмфатических местоимений; “улучшение” конструкций с анафорой в результате перестановки составляющих может быть объяснено линейной асимметрией, без привлечения иерархической доминанции, см. выше. В большинстве статей сборника мы обнаруживаем, вне всякого сомнения, полезную классификацию теоретически значимых фактов скрэмблинга, которые непременно будут приняты во внимание будущими исследователями. Однако предлагаемые авторами теоретические решения не во всех случаях выглядят убедительными и эмпирически проверяемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бонч-Осмоловская 2003 – А.А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дисс... канд. филол. наук. МГУ. 2003.
- Падучева 1983 – Е.В. Падучева. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семантика и информатика 21. 1983.
- Сепир 1934 – Э. Сепир. Язык. М., 1934.
- Bailyn 2001 – J.F. Bailyn. On scrambling: a reply to Bošković and Takahashi // Linguistic inquiry 32. № 4. 2001.
- Bailyn 2004 – J.F. Bailyn. Generalized inversion // Natural language and linguistic theory. V. 22. № 1. 2004.
- Baker 1988 – M.C. Baker. Incorporation: a theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.
- Chomsky 1995 – N. Chomsky. The minimalist program. Cambridge (Mass.), 1995.
- Farmer 1980 – A. Farmer. On the interaction of morphology and syntax. PhD dissertation. 1980.
- Haan 1979 – G. de Haan. Conditions on rules. Dordrecht, 1979.
- Hale 1973 – K.L. Hale. A note on subject-object inversion in Navaho // Issues in linguistics. 1973.
- Hale 1980 – K.L. Hale. Remarks on Japanese phrase structure: Comments on the papers on Japanese syntax // Theoretical issues in Japanese linguistics. MIT working papers in linguistics. 1980.
- Hale 1983 – K.L. Hale. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // Natural language and linguistic theory. V. 1. № 1. 1983.
- Jelinek 1984 – E. Jelinek. Empty categories, case and configurationality // Natural language and grammatical theory 2. № 1. 1984.
- Jelinek 1995 – E. Jelinek. Quantification in Strait Salish // Quantification in natural languages. Dordrecht, 1995.
- Kayne 1994 – R. Kayne. The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.), 1994.

- Kiss 1994 – *É.K. Kiss*. Scrambling as the base generation of random complement order // *Studies in scrambling*. B. 1994.
- Kiss 1995 – *É.K. Kiss*. Introduction // *Discourse configurational languages*. Oxford, 1995.
- Kiss 1998 – *É.K. Kiss*. Identificational focus versus information focus // *Language*. V. 74. № 2. 1998.
- Lavine 1998 – *J. Lavine*. The syntax of feature-checking, focus structure, and sentential stress. Annual conference of the American association of teachers of Slavic and East European languages. San Francisco, 1998.
- Miyagawa 1997 – *S. Miyagawa*. Against optional scrambling // *Linguistic inquiry*. V. 28. № 1. 1997.
- Miyagawa 2001 – *S. Miyagawa*. The EPP, scrambling, and WH-in-situ // Ken Hale: a life in language. Cambridge (Mass.), 2001.
- Payne 1992 – *D. Payne*. Nonidentifiable information and pragmatic order rules in 'O'dham // *Pragmatics of word order flexibility*. Amsterdam, 1992.
- Riemsdijk 1978 – *H. van Riemsdijk*. A case study in syntactic markedness. Dordrecht, 1978.
- Ross 1967 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax: PhD dissertation. MIT, 1967 [J.R. Ross. *Infinite syntax!* New York, 1986].
- Saito, Hoji 1983 – *M. Saito, H. Hoji*. Weak cross-over and move α in Japanese // *Natural language and linguistic theory*. 1. 1983.
- Webelhuth 1992 – *G. Webelhuth*. Principles and parameters of syntactic saturation. Oxford, 1992.

Я.Г. Тестелец

M. Prandi. The building blocks of meaning. Amsterdam: John Behjamins. 2004. 520 p.

Книга итальянского лингвиста Микеле Пранди вызывает интерес в первую очередь своим необычным подходом ко многим не раз обсуждавшимся в лингвистике явлениям: в одном ряду и с помощью одной теории моделируются такие привычно относимые к разным областям факты, как, например, многозначность английских предлогов *of* и *with* и интерпретация тропов. Книга состоит из предисловия и трех частей, в совокупности включающих двенадцать глав.

В нескольких первых главах излагаются семиотические основания предлагаемой читателю концепции. Основной целью языкового общения является обмен сообщениями (messages). Значения языковых выражений – не то же самое, что передаваемые ими сообщения. Сообщение это окказиональное содержание речевого акта, основанное на массе случайных и ситуативных факторов. Грамматической конструкции соответствует реляционное кодирование, основанное на ее формальных свойствах. Значение языкового выражения создается в результате взаимодействия реляционного кодирования с другим видом кодирования – точечным (punctual) кодированием, воплощающим содержание связанных в языковом выражении слов. Процесс вывода (inferencing) применяется к значению семантически правильных языковых выражений. Значения языковых выражений являются “индексами сообщений”.

В главе 1 различие между значениями языковых выражений и сообщениями демонстрируется на примере противопоставления буквальной и небуквальной интерпретации. Понятия буквальной и небуквальной интерпретации неприменимы к языковому выражению как

таковому, вне конкретного речевого акта. Зато оппозиция буквальный/небуквальный может быть применена к отношению между значением языкового выражения и сообщением. Если сообщение, по выражению автора, принимает значение соответствующего языкового выражения, то мы имеем дело с буквальной интерпретацией. Если же значение сообщения выводится слушающим из значения индексированного языкового выражения, перед нами случай небуквальной интерпретации. Общее правило интерпретации состоит в том, что буквальная интерпретация всегда является предпочтительной для слушающего, когда она совместима с лингвистическим и экстралингвистическим контекстом. Если это невозможно, слушающий выбирает небуквальную интерпретацию. Традиционно приводимыми примерами несоответствия небуквальной интерпретации с буквальной являются метафора, гиперболы, ирония.

Сформулированное таким образом противопоставление между значением предложения и сообщения, буквальной и небуквальной интерпретацией имеет один существенный недостаток: значение сообщения, понимаемое как окказиональное содержание речевого акта (с. 1), неясно, как представить. Тем не менее, сам автор отмечает, что значение сообщений, даже являющихся результатом буквальной интерпретируемых языковых выражений, зависит от многих непредсказуемых факторов общения, таких, как интонация и жесты, владение энциклопедической информацией и процессами вывода. Если вследствие этого значение сообщения никогда не может совпадать со значением передающего его предложения, внутренне противопо-

речиво говорить о том, что в случае буквальной интерпретации значение сообщения совпадает со значением предложения.

Существенным понятием, важным для обсуждения вопроса о буквальной и небуквальной интерпретации, является осмысленность, совместимость vs. неосмысленность, несовместимость (*consistency/inconsistency*; далее для краткости осмысленность/неосмысленность) языкового выражения с другими частями высказывания и существующими у данного языкового сообщества представлениями о мире.

Чтобы описать, как индексальные языковые выражения интерпретируются в сообщении, вводится понятие поля интерпретации, основанное на понятии поля [Bühler 1934]. Поле интерпретации связано с индексальной природой языковых выражений. Простейшие индексы – это местоимения *я* и *ты*, наречия *здесь* и *сейчас*, указующий жест. Общая функция индексов состоит в том, чтобы привлекать внимание слушающего к тому, что имеет сообщить говорящий. Индексы могут отсылать к предметам и ситуациям, отсутствующим в непосредственном окружении говорящего и слушающего и даже несуществующим в данном мире.

Интерпретация лимитируется собственно значением языкового выражения и прагматическими факторами – максимами и тем, что слушающий считает ответственным речевым поведением говорящего, как представляет себе соответствие говорящего этой норме. Существенным дополнением к Грайсовским максимам общения, моделирующим поведение говорящего, должны быть, согласно Пранди, максимы, сформулированные для роли слушающего. Слушающий стремится максимизировать количество полученной новой информации по отношению к затраченным на ее получение усилиям, то есть *relevance* в смысле теории [Sperber, Wilson 1986].

Чтобы получить правильную, задуманную говорящим интерпретацию языкового выражения, слушающему необходимо соположить значение языкового выражения и значение соответствующего поля интерпретации. К сожалению, остается не вполне ясным, каковы приемы соположения значения языкового выражения и поля интерпретации и включают ли они что-то еще, кроме процессов вывода.

В главе 2 обсуждаются понятия интерпретации, вывода и контекста. Предлагается следующее понятие контекста. Контекст включает так называемый ко-текст, состоящий из выражений, соседствующих в дискурсе с интерпретируемым языковым выражением, и экстралингвистический контекст. Автор считает, что этот последний и есть, в отличие от ко-текста, настоящий и наиболее важный кон-

текст, контекст в узком смысле. Процесс интерпретации состоит из систематического вывода, основанного на постоянных концептуальных, то есть семантических, структурах, и постоянно меняющегося, “дрейфующего”, прагматического вывода.

Обсуждается несколько типов вывода – провоцируемый вывод (*invited inferences*), обогащающий вывод (*inferential enrichment*) и соединяющий вывод (*bridging inference*).

Провоцируемый вывод демонстрируется на следующем примере. В предложении *If it rains, the harvest will be lost* (Если пойдет град, урожай будет потерян) союз *if* (если), согласно Пранди, понимается в смысле равносильности, то есть так, что если не пойдет град, урожай не будет потерян. Эта интерпретация *если*, присущая, по Пранди, естественному языку, в сильном противоречащем контексте может подавляться. Это происходит в предложении *If it rains, the harvest will be lost and the same will happen if it does not rain* (Если пойдет град, урожай будет потерян, и то же самое произойдет, если не будет дождя).

Обогащающий вывод приводит к интерпретации союзов временной последовательности в смысле ‘потому что’. В предложении *John bought a new car after the old one was damaged* (Джон купил новую машину после того, как старая сломалась) слово *after* (после) кодирует отношение временной последовательности между событиями, но, кроме того, обогащается следующим выводом: Джон купил новую машину, потому что старая была сломана. Аналогично с помощью обогащающего вывода интерпретируется *with* (с) в предложении *John drove the nail with the stone* (Джон вбил гвоздь камнем) и *John drove the nail with care* (Джон вбил гвоздь с аккуратностью).

Соединяющий вывод находим в случаях типа *John cannot study law. His parents are too poor* (Джон не может изучать юриспруденцию. Его родители слишком бедны). С помощью соединяющего вывода слушающий устанавливает каузативную связь между предложениями.

При интерпретации посредством обогащающего вывода генитивных и посессивных именных групп интерпретация основывается на информации, которую Пранди считает энциклопедической. Чтобы интерпретировать выражения *John's dream* (сон Джона) и *midsummer's night dream* (сон в летнюю ночь) необходимо располагать информацией о том, что Джон лицо, которое может испытывать определенные состояния, в том числе, сон, а летняя ночь – отрезок времени, который может не испытывать состояния, а быть временной рамкой для них. Эта информация представляет собой критерии осмысленности, которыми поль-

зуются, как правило, не осознавая их, все члены речевой общности и которые независимы от случайностей речевого общения.

В г л а в е 3 рассматривается значение сложных языковых выражений. Значение таких языковых выражений не известно носителям языка. В зависимости от того, как понимается отношение между формой и содержанием, можно считать, что значение сложного языкового выражения конструируется по определенным правилам соответствующими формальными средствами или является независимой концептуальной структурой, выражаемой с помощью формальных средств языка. Наконец, можно принять ту точку зрения, как это делает Пранди, что какая-то часть значения предложения формируется грамматическими структурами, а какая-то существует независимо и лишь выражается ими.

Значение предложения – это иерархическая сеть отношений между различными ролями. В вершине этой иерархии стоит предикат, чаще всего выражаемый глаголом. Роли находятся в различных отношениях друг с другом и с предикатом. Одни роли обязательны, другие – нет. Валентности главного предиката определяют наличие или отсутствие определенных аргументов. Так понимаемое значение предложения Пранди называет процессом (process). Ему соответствует определенное положение вещей в реальном мире. Обозначаемое предложением положение вещей и значение предложения это две независимые сущности. Предложение может быть осмысленным, но не соответствовать никакому положению вещей в реальном мире.

Формируемая языком часть сложного значения основана на релеяционном кодировании. Существующая независимо от формальных средств языка, выражаемая часть сложного значения основана, по Пранди, на содержании слов и выражений и соответствующем ему точечном кодировании. Точечное кодирование может иметь различные степени: полное кодирование, неполное кодирование и избыточное кодирование. Полное кодирование соответствует ситуации, когда лексическое значение слова является его значением в сообщении. Неполное кодирование – это ситуация, когда значение слова в сообщении должно быть получено с помощью процесса вывода (например, значение предлога *with* (с) в *to cut the cake with the knife* (резать торт ножом, буквально с ножом) и *to play with friends* (играть с друзьями)). Избыточное кодирование – это кодирование одной и той же информации более чем один раз: например, кодирование информации о направлении движения в предлоге и глаголе. Можно заметить, что противопоставление пол-

ного и неполного кодирования внутренне противоречиво по тем же причинам, что и противопоставление буквальной и небуквальной интерпретации.

В этой же главе содержится декларация сути предлагаемого подхода к языку – философской грамматики. Это определенный способ анализа сложных значений, центральным для которого является вопрос о взаимодействии формы и содержания и условиях осмысленности. Языковые значения не являются ни результатом наложения формальных структур на бесформенное содержание, ни результатом выражения автономно от языка существующих концептуальных структур, а результатом взаимодействия формальных и концептуальных структур.

В г л а в е 4 анализируются условия осмысленности языковых выражений. Анализ условий осмысленности позволяет вскрыть наивную онтологию, лежащую в основе языковой семантики. Условия осмысленности в нормальном случае не осознаются говорящими, хотя некоторые ситуации заставляют их осознать. Так, можно себе представить взрослого, объясняющего ребенку, что дерево, когда его пилят, не чувствует боли, и потому невозможно сказать, что досочке больно. Небуквально интерпретируемые высказывания также могут заставить осознать критерии осмысленности.

Критерии осмысленности можно рассматривать, во-первых, как независимые от языка ограничения на комбинацию концептов и в качестве таковых влияющие на языковые структуры и, во-вторых, как ограничения на языковую сочетаемость, лишь частично обусловленные внеязыковой реальностью. Согласно Пранди, ни то, ни другое представление не является полностью правильным, вследствие того, что критерии осмысленности могут быть определены независимо от языка и затем рассматриваться как априорные условия на правильность языковых выражений. В лингвистике существует несколько традиций анализа критериев осмысленности. Существует традиция дистрибутивного анализа, представленная работами [Harris 1946] и [Wells 1947]. В этой традиции критерии осмысленности анализируются на основе совместной встречаемости слов в одном контексте и попадания/непопадания в один и тот же дистрибутивный класс. После того, как выделены крупные дистрибутивные, то есть грамматические, классы, дистрибутивный анализ позволяет выделить более мелкие классы, принадлежность к которым мотивируется как синтаксически, так и семантически.

В традиции порождающей грамматики основное внимание критериям осмысленности уделялось Хомским [Chomsky 1957], противопо-

поставившим синтаксически правильные, но не удовлетворяющие критериям осмысленности выражения (*Colorless green ideas sleep furiously* 'Бесцветные зеленые идеи яростно спят'), синтаксически неправильным предложениям (*Furiously sleep ideas green colorless* 'Бешено зеленые идеи бесцветные спят'). Чтобы описать селективные признаки (selection restrictions), вводятся, кроме деления на синтаксические категории, такие семантические категории, как абстрактный/конкретный, живой/неживой (animate/inanimate), человек/не человек (human/nonhuman), а также семантико-синтаксические категории, характеризующие управление глаголов.

В когнитивной семантике селективные признаки определяются, как правило, как ограничения на совместную встречаемость языковых единиц, налагаемые на их означаемые – составляющие сложных значений – структурой прототипических схем (schemata) действий и событий, известных носителя языка из опыта.

Глава 5 посвящена структуре наивной онтологии. Автор считает, что наивная онтология дана нам в опыте. Такие онтологические категории, как абстрактное/конкретное, живое/неживое, человеческое/нечеловеческое, согласно Пранди, не лингвоспецифичны. В том, что касается категорий живое/неживое и человеческое/нечеловеческое наивная онтология носителя английского языка устроена иначе, чем онтология носителя русского языка: в английском языке о животных, если они не персонафицируются в специальном контексте, надо говорить *it* (это), а не *he/she* (он/она). (В русском языке животные попадают в ту же категорию, что и люди – живое.) Пранди отмечает, что имеет смысл исследовать вопрос о том, в какой степени наивная онтология связана с грамматическими структурами.

Скелет наивной онтологии включает следующие классы: индивиды (individuals) и классы индивидов, вещества и представители класса веществ (masses and instances of masses), а также процессы и свойства, места в которых могут замещать члены предьдущих категорий. Свидетельством в пользу того, что онтологические категории связаны с грамматическими структурами, является тот факт, что деление на онтологические категории частично совпадает с делением на части речи. С функциональной точки зрения, выражение процессов и свойств существительными является языковым средством помещения их в топикальную позицию. Каждая онтологическая категория имеет онтологически определенное ядро денотатов и онтологически размытую, негомогенную периферию.

Задачей реляционного компонента наивной онтологии является определить, как процессы и свойства сочетаются с индивидами и

веществами, входящими в процессы в качестве составляющих ролей, в результате чего формируются предложения.

В главе 6 обсуждается природа лексической информации и селективных признаков. Общепринятая (отражаемая учебниками по семантике) точка зрения состоит в том, что селективные признаки – это семантические структуры. Заявление о семантической природе селективных признаков имеет не совсем ясный смысл, пока не уточнена природа лексикона и семантических фактов/концептов. Под семантическими фактами могут пониматься факты двойкой природы: когнитивные универсалии, независимые от границ конкретной речевой общности, и некоторые конкретно-языковые конфигурации. Автор считает, что важная функциональная информация чаще бывает универсальной.

Концептуальное содержание слова и его значимость в сосюровском смысле определяется на основе парадигматических и синтагматических оппозиций в результате процедуры, напоминающей фонологический анализ. Идея внутрисистемной значимости языковых единиц может быть развита в двух направлениях. Во-первых, можно попытаться определить замкнутое множество лексем, близких по смыслу к описываемой лексеме (лексическое поле). Во-вторых, лексические отношения (антонимия, синонимия, конверсия и гипо-/гиперонимия), в которые вступают лексемы, принадлежащие лексическому полю, выходят за пределы поля и существенны для описания семантики лексем внутри поля. Лексические поля, как и сами лексемы, могут вступать друг с другом в парадигматические отношения (более высокого порядка).

Кроме парадигматических, лексемы вступают в синтагматические отношения, называемые лексическими солидарностями, например, в парах собака – лаять, лев – рычать, кошка – мяукать. Лексические солидарности, как и лексические поля, могут вступать друг с другом в отношения парадигматической оппозиции.

При определении значения лексемы анализируются дифференциальные отношения этой лексемы с близкими по смыслу лексемами. Критерием важности некоторого концептуального различия является его формальное выражение. Этот постулат впервые был сформулирован Ельмслевым [Hjelmslev 1943] и назван коммутацией плана содержания и плана выражения. Тот факт, что между лексемами существуют корреляции в плане выражения, является основанием для выделения смысло-различительных атомов в плане содержания. Эта основная предпосылка компонентного анализа включает несколько сопутствующих

предпосылок, которые можно проверить. Первая из них состоит в том, что возможность компонентного анализа принимается как аксиома для лексем всех лексических полей. Вторая предпосылка сводится, по Пранди, к тому, что описание значения лексемы содержит лишь пучок различительных признаков, отличающих ее от близких лексем. Первая предпосылка неверна, согласно Пранди, потому что кроме таких полей, как *sheep* (овца без дифференциации по полу), *ram* (баран) и *ewe* (овца женского пола), где имеется гипероним и гипонимы, каждый из которых соответствует одному из значений ясно сформулированного дифференциального признака, имеются "плохо" организованные поля. Например, тройка глаголов *breathe* (дышать), *drink* (пить) и *eat* (есть), обозначающих процессы, без которых человек не может жить. В этом поле отсутствует лексема-гипероним и трудно описать смысловые оппозиции между членами поля. Можно возразить, что если значения слов противопоставляются более чем по одному ясно просматриваемому признаку, это еще не значит, что между ними нельзя усмотреть смысловые оппозиции.

Рассматривая вторую предпосылку компонентного анализа – отождествление толкования/определения значения и дифференциальных признаков, Пранди делит значения на эндоцентрические и экзоцентрические. К сожалению, природа этого противопоставления остается не вполне ясной. Экзоцентрические концепты, как их определяет автор – это концепты, данные нам не только в языке, но и во внеязыковом опыте. Такие концепты могут получать дифференциальные определения, а также субстантивные (*substantive*) определения, описывающие значение в позитивном отношении. Эндоцентрические концепты даны нам в языковом опыте и поддаются лишь дифференциальному толкованию. Существует, таким образом, три вида определений значения: дифференциальные и субстантивные определения экзоцентрических концептов и дифференциальные определения эндоцентрических концептов. В качестве примера дифференциальных толкований экзоцентрических концептов приводятся данные в работе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1988] толкования английских слов *pebble* (камушек, галька), *stone* (камень) и *rock* (крупный камень, скала). Остается неясным, в каком смысле концепты, соответствующие этим трем английским словам, не имеющие точных аналогов, например, в русском языке, являются экзоцентрическими, то есть данными нам во внеязыковом опыте. Вероятно, имеется в виду, что все три слова обозначают предметы.

При описании имен естественных родов (*natural kinds*), согласно Пранди, часто приходится обращаться к субстантивному типу описания значения из-за того, что эти имена не образуют пар, соответствующих прозрачным бинарным оппозициям. Признавая, что смысловоразличительными для слова *carrot* 'морковь' являются признаки цвета и формы, Пранди, из-за того, что не существует овоща, отдельно противопоставленного моркови по цвету и отдельно по форме, делает вывод о необходимости обратиться к внеязыковому опыту, чтобы установить значимость этих признаков. Это понимается как указание на то, что концепт экзоцентрический. Можно возразить, что существует много названий овощей, значения которых противопоставлены значению слова *carrot* одновременно по форме и цвету. Если говорить о противопоставлении предметов, а значений обозначающих их слов и рассматривать семантически сложные признаки, логические основания для противопоставления дифференциальных и субстантивных толкований снимаются.

Определения, данные в книге [Lehrer 1974], гипонимам слова *kill* 'убивать' рассматриваются как дифференциальные определения эндоцентрических концептов.

Вопросы лексической семантики являются для Пранди вспомогательными, так как он интересуется не семантикой, а ее функцией в том виде, как ее сформулировал Ч. Филмор [Fillmore 1977]: определить тот вклад, который каждая лексема вносит в интерпретацию текста.

Определяя природу лексических концептов, Пранди цитирует Ю.Д. Апресяна [Apresjan 1992: 141]: "задача лексикографа, если он не хочет превратиться в энциклопедиста, состоит в открытии наивной картины мира, скрытой в лексических значениях и представлении ее в толкованиях".

В главе 7 рассматривается вопрос о том, чем являются критерии осмысленности: ограничениями на лексическую сочетаемость, подобными лексическим солидарностям, или когнитивными структурами. Различие между критериями осмысленности и лексическими солидарностями состоит в том, что первые обеспечивают семантическую правильность сложных значений, а вторые могут нарушаться без нарушения семантической правильности (*карие волосы, *лев мяукает).

В главе 8 критерии осмысленности рассматриваются как пресуппозиции. Пресуппозициями критерии осмысленности являются в том смысле, что, как истинность пресуппозиции, выполнение критерия осмысленности является необходимым условием семантической правильности языкового выражения. Пресуп-

позицией высказывания *Я одолжу тебе велосипед* является 'у меня есть велосипед'. Ответы на вопрос сохраняют его пресуппозицию [Ducrot 1972].

Основное пресуппозициональное отношение, по Пранди, существует между человеком и пропозицией, истинность которой он принимает. Для того, чтобы пресуппозиция выполняла свою функцию, необходимо, по Пранди, чтобы пресуппозиции говорящего разделялись слушающим. Пресуппозиции говорящего в речевом акте, называемые прагматическими, и пресуппозиции языковых структур имеют разную природу, и ограничения на их разделение в эффективном общении разные.

Пранди выделяет два слоя пресуппозиций: дискурсивные и естественные пресуппозиции человеческого поведения. В высказывании *Я одолжу тебе велосипед* дискурсивной пресуппозицией является 'у меня есть велосипед', а естественной пресуппозицией тот факт, что адресат является человеком.

Языковым выражением критериев осмысленности является множество пропозиций, таких, как 'кусочек дерева не может испытывать боль и говорить', 'можно обращаться только к одушевленному объекту'. Поскольку критерии осмысленности в нормальном случае не осознаются, их экспликация является нетривиальной задачей [Husserl 1901].

В главах с девятой по двенадцатую рассматриваются представления сложных значений, соответствующих простому и сложному предложению, и интерпретация тропов.

В главе 9 рассматривается простой процесс. Ядро процесса, по Пранди, образовано предикатом и его обязательными аргументами, которые нельзя опустить, оставив предложение правильным. Существует периферийная часть процесса, образованная необязательными аргументами. Какова граница между ядром процесса и синтаксически необязательными аргументами, остается неясным. Согласно Пранди, роли, которые могут быть выражены за пределами предложения, являются периферийными. Однако даже субъект действия, и это отмечается, при пассивизации предложения перестает быть синтаксически обязательным. Обязательные роли могут быть не выражены при эллипсисе. Пранди как будто разделяет тот взгляд, что набор ролей определяется анализом ситуации. С этой точки зрения, некоторые обязательные роли могут не выражаться по синтаксическим причинам: **красить стену кисточкой краской*.

Рассматривая предлоги, Пранди отмечает, что предлог может быть чисто грамматическим словом или словом с полноценным лексическим значением. В первом случае предлог

контролируется глаголом и выполняет формальную функцию – кодирует семантически пустое отношение между глаголом и дополнением. Согласно Пранди, обычно даже в этом случае предлог можно выбрать из нескольких возможных. Смена предлога соответствует смене модели управления и значения глагола. Когда предлог обладает полноценным лексическим значением, предлог выбирается независимо от предиката и определяет роль предложного дополнения. Предлогам первого типа соответствует реляционное кодирование, а второго – точечное.

Примером реляционного кодирования является дополнение глагола *comply* (удовлетворять требованиям), присоединяемое предлогом *with* (с): *New cars must comply with high standards* 'Новые машины должны удовлетворять высоким стандартам'. Пранди считает, вразрез с принятой точкой зрения, что предложное дополнение здесь можно считать вариантом прямого дополнения, поскольку оно связано с глаголом. В случае точечного кодирования, используемого при выражении пространственных и инструментальных дополнений, выбор предлога [например, выбор между *in* (в), *near* (около), *in front of* (перед)] обуславливается его лексическим значением.

Две роли – место при глаголах состояния и цель направленного движения – принадлежат, согласно Пранди, ядру процесса, ведут себя как периферийные. Автор считает, что эти роли, будучи не определенными в предложении, ощущаются как недосказанность, то есть принадлежат ядру процесса. С точки зрения кодирования, место и цель движения являются сирконстантами – они выражаются с помощью тех же предлогов, что и другие пространственные обстоятельства. Роли – места и цели, по Пранди, принадлежат ядру процесса, но лежат за пределами функционального ядра. Говорить о статусе роли места при глаголах состояния и цели движения вообще невозможно: при разных предикатах эти роли имеют разный статус.

Некоторые периферийные, по Пранди, роли – инструмент, второго агента (*coreformer*), реципиента и цель действия за пределы предложения в английском языке вынести нельзя. Правильно *Don cut the firewood with an axe; with William; for John; for cooking meat* (Дон рубил дрова топором; с Вильямом; для Джона; чтобы готовить мясо), неправильно *Don cut the firewood. *He did it with an axe; with William; for John; for cooking meat* (Дон рубил дрова. Он делал это топором; с Вильямом; для Джона; чтобы готовить мясо). Представляется, что степень недопустимости этих предложений в английском языке, как и в русском, различается (хуже всего – первое, остальные являются вполне до-

пустимыми), что отражает разный статус ролей. Роль реципиента в процессе 'рубить' имеет иной статус, чем в 'дарить'.

В главе 10 рассматриваются связи между простыми предложениями в сложном – соединении двух или более простых процессов в сложный процесс. Выражение связей между простыми процессами в сложном возможно с помощью разных средств. "Мост" между простыми процессами может находиться внутри предложения или за его пределами. Например, в паре предложений *The fields are green. It rained heavily* (Поля зеленые. Шел сильный дождь) с помощью соединяющего вывода выражается та же концептуальная связь, что и в предложении *The fields are green because it rained heavily* (Поля зеленые, потому что шел сильный дождь). Возможность соединяющего вывода такого типа в устной речи поддерживается особой интонацией, объединяющей оба предложения, но не обуславливается ею целиком, поскольку при чтении объединяющий вывод тоже возможен.

Анализируя сложный процесс, Пранди противопоставляет причину и мотив действия. Хотя причина и мотив действия могут выражаться с помощью одного и того же предлога *because* (потому что), мотив характеризует человеческие действия, а причины – происходящие в мире события, по отношению к которым человек выступает зрителем. Причина находится в прошлом по отношению к событию, а мотив может совпадать по времени с действием или находиться в будущем: *I took the umbrella because it was going to rain* (Я взял зонтик, потому что собирался дождь). В этом примере мотивом действия является не дождь, а тот факт, что субъект хотел его избежать, и, значит, мотив предшествует действию. Может ли мотив (или цель) предшествовать действию, в принципе кажется неясным: если рассматривать как мотив не положение вещей, которое может находиться в будущем и обуславливает действия субъекта, а то, чего хочет субъект, мотив всегда может рассматриваться как предшествующий действию.

С смысловой точки зрения естественно считать, что причина является родовым понятием по отношению к мотиву.

Пранди отмечает, что только причина, но не мотив действия может вводиться с помощью *it happened* (это произошло). Правильно *The house caught fire. It happened because there was a short-circuit* (Дом загорелся. Это произошло, потому что случилось короткое замыкание), но не *Mark bought a new car. *It happened because the old one was damaged* (Марк купил новую машину. *Это произошло, потому что старая сломалась).

В главе 11 описываются тропы – оксюморон, метафора, метонимия и синекдоха – с точки зрения критериев осмысленности. Тропы представляют собой конфликтующие значения, неосмысленные при буквальной интерпретации, которые требуют специальных стратегий интерпретации. Автор считает, что при интерпретации метафоры конфликт между значениями не снимается, а участвует в интерпретации, а при интерпретации метонимии это не так: конфликт между значениями исчезает, когда в семантическое представление языкового выражения, содержащего метонимию, подставляется парафраз метонимии. В некоторых случаях возможно несколько конкурирующих интерпретаций. В предложении *They sleep, the mountain peaks* (Они спят, горные вершины) *the mountain peaks* "горные вершины" может пониматься как метонимия, согласно Пранди, и обозначать людей, живущих на вершинах гор. В этом маловероятном случае не возникает нарушения критериев осмысленности и конфликт между значениями разрешается. Если же *they sleep, the mountain peaks* интерпретируется как метафора, что поддерживается контекстом, конфликт между значениями не разрешается.

Автор предлагает типологию конфликтующих значений. В этой типологии противопоставление оксюморона другим тропам метафоре, метонимии и синекдохе основано на противопоставлении противоречия (*contradiction*) нарушению критериев осмысленности. Оксюморон соответствует противоречию, а метафора, метонимия и синекдоха – нарушению критериев осмысленности. Противоречие, лежащее в основе оксюморона (например, *Этот камень горячий и холодный*) основано на парадигматических оппозициях входящих в него лексем, имеющих взаимоисключающие смыслы, и становится явным при экспликации этих смыслов. Метафора, метонимия и синекдоха основаны на противоречии на уровне пресуппозиций, которое ощущается как нарушение критериев осмысленности. Если про горы говорится, что они спят, то нарушается пресуппозиция одушевленности субъекта, соответствующая глаголу *сnamb*. Для метафоры *the moon smiles* (луна улыбается) Пранди эксплицирует эту нарушенную пресуппозицию следующим образом: луна, которая не человеческое существо, улыбается, что имеет пресуппозицию, что субъект – человеческое существо.

Рассматривается дистрибуция метафоры, метонимии и синекдохы по разным конструкциям. Метафоре, с одной стороны, и метонимии и синекдохе, с другой стороны, соответствуют разные предпочтительные способы выражения. Метонимия и синекдоха, по Пранди,

выражаются в английском языке предложениями структуры *A is B* (где *A* – замещаемое значение, а *B* – замещающее) или посредством выражения *B*, при опущенном члене *A*. В действительности, выражение метонимии и синекдохи предложениями структуры *A is B* крайне нехарактерно. Из-за того, что метонимии и синекдохе соответствуют регулярные модели переноса, член *A* может и обычно отсутствует в предложении.

Метафора может выражаться разными грамматическими средствами (для английского языка подробно описанными в книге [Brooke-Rose 1958]), из которых Пранди подробно рассматривает глагольную метафору. Возвращаясь к метафоре *they sleep, the mountain peaks*, автор утверждает, что возможны две ее интерпретации. Первая из них состоит в том, что горы находятся в состоянии, которое рассматривается как состояние, похожее на обозначаемое глаголом *sleep*. Вторая интерпретация состоит в том, что горы рассматриваются как нечто одушевленное, и об этом одушевленном объекте утверждается, что он спит. Представляется, что две эти интерпретации являются, в сущности, одной, потому что при метафоре такого рода один процесс проецируется на другой, включая роль субъекта. Возможна проекция других ролей, хотя автор не отмечает этого. Например, в английской метафоре *to build meaning with blocks of words* (строить значение из кубиков слов) на некоторый процесс, языковое выражение которого отсутствует в тексте, проецируется процесс ‘строить’, и, вследствие этого, слова уподобляются кубикам. Генетивную метафору *the blocks of meaning* интерпретировать можно, если знать, что кубики являются материалом в процессе ‘строить’. В другом месте, противопоставляя реляционную [*the colour of my dreams* (цвет моих снов)] и точечную [*this girl is a nightingale* (эта девушка – соловей)] метафору, Пранди признает, что сеть отношений, соответствующая реляционной метафоре, переносится из одной области на другую.

Говоря о возможных интерпретациях метафоры, Пранди утверждает, что метафора не есть аналогия, потому что не всегда ясно, что является основанием аналогии. С другой стороны, говоря, что один объект рассматривается (*is seen*) как другой или проецируется на другой, автор признает, что между ними усматривается аналогия. Ссылаясь на [Richards 1936], Пранди признает, что вопрос об основаниях для аналогии может быть открыт и решаться по-своему каждым слушающим. Однако для того, чтобы интерпретировать метафору, нужно предположить, каковы могут быть эти основания (почему о горах говорится, что они

спят), в противном случае метафора остается несмысленным выражением. Возможно, такая гипотеза не является разрешением конфликта между значениями (конфликтующие значения по-прежнему присутствуют в сознании говорящего), однако неясно, как представлять конфликт между значениями, и автор не предлагает решения этого вопроса. Гипотеза о возможных основаниях аналогии или проецирования одного значения на другое в метафоре может поддерживаться грамматической формой метафоры.

В главе 12 содержатся заключительные замечания. Целью рецензируемой книги является не столько эмпирическая работа, сколько уяснение и формулировка условий на выражение и конструирование значений и взаимодействие между этими двумя процессами. Задачей эмпирического анализа остается описание того, как значения, выражаемые лексическими и грамматическими структурами, взаимодействуют между собой и с процессом вывода в различных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Apresjan 1992 – Yu.D. Apresjan. Lexical semantics. Ann Arbor, 1992.
- Brooke-Rose 1958 – C. Brooke-Rose. A grammar of metaphor. London, 1958.
- Bühler 1934 – K. Bühler. Sprachtheorie. Jena, 1934.
- Chomsky 1957 – N. Chomsky. Syntactic structures. The Hague; Paris, 1957.
- Ducrot 1972 – O. Ducrot. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
- Fillmore 1977 – Ch. Fillmore. Topics in lexical semantics // R.W. Cole (ed.). Current issues in linguistic theory. Bloomington, 1977.
- Harris 1946 – Z. Harris. From morpheme to utterance. Language. V. 22. 1946.
- Hjelmslev 1943 – L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. Madison, 1943.
- Husserl 1901 – E. Husserl. Logical investigations. London, 1901.
- Lehrer 1974 – A. Lehrer. Semantic fields and lexical structure. Amsterdam, 1974.
- Richards 1936 – I.A. Richards. The philosophy of rhetoric. Oxford, 1936.
- Sperber, Wilson 1986 – D. Sperber, D. Wilson. Relevance. Communication and cognition. Oxford, 1986.
- Wells 1947 – R. Wells. Immediate constituents. Language. V. 23. 1947.
- Wierzbicka 1988 – A. Wierzbicka. The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

Австронезийская (далее АН) семья является по числу входящих в нее языков крупнейшей среди общепризнанных в современной лингвистике языковых семей. Научным исследованием АН языков занимаются уже не одно столетие, и в настоящее время эта семья сравнительно хорошо изучена. Очередным вкладом в исследование АН языков стал рецензируемый сборник. Эта книга включает 12 статей, предметом которых является морфология (чаще историческая) более или менее обширных групп языков в данной семье, а в одном случае (статья Р. Бласта) – историческая морфология семьи в целом. Сборник посвящен Б. Бендеру, чьи крупнейшие научные заслуги связаны с исследованием микронезийских языков. При этом книга в большой мере отражает интересы современных австронезистов-морфологов – особенно в плане изучения восточно-малайско-полинезийских языков, в первую очередь океанийских.

В предлагаемом обзоре работ сборника особое внимание хотелось бы уделить самой длинной статье (почти 60 страниц), открывающей основную часть и принадлежащей одному из виднейших австронезистов нашего времени – Роберту Бласту, тем более, что данная работа – единственная в сборнике, имеющая общеавстронезийскую направленность. Бласт правильно отмечает, что “проблемы лингвистического анализа могут иногда оказываться неразрешимыми, если мы не принимаем в учет связанные с ними особенности неязыковой культуры” (с. 42). Соответственно, статья Бласта посвящена анализу одного важного (хотя и не преобладающего) компонента лексики АН языков с точки зрения их связей с культурой говорящих на них народов.

В большинстве АН языков основная часть непроизводных знаменательных слов является двусложными. Однако во многих языках данной семьи имеются и более длинные, казалось бы, непроизводные и несложные слова, содержащие 3-4 слога, а иногда и еще больше; ср. в тагальском языке ‘(крупная) бабочка’ – *aliparó* и характерное для этого языка двусложное непроизводное *dugó* ‘кровь’. Продуктивного префикса *ali-* в тагальском языке нет – равно как нет и основания считать, что такой префикс или комбинация префиксов существовали в недалеком прошлом (детальное описание тагальской морфологии см. в [Шкарбан 1995]).

Бласт считает, что тагальское *aliparó* и аналогичные слова других АН языков включают следы полностью фоссилизированного префикса, реконструируемого им как **qali-/kali-*, но

имеющего ныне десятки алломорфов. Само явление многочисленности алломорфов автор называет гипералломорфией, признавая при этом, что оно составляет известную проблему и для общего языкознания (с. 33). Бласт пробует рассматривать **qali-/kali-* как последовательность двух односложных префиксов, но отвергает такое представление как не находящее достаточной поддержки в языковом материале. Далее он признает, что для объяснения гипералломорфии необходимо рассмотреть значения слов, в которых представлены алломорфы данного префикса. Оказывается, эти алломорфы встречаются главным образом в словах нескольких лексико-семантических категорий:

(А) названия разных насекомых и ползающих животных, в основном отдельных их видов (обобщающие слова типа ‘муравей’, ‘змея’ не имеют следов префикса **qali-/kali-*; исключением является слово ‘бабочка’). Предполагаемый префикс особенно часто прослеживается в названиях фосфоресцирующих животных – летающих светлячков, светящихся стоножек и т.д. Префикса, как правило, нет в названиях мелких животных, имеющих экономическое значение (положительное или отрицательное) или часто проникающих в жилище:

(Б) названия нежелательных или необычных природных явлений вроде смерча или радуги. Префикса **qali-/kali-* нет в словах, именующих вполне обыкновенные природные явления, например, ‘ветер’, ‘дождь’.

Бласт считает, что в результате основанного преимущественно на случайном сходстве процесса, названного им “семантическим заражением” (semantic contagion) реконструируемый им префикс распространился на названия некоторых частей тела, разных птиц и рыб, многих растений и т.д., но ставит вопрос: что общего между объектами, чьи названия включают рассматриваемый префикс? На первый взгляд, признает Бласт, ничего общего нет. Однако он считает вероятным, что **qali-/kali-* употреблялся преимущественно в названиях предметов, существ и явлений, которые казались древним австронезийцам связанными с миром духов.

Такое объяснение возможно, но трудно доказуемо. Следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, так называемое семантическое заражение, видимо, повторялось многократно (Бласт это признает, но выводов не делает). Конкретные формы префикса при этом не учитываются – быть может, разные алломорфы характерны для разных

групп языков? Во-вторых, некоторые, и вероятно довольно многие, слова с предполагаемыми Блостом рефлексами **qali-/kali-*, несомненно, допускают и другую этимологию (что допускает и автор статьи, хотя кажется, только в сноске, с. 49): например, паиван *ma-ru-* 'той же величины', сангир *mahɔ(N)-* 'сходный с'. Из префиксов, встречаемых главным образом в названиях растений, можно отметить болаангмонгдоу *mogo-* (как и сангир *mahɔ(N)-*). Малайское слово *mɔɔ-limau*, явно понимаемое как 'псевдо-цитрус' (ср. *limau* 'лимон'), называет разные деревья, имеющие какое-нибудь – порою весьма поверхностное – сходство с деревом Citrus. В-третьих, хотя Бласт выразил сомнение в том, стоит ли использовать названия растений в качестве аргументов в пользу **qali-/kali-*, несомненно, что ядовитая флора, а также лекарственные растения могли бы рассматриваться как обладающие волшебной силой. Например, в доисламском бугийском эпическом цикле "Ла Галиго" (о Сулавеси) сын Бога-Творца, спускаясь с неба на землю, бросает на ее поверхность некоторые растения, благодаря чему возникают реки, леса и животные – и земля становится годной для жизни будущих людей. Правда, многие префиксы в названиях растений, как кажется, не происходят из **qali-/kali-*. В-четвертых, несколько удивительным кажется отношение Блоста к классификации АН языков. Так, в [Blust 1999] он высказался за отказ от предложенного им еще в 1977 г. понятия "западных малайско-полинезийских языков" (включавших языки Филиппин, западных и центральных частей Индонезии, АН областей материковой Юго-Восточной Азии и Мадагаскара). Данный отказ понятен, поскольку уже давно стало ясно, что "западные малайско-полинезийские языки" не выполняют требований, предъявляемых группе в генеалогической классификации. Но в рецензируемой статье Бласт вновь говорит о западно-малайско-полинезийской реконструкции (разъяснений не дается) – правда, согласно сноске на с. 15 статья основана на докладе, прочитанном Блостом еще в 1983 г., хотя и указывается, что его текст был основательно переработан. Так или иначе, несмотря на учет ряда материалов, ставших доступными только в последние годы, на фоне быстро развивающейся австронезистики статья производит впечатление уже несколько устаревшей.

В ряде статей сборника рассматривается выражение принадлежности в АН языках. В языках восточной половины семьи (практически всюду в языках Тихого океана, а также во многих языках Восточной Индонезии) в именной группе проводится различие между отторжимой и неотторжимой принадлежностью. В

таких языках, за исключением полинезийских, неотторжимая принадлежность с местоименным зависимым выражает посессивной местоименной морфемой, которая присоединяется к вершине группы. При выражении отторжимой принадлежности эта морфема присоединяется, однако, к посессивному классификатору, рядом с которым ставится имя со значением объекта обладания; ср. (стандартный) фиджийский *na yava-mi* 'твоя нога' (неотторжимая принадлежность; *na* – артикль) и *na ke-mi mandrai* 'твой хлеб' (*ke-* – классификатор, относящийся в основном к еде). Кроме того, разные авторы высказывали мнение, что в праокеанийском существовало несколько конструкций, выбор которых зависел от того, был ли посессор референтным (specific) или нереферентным и была ли принадлежность отторжимой или неотторжимой.

Обобщающая таблица соответствующих грамматических структур, составленная на основе реконструкций других исследователей, приводится в статье М. Росса (с. 261). Главной темой его работы является этимология нескольких служебных морфем, встречаемых в подобных конструкциях, и суффикса **-ki*, образующего самостоятельную – "обобщающую" – форму существительных, обычно указывающих на объект неотторжимого обладания; ср. в амбаэ (северная часть архипелага Вануату) *vulu-* 'волосы (чьи-то)' и *vuluki* 'волосы (вообще)' (заметим, что обобщающие формы имеются не во всех языках, различающих типы обладания; так, в некоторых языках вместо 'волосы (вообще)' говорится 'чьи-то волосы' и т.п.).

Во многих АН языках системе выражения принадлежности были свойственны особые пути развития, чему посвящены ряд статей сборника. Так, Дж. Линч и Т. Кроули в своих статьях рассматривают эволюцию посессивных классификаторов (Кроули – также местоименных морфем) в некоторых языках южного Вануату. В работе К. Рега обсуждаются особые черты посессивных парадигм в микронезийском языке понпе (Pohnpeian), где происходит тонкое взаимодействие между формой местоименных притяжательных суффиксов (которая различается в зависимости от того, оканчивается ли основа слова на гласный или согласный) и выбором гласной в корне.

Следует заметить, что аналогичные, но нередко более глубокие и более распространенные изменения гласных имеют место и в других микронезийских языках, а варьирование формы притяжательных местоименных показателей наблюдается и вдали от этого ареала, в частности, в центрально-кордильерской подгруппе на о. Лусон (Филиппины). Например, в языке бонток местоименный суффикс (или эн-

клитика) 2 лица единственного числа звучит в зависимости от того, является ли предыдущий звук гласным или согласным как *-mi* или *-m*; ср. *abuŋ-mi* 'твой дом' и *asu-m* 'твоя собака'. Рассмотрение подобных местоименных показателей в бонток и некоторых других языках о. Лусон – тема статьи Л. Рейда, который считает, что указанное формальное варьирование распространилось и на некоторые формы глагола (где те же морфемы указывают на агентов): бонток *'i-wasit-mi* 'ты выбрасываешь', *dalus-a-m* 'ты чистишь'.

Лично-местоименные морфемы, указывающие на агенса, но предшествующие основе глагола, имеются во многих других АН языках. Объектом исследования в статье Дж. Брэдшоу является ябем, один из АН языков Новой Гвинеи, где некоторые из этих морфем различают также реалис и ирреалис, а другие (множественное число) – нет. Брэдшоу показывает, как ябем "борется" с этим недостатком в своей структуре – несомненно, возникшим относительно недавно.

В отдельных языках семьи перед "чистой основой" глагола могут ставиться не только лично-местоименные морфемы, но и некоторые существительные – личные имена, слова обращения и т. п. – а иногда даже и их сочетания. Например, индонезийский язык (с лингвистической точки зрения – один из вариантов малайского) допускает конструкцию типа следующей (где существительное или группа существительных указывает на агенса):

yang telah Bung Kelinci
 которого уже старший.брат кролик
tinju
 бить.кулаками
 'которого ты, брат Кролик, уже бил
 кулаками'

Данное явление в сборнике исследуется индонезийским лингвистом Варуно Махди.

В статье Ш. Хэррисона рассматривается гласный *-i* в непереходных глаголах микронезийского языка кирибати (гильбертский, *Gilbertese*). Хэррисон считает, что в древнем микронезийском этот суффикс, исконно свойственный только переходным глаголам, распространился также на непереходные глаголы, но затем в большинстве языков микронезийской группы отпал подобно многим другим гласным в конце слова.

Тема глагольной суффиксации продолжается в статье Э. Поли, где обсуждается развитие суффикса *-Cia* (С – практически любой согласный) в полинезийских языках. Функции форм с этим суффиксом неодинаковы; чаще всего, это, по-видимому, пассив и императив (между прочим, во многих других АН языках в императиве тоже употребляются пассивные формы). Автор показывает, что согласный суф-

фикса происходит из конечного согласного основы, но после потери конечных согласных в восточно-океанийском праязыке (предке праполинезийского) между основами глаголов имели место значительные взаимовлияния, так что теперь варианты *-Cia* (*-tia*, *-mia* и др.) часто уже этимологически необъяснимы. Что касается элемента *-i* в *-Cia*, то как считает Поли, он продолжает праокеанийский суффикс переходности **-i*. Наиболее загадочным оказывается происхождение конечной гласной. Поли вводит в рассмотрение восточно-океанийские языки, более архаичные в этом отношении (ароси и др.), и выражает мнение, что праполинезийское **-a* происходит из такого же правосточно-океанийского суффикса, служившего для образования пассивных причастий и/или статических глаголов с подобным значением. Ср. в правосточно-океанийском **matakut(i)* 'бояться' (непереходный) – **matakut-i* 'бояться (кого-либо или чего-либо)' (переходный) – **matakut-i-a* 'такой (или: быть таким), которого бояться'. В дальнейшем, на пути к праполинезийскому в форме **matakutia* произошло переразложение.

Важной чертой строя АН языков является редупликация, которая, выполняя разные семантические и синтаксические функции, выступает почти всюду в более чем одной форме. (Краткий обзор моделей редупликации, наблюдаемой в языках Западной Индонезии можно найти в статье [Сирк 1980]; при рассмотрении всей семьи предлагаемый там список приходится несколько расширить.) Этот аспект австронезийской морфологии отражен в статье В. Шперлиха, посвященной функциям двух моделей редупликации в полинезийском языке ниуэ (причем выводы данной работы касаются и других полинезийских языков).

Особый вопрос, возникающий при изучении АН морфологии, связан с трудностями применения понятия морфемы к некоторым языкам семьи, в частности, к языкам филиппинского типа (см., например, обсуждение в книге [Prentice 1971], посвященной описанию языков мурутской группы Северного Борнео; об основных характеристиках филиппинского типа см., в частности [Ландер 2005]). В рецензируемый сборник входит статья Ф. Лихтенберка, обсуждающая морфологический статус тематических согласных (появляющихся в конце основы перед суффиксом) в двух океанийских языках, которые по грамматическому строю далеки от филиппинского типа. Автор приводит аргументы за то, что тематический согласный в данных языках следует рассматривать как отдельную морфему. Ср. в манам *logori* 'слышать его/ее/это', делимое Лихтенберком как *logo-r-i*, где *-i* – суффикс 3 лица, а

основа – *loŋo*, восходящая к праАН **dəŋəŋ* ‘слышать’. В статье подчеркивается точка зрения, согласно которой в данной ситуации мы имеем дело с морфемой особого типа – семантически пустым морфем, который, по Лихтенберку, не обязательно является знаком. Несмотря на то, что тематический согласный семантически пуст, во многих случаях он, как отмечает автор, обнаруживает некоторые семантические ассоциации. Аналогичные явления наблюдаются во многих океанийских языках, да и в некоторых неокееанских языках АН семьи, которые потеряли согласный в конце слова, но сохраняют тематический согласный перед суффиксом или энклитикой.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на немалый разброс тем, обнаруживаемый в сборнике, почти все они объединяются вокруг определенных явлений, характеризующих АН семью – посессивных конструкций, местоименных показателей, суффиксов переходности. Эти явления, несомненно, принадлежат к областям, центральным для грамматики любого языка. А значит, можно надеяться, сборник будет интересен не только австроне-

зистам, но и типологам и компаративистам широкого профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ландер 2005 – Ю.А. Ландер. [Рец.:] The history and typology of western Austronesian voice systems / F. Wouk, M. Ross (eds.) // ВЯ. 2005. № 2.
- Сирк 1980 – Ю.Х. Сирк. О структуре повторов в западных индонезийских языках // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов / Отв. ред. Н.Ф. Алиева. М., 1980.
- Шкарбан 1995 – Л.И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М., 1995.
- Blust 1999 – R. Blust. Subgrouping, circularity and extinction: some issues in Austronesian comparative linguistics // Selected papers from the Eighth International conference on Austronesian linguistics/E. Zeitoun, P.J. Li (eds.). Taipei: Institute of linguistics (Preparatory Office). Academia Sinica. 1999.
- Prentice 1971 – D.J. Prentice. The Murut languages of Sabah. Canberra, 1971.

Ю.Х. Сирк

Л.М. Васильев. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Вып. 1. Уфа: Изд-во “Восточный университет”, 2000. 200 с.; Вып. 2. Предикаты свойства, поведения и звучания: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. 146 с.; Вып. 3. Предикаты движения: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. 88 с.; Вып. 4. Предикаты речи: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2002. 80 с.; Вып. 5. Ментальные, модальные и перцептивные предикаты: Учеб. пособие. Уфа: Изд-во БашГУ, 2003. 125 с.

В последние годы в лингвистике отмечается смещение фокуса исследовательских интересов, переход от описания формально-смысловых особенностей и связей языковых единиц к анализу их функционально-коммуникативной обусловленности. Однако можно согласиться с мнением тех авторов, которые подчеркивают, что такое переключение внимания лингвистов вовсе не означает забвения структурно-семантического подхода, а, наоборот, способствует его перенесению на новую плодородную почву [Попова 2002]. На наш взгляд, возможности системного анализа ни в коей мере нельзя считать исчерпанными, особенно если иметь в виду семантический аспект языковых единиц. Тем не менее, несмотря на достаточно глубокую разработанность научно-методологических основ семантического анализа, практическая реализация принципов и задач описания смыслового пространства того или иного языка заметно отстает от достижений в области теоретической семантики (ср., например, фундаментальной работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой,

Л.М. Васильева, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, Э.В. Кузнецовой и др.). Это утверждение справедливо и по отношению к лексико-семантической системе русского языка, который до сих пор не имеет полного идеографического, тематического и семантического словаря, хотя попытки их создания предпринимались неоднократно. Достаточно упомянуть, например, “Минимальный идеографический словарь” Ю.Н. Караулова (1976), “Русский семантический словарь” под ред. С.Г. Бархударова (1982), “Лексическая основа русского языка (Комплексный учебный словарь)” под ред. В.В. Морковкина (1984), “Лексико-семантические группы русских глаголов (Учебный словарь-справочник)”, составленный под руководством Э.В. Кузнецовой (1988), “Идеографический словарь русского языка” О.С. Баранова (1990), “Русский семантический словарь” под общей редакцией Н.Ю. Шведовой (т. 1–3, 1998–2003), “Толковый словарь русских глаголов (Идеографическое описание)” под ред. Л.Г. Бабенко (1999), “Тематический словарь русского

языка” Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой и В.В. Морковкина (2000), “Новый объяснительный словарь синонимов русского языка” под общим руководством Ю.Д. Адресяна (вып. 1–3, 1999–2003) и др. Рецензируемый нами лексикографический труд Л.М. Васильева значительно отличается от вышеназванных работ и по своему построению, и по способу подачи материала. Он представляет собой системный семантический словарь, так как языковые единицы рассматриваются в нем во всевозможных смысловых связях и отношениях. В “Словаре” Л.М. Васильева описывается глагольная и неглагольная предикатная (признаковая) лексика, классификация которой, как известно, предлагалась многими зарубежными и отечественными лингвистами: У. Чейфмом, Ф. Давешом, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степановым, Н.Ю. Шведовой и др. Автор практически реализует принципы классификации предикатов, изложенные им в ранее опубликованных работах (см., например [Васильев 1990]). В ее основе лежат наиболее абстрактные ядерные идентифицирующие компоненты (иначе – семантические категории), такие как бытие, отношение, состояние, количество и т. д., в соответствии с которыми автор подразделяет всю предикатную лексику и фразеологию на 17 основных семантических классов (макрополей): 1. Бытийные предикаты; 2. Бытийно-пространственные предикаты (предикаты пространственной локализации); 3. Предикаты отношения; 4. Оценочные предикаты; 5. Предикаты состояния; 6. Количественные предикаты; 7. Предикаты свойства; 8. Предикаты поведения; 9. Предикаты звучания; 10. Предикаты движения; 11. Предикаты речи; 12. Ментальные предикаты; 13. Модальные предикаты; 14. Предикаты восприятия; 15. Предикаты чувственно-эмоционального переживания и волевых усилий; 16. Акциональные предикаты; 17. Акционально-процессуальные предикаты. Следует отметить, что к настоящему времени Л.М. Васильевым описана большая часть названных парадигм. Так, отдельные группы предикатной лексики были довольно глубоко проанализированы автором в ряде ранее изданных работ (см., например [Васильев 1981]). Пробные фрагменты “Системного семантического словаря русского языка”, включающие предикаты бытия, пространственной локализации, отношения, оценки, состояния и количества, первоначально были опубликованы в качестве приложений к учебным пособиям автора (см. [Васильев 1994; 1997; 1998]), а затем составили первый выпуск “Словаря”, который вышел в свет как научное издание. Следующие четыре выпуска [предикаты свойства, поведения и звучания; предикаты движения; предикаты речи; ментальные

(эпистемические), модальные и перцептивные предикаты] были изданы в качестве учебных пособий. В январе 2003 г. “Системному семантическому словарю русского языка” Л.М. Васильева был присвоен гриф Министерства образования РФ (по первому выпуску) с рекомендацией в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов.

Отмеченный выше системный характер рецензируемого словаря нагляднее всего обнаруживается при обращении к структуре представленных в нем предикатных макрополей. Так, на первой ступени иерархии семантические классы языковых единиц (предикаты бытия, состояния, оценки, движения, речи и т.д.) подразделяются на определенные подтипы: например, внутри бытийных предикатов разграничиваются абстрактно-бытийные (эссивы), событийные (эвентивы), предикаты возникновения (генеративы), предикаты исчезновения (дегенеративы), предикаты биологического существования (жизни и смерти), бытийно-темпоральные (фазисные): начальной фазы бытия (ингрессивы и инхюативы), конечной фазы бытия (финитивы) и предикаты протекания, длительности бытия (дуративы и итеративы); в состав оценочных предикатов входят модально-оценочные (предикаты необходимости и должностенования, возможности – невозможности, уверенности – неуверенности, истинности – ложности и др.), общеоценочные (*хороший – плохой* и т.п.), частнооценочные (утилитарной, этической, эстетической и сенсорно-чувственной оценки: *полезный – вредный, добрый – злой, красивый – некрасивый, приятный – неприятный* и т.д.) и связочные (ментальные: *считать кого-то кем-чем*; перцептивные: *видеться, казаться*; эмотивные: *чувствовать себя кем-чем*; поведенческие: *вести себя, поступать как-либо* и т.п.). На втором этапе структуриации семантических полей в составе выделенных подгрупп разграничиваются более частные микрополя: например, внутри предикатов, характеризующих коммуникативный аспект речи, выделяются языковые единицы со значением сообщения, обещания, совета, объяснения (разъяснения), аргументирования и неречевых средств передачи информации; внутри предикатов речевого контакта – лексемы и устойчивые сочетания, обозначающие вступление в речевой контакт, обращение с вопросом, “ответчание”, ответ согласием или несогласием; и т.д. Далее внутри каждого из микрополей дифференцируются парадигмы исходных предикатов и их семантических дериватов, противопоставленных по таким семам, как ‘инхюативность’, ‘каузативность’ и др. Каждая лексическая парадигма завершается списком имеющихся страдательных и безличных форм,

а также форм способов глагольного действия (например, *походить, побегать; проходить, пробегать; расходиться, разбегаться* и т.д.) и субъективной оценки (к примеру, *жуликоватый, плутоватый; подленький, гаденский, скверненький*). В тех случаях, когда требуется уточнение значений предикатов и их смысловых дериватов, в словаре указываются их дифференциальные семантические признаки, а также приводится иллюстративный материал – словосочетания или предложения, минимальные по объему, но достаточные для верного понимания содержания лексем или фразеологизмов.

По нашему мнению, важным условием системного описания предикатной лексики, осуществляемого автором рецензируемого словаря, является учет различных типов парадигматических отношений языковых единиц, в частности не только синонимических, но и антонимических. Помимо этого, целесообразным и уместным можно считать включение в “Словарь” наиболее значимых семантических коррелятов предикатных слов, например адъективов, наречий и слов категории состояния, субстантивов (имен действий, состояний, отношений и т. д., а также непередикатных лексем, в том числе обозначений свойств, лиц и др.), числительных, местоимений. Таким образом, все выделенные Л.М. Васильевым классы предикатов являются развернутыми семантическими полями, в состав которых входят лексемы разной частеречной принадлежности. Несомненно, что лексикографическое представление семантических коррелятов является довольно значимым, так как даже элементарное наличие/отсутствие последних имеет отношение к проблеме полноты лексико-грамматического выражения предикатной семантики. Кроме того, включение в “Словарь” этих единиц позволяет поставить актуальные вопросы о содержательных взаимоотношениях глагольных предикатов и их неглагольных соответствий, о приоритетном выражении тех или иных предикатных значений словами определенных частей речи и т.д.

Системный характер “Словаря” Л.М. Васильева нам видится также в том, что в нем предпринимается попытка описания не только лексической, но и грамматической семантики. Так, парадигматическая характеристика лексико-фразеологических единиц сопровождается указанием на их синтагматическую специфику, а именно приводятся модели управления и семантические модели предложения, в которых употребляются предикаты тех или иных классов и их семантические дериваты (инхоативы, каузативы и т.д.). Это представляется довольно целесообразным, поскольку таким об-

разом в “Словарь” включается информация о месте определенных предикатов в семантической структуре предложения, об их семантической валентности (актантной структуре), об их личном и безличном употреблении, о возможностях синтаксических преобразований, отражающих различную интерпретацию говорящим одной и той же типовой ситуации (ср., например, в связи с этим наличие/отсутствие синтаксических аналогов – конверсивов, перифраз, транспозитов и т.д.). Помимо семантических сведений, “Словарь” содержит также информацию прагматического плана, в том числе отражающую значимый потенциал языковых единиц. Указание на коннотативные, функционально-стилистические и иные прагматические характеристики слов и фразеологизмов, осуществляемое с помощью традиционной системы помет (“экспр.”, “шутл.”, “разг.”, “рост.” и др.), не только дополняет, но и углубляет описание языковых единиц с опорой на денотативно-сигнификативный макрокомпонент их значения.

Как отмечается в предисловии к рецензируемому словарю, он не претендует на полноту охвата языкового материала (к примеру, в нем отсутствуют архаизмы, окказионализмы, специальные слова и т.д.), тем не менее основной фонд предикатной лексики представлен в нем в довольно полном объеме. Так, помимо лексем, в “Словарь” включаются устойчивые сочетания, в том числе функциональные аналоги слов (перифрастические трансформации типа *болеть – испытывать/ощущать боль, желать – испытывать/иметь желание* и т.д.). Учет узусальных оборотов, на наш взгляд, является весьма важным, так как с помощью данных единиц устраняется лексическая и семантическая лакунарность, в определенной мере свойственная однословным предикатным номинациям. Так, заполнение лексических лакун заключается в том, что устойчивые сочетания, с одной стороны, возмещают отсутствие глагольных форм в некоторых микрополях (ср.: *неприязнь, вина, удовольствие – испытывать неприязнь, вину, удовольствие*), с другой – образуют лексико-грамматические парадигмы с глагольными формами, обозначая каузацию, возникновение, прекращение отношения, состояния и т.п.: *мирить – восстанавливать мир между кем-либо (каузативность), размещаться – занимать место* (инхоативность), *доверять – терять доверие к кому-чему* (финитивность). Устранение семантических лакун происходит благодаря тому, что устойчивые сочетания имеют самостоятельную познавательную ценность: они содержат в своей смысловой структуре такие компоненты, которые не входят в предметно-логическую часть зна-

чения лексем, следовательно, дескриптивным путем передают так называемые нерелевантные смыслы. К примеру, значительная часть идиом в составе микрополей со значением психического состояния описывает определенные внешние симптомы эмоций, которые не обозначаются универсальными единицами (ср.: *поджилки (руки, ноги) дрожат (трясутся) <от страха>, делать большие (круглые) глаза, ног (земли) не чуют (не чувствовать, не слышать) под собой <от радости>* и т.п.).

Можно полагать, что “прозрачность”, логичность композиции “Словаря”, которая обеспечивает удобство пользования им, является результатом четкой продуманности и последовательной реализации единых методологических принципов классификации предикатной лексики. Аналогичное утверждение можно отнести и к способу подачи материала. Сжатость, экономность, единообразие и в то же время целостность представления языковых единиц не просто облегчают восприятие содержания: в результате внимательного прочтения “Словаря” создается ясное представление о системной организации предикатной лексики, которое свидетельствует об адекватности авторского описания этой семантической сферы онтологии языка.

Следует подчеркнуть, что объективная оценка любого лексикографического труда определяется тем, насколько верно сумеет читатель понять авторскую концепцию, стоящую за строгим описанием материала, и глубину тех проблем, во многом не решенных, которые неизбежно возникают в ходе анализа значений языковых единиц. В связи с этим можно утверждать, что “Системный семантический словарь” Л.М. Васильева представляет собой комплексный труд, сочетающий достоинства солидного лексикографического источника, серьезного теоретического исследования и полезного методического пособия. Так, научная ценность “Словаря” заключается, на наш взгляд, в том, что внимательное ознакомление с ним позволяет лингвистам (в том числе и начинающим) не только по-новому осмыслить традиционные проблемы семантики, но и увидеть новые. Назовем лишь некоторые из этих проблем. Прежде всего, это вопрос о семантической диффузности лексических единиц, которая в отдельных случаях затрудняет их однозначную лексикографическую интерпретацию. К примеру, одним из видов диффузности является синкретизм значений лексем, который можно проиллюстрировать многочисленными примерами из “Словаря” Л.М. Васильева: так, среди предикатов речи выделяется довольно большая группа лексико-фразеологических единиц, характеризующих эмоциональное “на-

полнение” речи. В частности предикаты, которые обозначают недовольство осуждающего, каузацию обиды унижением и т.д.: *упрекать*, разг. *пилить*, *здать головомойку (взбучку)* кому за что, *насмехаться*, *издеваться* и др. (в их значении сема эмотивности является периферийной). Аналогично этому внутри предикатов этической оценки вычлняются парадигмы языковых единиц со значением поведения (морального/аморального, честного/нечестного, вежливого/невежливого и т.д.). В соответствии с авторской классификацией предикатов указанные единицы относятся к полю речи и полю оценки, хотя, как представляется, именно вследствие диффузности значения они могут составлять периферию поля эмотивности (в первом случае) и поведения (во втором) или, точнее, зоны семантического перехода – так называемые “семантические швы”. Другой, не менее сложный, вопрос, который может возникнуть при прочтении рецензируемого словаря, – это вопрос о семантических категориях, “пронизывающих” языковое пространство. На наш взгляд, работа с материалами “Словаря” открывает очень интересные перспективы, связанные с выявлением не только конечного числа семантических категорий русского языка, но и их структуры, содержательного наполнения, способов конкретного лексико-грамматического воплощения в пределах тех или иных макро- и микрополей предикатов, а также возможных видов их “комбинирования” в значениях лексем, входящих в определенные семантические классы. Наконец, ознакомление со “Словарем” Л.М. Васильева позволяет поднять проблему соотношения семантических и понятийных (шире – когнитивных) категорий, которая может быть отчасти решена при условии верного понимания авторской концепции. На наш взгляд, сам перечень проблем, связанных с анализом языкового материала “Системного семантического словаря” (этот список, кстати, является открытым), свидетельствует о глубокой разработке теоретических основ рецензируемого лексикографического источника. Дальнейшее решение указанных проблем с опорой на предикатную лексику, систематизированную в “Словаре”, представляется довольно перспективным, причем не только в научном, но и в методическом отношении. В частности, материалы “Словаря” могут послужить основой для написания разнообразных по тематике дипломных и диссертационных сочинений.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что результат многолетнего труда профессора Л.М. Васильева по картированию семантического пространства русской предикатной лексики будет по достоинству оценен специ-

алистами разных областей лингвистики и станет отправной точкой для дальнейшего исследования содержательной стороны этих единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев 1981 – Л.М. Васильев. Семантика русского глагола: Учебное пособие. М., 1981.
- Васильев 1990 – Л.М. Васильев. Современная лингвистическая семантика. М., 1990.
- Васильев 1994 – Л.М. Васильев. Теоретические проблемы лингвистики (внутреннее

устройство языка как знаковой системы): Учебное пособие. Уфа, 1994.

- Васильев 1997 – Л.М. Васильев. Методы современной лингвистики: Учебное пособие по общему языкознанию. Уфа, 1997.
- Васильев 1998 – Л.М. Васильев. Общие проблемы лингвистики. Внешние связи языка: Учебное пособие по общему языкознанию. Уфа, 1998.
- Попова 2002 – Е.А. Попова. Человек как основополагающая величина современного языкознания // ФН. 2002. № 3.

Л.А. Калимуллина

Э. Вайда, М.А. Зинн. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта). – Е. Vajda, M.A. Zinn. Morphological dictionary of the Ket verb (Southern dialect). Томск: Томский государственный педагогический университет, 2004. 264 с.

Рецензируемый словарь является итогом совместного проекта Эдварда Вайды (Западно-Вашингтонский университет, США) и Марины Александровны Зинн (Томский государственный педагогический университет, Россия), осуществленного при поддержке программы Фулбрайт (США) и Института им. Макса Планка (Германия, Лейпциг). Материалом для словаря послужили языковые данные, отраженные в опубликованных источниках и дополненные и уточненные в ходе экспедиций в регионы проживания кетов на севере Красноярского края на территории России. Интерпретация языкового материала проведена в соответствии с новой оригинальной концепцией Э. Вайды по отношению к строению и составу глагольной словоформы кетского языка. Особенностью данного словаря является тот факт, что словарные статьи, помимо базовой лексикографической информации (русский и английский эквиваленты), включают также анализ морфологической структуры глагола и выборочную парадигму его спряжения.

В области морфологии кетского языка (и кетского глагола в частности) системные исследования велись начиная с 1950-х годов, и эта тема остается актуальной по сей день. Кетологи поэтапно приходили к пониманию структуры кетского глагола. Исследователям пришлось столкнуться с такими интересными с исторической и типологической точки зрения явлениями, как ранговая структура глагольной словоформы, большое количество омонимичных морфем в ее составе (в том числе однофонемных), наличие элементов, которые перестали быть семантически наполненными в современном языке, парадоксальные черты глагольного согласования, нетривиальные осо-

бенности инкорпорации и состава лексической основы кетского глагола.

Наибольшие расхождения в концепциях разных исследователей наблюдаются в отношении морфологических характеристик глагольного слова. Уже первые две работы, освещающие кетский глагол ([Дульзон 1968] и [Крейнович 1968]), дают разную трактовку его категориям.

В монографии А.П. Дульзона используется материал практически всех существующих диалектов кетского языка. В ней приводятся парадигмы и схемы спряжения индивидуальных глаголов для иллюстрации субъектно-объектного согласования, при этом выявление значения и функции аффиксов базируется исключительно на формальных признаках, вследствие чего окончательное определение системы глагольных категорий осталось спорным вопросом.

В работе Е.А. Крейновича языковой материал ограничен южным диалектом. Структурированные парадигмы иллюстрируют поморфемный анализ большого количества глаголов. Личные показатели распределены на две большие группы (условно названные группами Б и Д), все глаголы классифицированы по типу основы, для каждой из групп приведены сочетания наборов личных показателей. Выделение основ по Крейновичу привело к адекватному морфемному анализу, позволило выделить глагольные категории, но также и показало, что выбор между группами личных показателей Б и Д не зависит ни от формы, ни от семантики основы. В ходе описания кетского глагола была выявлена омонимия многих аффиксов.

Первым исследователем, предложившим рассматривать кетский язык как язык с прямой маркировкой ролевого статуса актантов, то есть так называемый “ролевой”, был

Э.И. Белимов [Белимов 1986; 1991]. В его концепции предложено 5 семантических ролей (агенса, фактитива, рефлексива, контрагента, пациенса), которым соответствуют 5 наборов личных показателей.

Дальнейшие гипотезы, объясняющие сочетания личных показателей в глаголе, выдвигались исследователями, которые рассматривали структуру кетского глагола в русле грамматиче- ской структуры. В основе всех этих моделей лежит идея описания глагольной словоформы на основе выделения определенных позиций, или порядков в ее структуре. При этом существенным оказывается не только и не столько тип самой морфемы, сколько ее положение в ряду порядков и ее дистрибутивные возможности. Наибольшие расхождения наблюдаются в отношении количества и возможностей иерархизации выделяемых порядков, а также в отношении трактовки семантики и функций, заполняющих порядки элементов. Остается открытым вопрос о разном роде интерфейсах, детерминативах и т. п. и их назначении.

В работе [Решетников, Старостин 1995] исследователи постулируют существование трех типов актантных отношений в кетском, для их описания в составе кетского глагола выделяются три основных семантических актанта, которые условно названы агентив, объектив и датив. С.С. Буторин [Буторин 1995] в результате обобщения основных положений концепции Э.И. Белимова обосновывает существование категории роли в кетском языке и также выделяет три обобщенные ролевые функции: агенса, пациенса и фактитива. Особенностью концепции Г.К. Вернера [Werner 1997] является то, что наряду с субъектными и объектными показателями он выделяет также и так называемые версионные.

В рецензируемой работе Э. Вайда выдвигает новую оригинальную концепцию (см. также [Вайда 2000; Vajda 2001; 2003]), и авторы словаря интерпретируют в соответствии с ней как состав категорий кетского глагола, так и состав глагольной словоформы. Согласно этой концепции, тип глагольного согласования в кетском языке не определяется общими грамматическими правилами языка, а является индивидуальной деривационной характеристикой глагола. Все конфигурации актантных порядков (по сути, представителей наборов личных показателей) группируются в 5 актантных спряжений. Далее постулируется, что отнесенность к тому или иному спряжению является индивидуальным лексическим признаком глагола, т.е., в конечном счете, не зависит ни от состава основы, ни от семантических классов актантов, ни от грамматических параметров. Кетский глагол является полиперсональным

(маркируется субъект и объект) и обнаруживает 5 стратегий глагольного согласования, при этом показатели, выполняющие чисто согласовательную функцию, также входят в основу глагола.

Словарь включает следующие разделы:

- Раздел “Введение”, где поясняются принципы организации словарных статей и их взаимное расположение, а также приводится система глосс в терминах концепции Э. Вайды.

- Раздел “Морфология финитного глагола”, в котором излагаются основные положения концепции глагольной морфологии Э. Вайды, дается разбор так называемых актантных спряжений, которые упорядочивают описание личных (актантных) показателей кетского глагола, а также приводится краткое описание основных категорий кетского глагола.

- Словарные статьи, иллюстрирующие основные морфологические модели кетского глагола.

- Индекс, который включает русско-английский постраничный алфавитный указатель и англо-русский постраничный алфавитный указатель.

В разделе “Морфология кетского глагола” дается описание лексических элементов, составляющих основу глагола. Среди них выделяются база, инкорпорант, так называемые уточнители (в английской версии *adpositions*), подробно обсуждается их инвентарь и семантика. Именно семантикой уточнителей, по мнению авторов, объясняется различие двух подгрупп личных показателей группы Б, которое в концепции Г.К. Вернера интерпретируется как зависящее от категории версии. Дано объяснение элементам, значение которых оставалось неясным, так как им разными исследователями присваивались различные функции. Это так называемые морфотактические элементы, т.е. “фонетические элементы, которые не имеют собственного значения, но служат для разграничения несмежных порядков, когда заполняющие их морфемы встречаются в смежных позициях в конкретной словоформе” (с. 28). Описаны некоторые продуктивные деривационные категории кетского глагола, такие как каузативы, итеративы и семельфактивы, инхотативы.

При этом в предисловии к словарю авторы подчеркивают, что “создание словаря стало возможным только благодаря трем ранее опубликованным основополагающим исследованиям по кетскому языку” [Крейнович 1968; Werner 1997; 2002] (с. 1).

Несмотря на то, что исследование кетского языка начиная с 1950-х годов велось в достаточной мере интенсивно, лингвисты долгое время не располагали какими бы то ни было

словарями и справочными изданиями, созданными на базе кетского. Материал для анализа извлекался, в основном, из фундаментальной работы по кетскому языку А.П. Дульзона [Дульзон 1968], диссертационных исследований и научных статей, а также из текстов, собранных и опубликованных в Томске. Отсутствие лексикографических источников затрудняло анализ кетских данных для ученых за пределами Сибирского региона и тем более России. Упомянутые публикации, безусловно, сохраняют свое значение для исследователей кетского языка. Тем не менее, при расширении исследований как по кетскому языку, так и по типологии к концу 1990-х годов назрела необходимость в составлении и публикации двуязычных словарей. В конце XX – начале XXI века несколько таких словарей разного типа было опубликовано [Вернер 1993; Максимова 2001; Поротова 2002; Werner 2002].

Известное отставание кетской лексикографии по сравнению с исследованиями фонетики и грамматики обусловлено, наряду с другими причинами, также и объективными особенностями кетского глагола, которые затрудняли как составление словарей, так и последовательную организацию словарных статей. Одна из трудностей состоит в выборе основной леммы для глагольной словоформы. Традиционно в качестве исходной глагольной леммы в словарях выбирается инфинитив. Однако инфинитив в кетском языке – особая категория, он зафиксирован не у всех глаголов, отличается по структуре от финитного глагола, и, что важнее, одному инфинитиву могут соответствовать два и более финитных глагола. Нельзя избавиться от затруднений и в том случае, если выбрать в качестве леммы корень, так как в большинстве глаголов значение определяется не одним, а двумя корневыми порядками: это база, или нулевой порядок – структурный центр, и инкорпорант (кроме того, у некоторых глаголов база не является семантическим центром). Если же выбрать в качестве словарной просто одну из форм глагола, то при расположении статей по алфавиту возникнут трудности с поиском глагола в этом списке, так как субъектные показатели чаще всего префиксальны. В предыдущих словарях приходилось давать глагольные формы как после соответствующего им инфинитива, так и – в качестве примера – после соответствующей базы, а также во многих случаях вводить еще и отдельные статьи для личных форм глагола (в учебных словарях небольшого объема), что в определенной степени затрудняло организацию материала.

Вопрос о построении глагольной словарной статьи уже ставился исследователями, например, в работе Р.И. Гайер [Гайер 1984], ко-

торая предлагала систематизировать глаголы в соответствии с взглядами А.П. Дульзона, а также в работе Решетникова и Старостина [Решетников, Старостин 1995]. Тем не менее, ни одно из существующих предложений так и не было внедрено в практику¹.

Состав словарной статьи должен оптимально отвечать типу и назначению словаря, при этом подача и порядок статей должны подчиняться единому принципу. Проблема построения словарной статьи, выбора леммы и организации статей были решены авторами рецензируемого словаря, на наш взгляд, достаточно последовательно и на основе научного подхода.

Для всех финитных глаголов, входящих в словарь отдельными статьями, была разработана формула, описывающая всю парадигму глагола, т.е. как неизменяемые порядки (база, инкорпорант и другие лексические порядки), так и порядки, заполняемые изменяемыми (грамматическими и личными) показателями. Такая формула и была принята в качестве леммы, к ней дается общий перевод глагола на русский и английский языки. Также указываются тип спряжения и класс глагола (например, непереходный или переходный, а также возможные ограничения – например, если в парадигме переходного глагола может маркироваться только неодушевленный объект). Сама лемма в виде формулы является фактически поморфемным разбором структуры глагола, затем к каждому компоненту формулы приводятся глоссы. После леммы и глосс дается выборочная парадигма, включающая личные формы для настоящего и прошедшего времени, а также формы императива. Следует, на наш взгляд, специально подчеркнуть, что лишь анализ полной парадигмы глагола даст возможность в кетском языке правильно осмыслить его морфологический состав. В конце статьи приводятся дополнительные замечания относительно нерегулярных явлений в морфологической структуре глагола, которые отме-

¹ Данная проблема обсуждается в настоящее время в связи с работой над проектом по созданию переводно-толкового кетско-русского словаря с дополнительным переводом всех лемм на немецкий и английский языки. Словарный проект осуществляется на базе лаборатории языков народов Сибири в Томском государственном педагогическом университете при поддержке Отделения лингвистики Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия). Основные предложения по организации глагольной словарной статьи в данном словаре изложены в статье [Коротова, Нефедов 2004].

чаются знаком “*” в формуле. Вся статья компактно представлена в виде таблицы.

Таким образом, в данном словаре предпринята попытка алфавитно-гнездового способа подачи словарных статей. Леммы расположены в алфавитно-гнездовом порядке, это значит, что статьи были разбиты на разделы соответственно базе (структурному центру), а затем разделы, поименованные, как и соответствующая им база, расположены по алфавиту, разработанному для кетского языка на основе транскрипции. Такой способ подачи словарных статей является последовательным и значительно облегчает поиск. Кроме того, в конце издания, как уже было сказано, приводится постраничный алфавитный указатель статей на двух языках. Несомненным достоинством работы является перевод каждого раздела на два языка – русский и английский.

Рецензируемый словарь, без сомнения, является существенным вкладом как в исследование и описание кетского языка, так и в разработку вопросов типологии разноструктурных языков. Последовательный анализ и системное описание глагольной словоформы создает основу для исследования типологических параллелей между енисейской семьей и языками других семей и проверки гипотез их генетического сближения. Словарь будет также и важным справочным пособием по семантике и структуре кетского глагола. В настоящий момент он уже широко используется в проекте по созданию переводно-толкового кетско-русского словаря, без него работа над глагольными словарными статьями была бы невозможной. Представленная во вводной части словаря концепция глагольной морфологии кетского языка Э. Вайды может вызывать споры и разногласия, но она, безусловно, является новым этапом в описании кетского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белимов 1986 – Э.И. Белимов. Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках // Исследования по грамматике и лексике енисейских языков. Новосибирск, 1986.

Белимов 1991 – Э.И. Белимов. Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск, 1991.

Буторин 1995 – С.С. Буторин. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 1995.

Вайда 2000 – Э. Вайда. Актантные спряжения в кетском языке // ВЯ. 2000. № 3.

Вернер 1993 – Г.К. Вернер. Кетско-русский и русско-кетский словарь. СПб., 1993.

Гайер 1984 – Р.С. Гайер. О построении глагольной словарной статьи в сравнительном словаре енисейских языков // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984.

Дульзон 1968 – А.П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968.

Которова, Нефедов 2004 – Е.Г. Которова, А.В. Нефедов. Кетский проект: состояние дел, проблемы, перспективы. Томск, 2004.

Крейнович 1968 – Е.А. Крейнович. Глагол кетского языка. М., 1968.

Максунова 2001 – З.В. Максунова. Краткий кетско-русский словарь. Среднекетский диалект. Красноярск, 2001.

Поротова 2002 – Т.И. Поротова. Словарь говорных форм кетских существительных (с формами множественного числа). Томск, 2002.

Решетников, Старостин 1995 – К.Ю. Решетников, Г.С. Старостин. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.

Vajda 2001 – E. Vajda. The role of position class in Ket verb morphology. Word. 2001. 52/3.

Vajda 2003 – E. Vajda. Ket verb structure in typological perspective // Sprachtypologie und Universalienforschung, 2003. 56 (1/2).

Werner 1997 – H. Werner. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997.

Werner 2002 – H. Werner. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen: in 3 Bänden. Wiesbaden, 2002.

Е.Г. Которова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

22–23 июня 2004 г. в Институте языкознания РАН (Москва) состоялась XII Международная конференция “Китайское языкознание. Изолирующие языки”. В работе конференции приняли участие ученые из России, Австралии, Китайской Народной Республики, Кыргызстана, Украины и Японии.

Тематика работ, представленных на конференцию, охватывает практически все области китайского языкознания: фонетику и фонологию, морфологию, синтаксис, историю и теорию письма, лексикологию, диалектологию, социалингвистику.

Часть работ была посвящена проблемам глоттохронологии, лингвистической реконструкции, изучению генетических связей китайского и других языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Программа конференции включала доклады, посвященные различным прикладным вопросам, в частности, проблемам преподавания китайского языка и подготовки переводчиков, проблемам унификации транслитерации китайских имен собственных, вопросам создания систем автоматической обработки текстов на китайском языке, а также работы по истории русского китаеведения.

На конференцию были представлены также работы по дунганскому (М.Х. Имазов, Бишкек и Ли Инь, КНР), тибетскому (И.Н. Комарова, Москва), вьетнамскому [Н.В. Солнцева, В.А. Андреева, Нгуен Ван Тхак, Б.В. Поспелов (Москва), А.Я. Соколовский (Владивосток)], корейскому (Г.Л. Николаева, Москва), кхмерскому языку (Т.Г. Погибенко, Москва), языку йоруба (М.И. Каплун, Москва), языку хре (И.В. Самарина, Москва).

В конференции участвовали ученые из крупнейших отечественных научных центров и высших учебных заведений: Института вос-

токоведения РАН (Москва и Санкт-Петербург), Института Дальнего Востока РАН, Института языкознания РАН, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Дальневосточного государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Российского государственного гуманитарного университета (Институт восточных культур и Институт лингвистики), Военного университета, Института практического востоковедения (Москва).

В конференции приняли участие также китайцы из Благовещенского государственного педагогического университета, Иркутского государственного лингвистического университета, Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического университета, Красноярского государственного университета, Новосибирского государственного университета, Томского политехнического университета, Рыбинского государственного художественно-исторического и архитектурного музея-заповедника, Челябинского государственного университета, Забайкальского государственного педагогического университета (г. Чита).

Пленарное заседание, которое состоялось 22 июня, открыли председатель оргкомитета конференции И.Н. Комарова и заместитель директора Института языкознания РАН по научной работе М.Е. Алексеев (Москва).

На пленарном заседании присутствовали советник по образованию посольства КНР в Москве госпожа Пэй Юйфан и секретарь отдела образования посольства КНР госпожа Бай Шуань.

На пленарном заседании выступили Е.И. Шутова (Институт востоковедения РАН, Москва), Л.Н. Морев (Институт востоковедения РАН, Москва), О.И. Завьялова (Институт Дальнего Востока РАН, Москва), Мицуаки Эндо (университет Аояма, Токио), У Юньци (Мельбурнский университет, Австралия), чл.-корр. РАН С.А. Старостин (Институт восточ-

* Конференция была проведена при поддержке РФНФ, проект № 04-04-14011г.

ных культур РГГУ, Москва), Е.А. Цешинская (Рыбинский художественно-исторический и архитектурный музей-заповедник), директор издательского дома “Муравей” В.Я. Кофман (Москва).

Е.И. Шутова в докладе “Выдвижение топика – структурно-синтаксическая доминанта китайского языка? Критический анализ” подвергла рассмотрению типологическую концепцию, выдвинутую американскими учеными Ч. Ли и С. Томпсон. Придавая альтернативе “подлежащее или топик” типологическую значимость, они относят китайский язык к категории языков с выдвижением топика (topic prominent). Е.И. Шутова полагает, что подлежащее и топик – это не противопоставленные друг другу, а взаимосвязанные категории. Грамматическое значение подлежащего в китайском языке составляет значение топика, основанное на широком объеме формально не дифференцированных типов реляционной семантики.

Заметим, что понятие топика находилось в центре внимания еще нескольких работ. Это опубликованная в сборнике статья В.А. Курдюмова (Москва) “Четыре понимания топика: классическая и предикационная интерпретация” и прозвучавший на вечернем заседании доклад В.В. Боровского (Москва) “Принципы создания развернутой синтаксической модели при обучении китайскому языку”, в котором утверждалось, что синтаксическая модель китайского языка должна основываться на понятиях “топик” и “комментарий”.

Л.Н. Морев в своем докладе сопоставил значения и употребления так называемых глаголов обладания в тайских, китайском, хммерском и вьетнамском языках. Характерной особенностью этих лексических единиц является то, что они могут употребляться не только как самостоятельные глаголы со значением “брать”, “держать”, но и как служебные и полуслужебные единицы, вводящие находящиеся в препозиции к основному глаголу дополнения – инструментальные и объектные. Л.Н. Морев отметил, что, с его точки зрения, наиболее предпочтительной является трактовка данных единиц в служебных и полуслужебных употреблениях как компонентов полипредикативной конструкции, а не как служебных слов, омонимичных самостоятельным глаголам.

О.И. Завьялова в докладе “Региональные формы китайского языка и лингвистическое законодательство” рассмотрела пути решения задачи унификации китайской иероглифической письменности, намеченные в важнейшем лингвистическом документе, появившемся в КНР на рубеже двух столетий, – первом в истории страны законе о языке и письменности, вступившем в действие 1 января 2001 года и за-

крепившем нормативный характер “континентальной” иероглифической системы 50-х–60-х годов XX века.

Мицуаки Эндо рассмотрел различия в реализации китайских тонов, определяемые возрастом говорящего: у представителей различных поколений реализации тонов не вполне одинакова. У Юньцзи описала процессы грамматикализации в одной из диалектных групп провинции Хунань (КНР).

Доклад С.А. Старостина был посвящен китайско-алтайским языковым контактам. В древнекитайском языке обнаруживается существенный пласт слов, имеющих алтайские параллели и в то же время не имеющих сино-тибетских параллелей. Докладчик выдвинул гипотезу, что это ранние (не позднее рубежа 1–2-го тысячелетий до н.э.) заимствования из некоторого алтаязычного источника, а именно, из языков “северных варваров”, вытеснявшихся ханьцами с северо-востока Китая и ушедших затем в Корею и далее в Японию. Исследование этих контактов представляется весьма важным для определения путей миграций как сино-тибетских, так и алтайских народов.

Е.А. Цешинская разработала типологическую классификацию сосудов, обозначаемых в китайской культуре термином “hu”, развернутую в исторической перспективе. Ее доклад сопровождался демонстрацией слайдов, на которых были представлены экспонаты из собраний российских и зарубежных музеев.

В.Я. Кофман рассказал о деятельности возглавляемого им издательского дома “Муравей” (в настоящее время – “Восток – Запад”) в области издания учебной и научной литературы по китайскому языку.

На вечернем заседании 22 июня первым выступил А.Н. Хохлов (Москва), который рассказал о жизни и творчестве двух выдающихся отечественных Китаеведов – С.А. Колоколова и его сына В.С. Колоколова.

Доклад И.В. Самариной (Москва) был посвящен проблемам фонологии языка хре. Народ хре – аустроазиаты, проживающие в горных районах юга Центрального Вьетнама. Их язык практически не изучен; по предварительным данным, он относится к северным языкам бахнарической подгруппы (восточные мон-хммерские языки). Материалы, представленные И.В. Самариной, были собраны ею в ходе полевой работы во Вьетнаме в 2001 г.

О.М. Мазо (Москва) в докладе “Древнекитайский инфикс *-r-, тибетский префикс r- и качинский префикс lə-” выдвинула гипотезу, что три вышеназванные морфемы восходят к одной праформе, а именно, к префиксу r-.

Р.Г. Шапиро (Москва) описал тональные сандхи и эризацию в сычуаньском диалекте ки-

тайского языка, относящемся к юго-западной подгруппе гуаньхуа.

Доклады О.М. Готлиба (Иркутск), А.В. Немтиновой, А.Ю. Титовой (Москва) и Л.И. Головачевой (Севастополь) были посвящены различным аспектам функционирования китайской письменности: типологии графем, региональным вариантам иероглифов, историко-культурологическому анализу иероглифики.

Доклад Чжан Цзюньсяна (КНР, Нанкин), вызвавший большой интерес аудитории, был посвящен анализу языка китайской прессы.

На утреннем заседании 23 июня часть докладов была посвящена вопросам фонетики (М.И. Каплун, К.И. Долотин, Москва). Кроме того, рассматривались вопросы методики преподавания китайского языка (А.П. Кошкин, Комсомольск-на-Амуре) и подготовки переводчиков (И.В. Кочергин, Москва). Т.Е. Загibaлов (Красноярск) рассказал о разрабатываемой им системе автоматического реферирования китайских текстов.

Вечернее заседание 23 июня было посвящено вопросам лексикологии и, в частности, фразеологии. Особый интерес присутствующих вызвал доклад Го Синьни (Тайвань), посвященный сопоставительному анализу фразеологизмов с лексемой “рука” в китайском и русском языках. Доклад П.П. Ветрова (Москва) был посвящен семантической классификации китайских фразеологизмов, а доклад Я.А. Журавлевой (Благовещенск) – проблеме грамматической категоризации однослов в составе четырехсложных фразеологизмов (чэньюев). В докладе К.А. Кож и (Москва) рассматривались неологизмы, в морфонологическом отношении выпадающие из системы китайского языка. Доклад Цзинь Тао (Владивосток) был посвящен семантике глагольных модификаторов *lai* и *qi* и их роли в пространственном конструировании высказываний, а доклад Ю.А. Назаровой (Челябинск) – феномену

использования пространственной лексики в значении темпоральной.

Три доклада были связаны с различными аспектами проблемы слова в китайском языке. Это доклад М.В. Румянцевой (Москва), анализирующий варианты употребления глагольного суффикса *le* со сложными глаголами, доклад А.С. Хорошкиной (Москва), посвященный категоризации конструкций с т.н. пустыми дополнениями, доклад К.В. Антонян (Москва) “Единицы текста и единицы словаря в современном китайском языке”.

На закрытии конференции выступила Н.В. Солнцева. Она отметила, что в последние годы происходит устойчивое возрастание интереса и к китайскому языку, и к китайскому языкознанию. Она с удовлетворением констатировала, что в конференции приняло участие немало молодых ученых и что конференция демонстрирует устойчивую преемственность поколений. Н.В. Солнцева дала высокую оценку докладом некоторых молодых исследователей, в частности, докладу Н.К. Позднякова (Санкт-Петербург), посвященному исследованию цветообозначений в китайском языке.

В сборнике материалов конференции “Китайское языкознание. Изолирующие языки” представлена 81 работа (ср. в 2000 г. – 60, в 2002 г. – 57 работ), в том числе – 10 работ китайских ученых.

В сборнике материалов конференции впервые представлен раздел, содержащий сведения о монографиях, опубликованных участниками конференции за последние пять лет. Он содержит 22 наименования.

Со сборником материалов конференции можно ознакомиться в Отделе языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН (электронный адрес отдела: asianlang@iling-ran.ru).

К.В. Антонян (Москва)

27 сентября – 1 октября 2004 года в Братиславе состоялась очередная, седьмая конференция Международной комиссии по славянскому словообразованию, посвященная обсуждению проблемы “Мотивированное слово в лексической системе языка”. В конференции, которая была организована доктором филологических наук К. Бузашиовой,

ведущим научным сотрудником Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук, приняла участие ученые из Австрии, Белоруссии, Болгарии, Германии, Польши, России, Словакии, Украины, Франции, Чехии. Проблематика конференции позволяла обсудить широкий круг вопросов, касающихся объема и содержания понятия “мотивированность”, перспектив и методов исследования мотивированных слов с когнитивно-семиотической,

коммуникативно-дискурсивной и ономаσιологической позиций.

В докладе председателя комиссии И.С. Улуханова (Россия) “Мотивированное слово в лексической системе языка” отмечалось, что перспективной задачей дериватологии является когнитивно-семиотический анализ единиц, выделенных в результате семантической классификации, с точки зрения участия словообразовательных средств в выражении значений этих единиц. Были проанализированы свойства ряда семантических групп, способствующие или препятствующие мотивированности входящей в них лексики. Каждая из рассматриваемых языковых единиц оценивалась с точки зрения участия в ее создании других способов номинации (развитие новых значений, заимствование, возникновение комплексных наименований).

В докладе Е.С. Кубряковой (Россия) “О природе мотивированности” понятие “мотивированность” анализировалось с когнитивно-семиотических позиций, демонстрировалась роль метонимии в речемыслительной деятельности человека, рассматривался механизм использования готовых знаков языка для построения новых языковых единиц. Изучаемый ранее по структуре его протекания номинативный акт был охарактеризован как акт с е м и о з и с а, в связи с чем были проанализированы семантические, синтаксические и прагматические свойства языкового знака. По мнению Е.С. Кубряковой, когнитивно-семиотический подход позволяет связать все отличительные черты производного слова с той серией интерпретаций, которые даются соответствующему производному знаку на разных уровнях.

З.А. Харитончик (Беларусь) в докладе “Мотивировочные признаки в структуре лексических значений” охарактеризовала три типа мотивированности: 1) интенциональную мотивированность, которая характерна для транспозиционных и модификационных дериватов, 2) импликациональную мотивированность (мотивирующий признак входит в импликационал лексического значения), 3) отрицательную мотивированность (значение мотивирующей базы или баз входит в т.н. отрицательный импликационал, или неимпликационал, лексического значения мотивированного слова, образуя признаки, несовместимые с интенционалом).

Рассматривая мотивационные отношения как системообразующий фактор в лексике, И. Онхайзер (Австрия) затронула в своем выступлении проблему взаимосвязи словообразовательного и лексического уровней языка, показав зависимость характера деривационных процессов от парадигматических и синтаг-

матических свойств производящего слова. По мнению И. Онхайзер, необходимо исследовать мотивационные отношения в аспекте вхождения деривата и его мотиватора в семантические макроструктуры (семантические поля).

Проблема нерегулярности процессов деривации анализировалась в докладе М. Феррана (Франция) “О произвольности производного слова”, причем особое внимание было уделено проблеме комплексного воздействия на сочетаемость морфем ограничений морфологического, лексического, синтаксического и семантико-прагматического характера.

В докладе Е.А. Земсковой (Россия) “О некоторых процессах в сфере словообразовательной и лексической мотивации в русском языке рубежа XX–XXI вв.” были проанализированы операции над текстом, приводящие к преобразованию семантики однокоренных слов и к изменению характера мотивационных отношений между ними. Всесторонне были охарактеризованы случаи идиосинкретизма и т.н. игровая, каламбурная мотивация, типа *Березовский* → *подберезовики* “сторонники олигарха Березовского” (ср. с узальной мотивацией *береза* → *подберезовик* “гриб, растущий обычно под березой”).

Е.И. Коряковцева (Россия/Польша) в докладе “Мотивированность деривата: роль внешнего контекста и речевой ситуации” проанализировала различные типы экспликатов мотивированности, показала зависимость выбора словообразовательных средств от интенций и языковой компетенции говорящего, определяя потенциал восприятия текстов, в которых появились неологизмы.

В докладе “Мотивированный признак в сопоставительном аспекте” Р. Беленчикова (ФРГ) предложила методику сравнительно-сопоставительного изучения словообразовательных единиц, которая предполагает сравнение продуктивности идентичных мотивационных признаков в сопоставляемых языках, при этом устанавливается характер взаимосвязи мотивировочных признаков с различными значениями дериватов и аналитических конструкций.

Ю. Балтова (Болгария) в докладе “Сложные слова и современные тенденции в лексических системах славянских языков” проанализировала особенности образования *composita* в славянских языках на рубеже XX–XXI вв. По мнению исследовательницы, резкое увеличение числа сложных слов, относящихся к интернациональной лексике, усиление их значения в языке и речи способствует “размыванию границ” между славянскими языками, создавая условия для их интеграции.

М. Соклова (Словакия) выступила с докладом на тему “О морфемной и словообра-

звательной структуре слов, представленных в “Словаре корневых морфем словацкого языка”». Анализируя явление несовпадения морфемной и словообразовательной структуры дериватов, в качестве главных причин этого несовпадения она назвала семантическую реинтерпретацию и множественность мотивации.

А. Нагурко (Польша/ФРГ) в докладе “Калькирование как способ словообразования” предложила исследовать проблему языкового статуса калек с позиций сопоставительного словообразования, поскольку процессам калькирования всегда сопутствуют процессы конвергенции лексических и словообразовательных систем языка-донора и языка-реципиента. С когнитивно-коммуникативных позиций было охарактеризовано явление реинтерпретации калек, вследствие которого калки воспринимаются как исконные слова.

Анализируя в своем выступлении положение интернационализмов в словообразовательной системе болгарского языка, Л. Селимский (Болгария/Польша) затронул проблему производности и мотивированности заимствованных слов в связи с их трактовкой в “Словообразовательном словаре болгарского языка” (София, 1999). Полемизируя с авторами словаря, докладчик указал, что многие членимые иноязычные слова были безосновательно представлены как немотивированные, целый же ряд заимствований вообще не был включен в словарь.

Отмечая высокую активность производства слов-гибридов в современном польском языке, К. Вашакова (Польша) в своем докладе постулировала существование двух словообразовательных подсистем: 1) подсистемы словопроизводства с использованием исконных словообразовательных элементов; 2) подсистемы словопроизводства на базе иноязычных словообразовательных элементов. Переходную зону между этими подсистемами образуют гибридные дериваты, производство которых регулируется особыми правилами сочетаемости. Ввиду сложности проблематики, К. Вашакова проанализировала типы слов-гибридов, наиболее активные в польском языке на рубеже XX и XXI веков, подчеркнув перспективность типологического исследования гибридных новообразований в плане языковых контактов и тенденции к интернационализации.

Исследуя проблему мотивации в связи с проблемой заимствования из близкородственных языков, А.А. Лукашанец (Беларусь) обратил внимание участников конференции на тот факт, что многие заимствования из близкородственных языков сохраняют в принимающем языке (в данном случае – белорусском)

свою исходную мотивированность. Вхождение таких заимствований в словообразовательную систему языка-реципиента нередко становится причиной преобразования существующих в нем мотивационных отношений, приводит к изменениям в системе его словообразовательных способов и средств.

А.В. Никитевич (Беларусь) в докладе “О взаимодействии единиц разных уровней в лексических подсистемах близкородственных языков” рассмотрел различные случаи синонимии, антонимии и других видов противопоставлений, характеризующих деривационные подсистемы типа “производное слово – словосочетание с деривационно родственным компонентом”, входящие в состав одного и того же семантического поля (подполя).

В докладе “Дериваты и процессы неосемантизации” К. Клещова (Польша) проанализировала процессы семантической деривации, стимулирующие перестройку словообразовательной системы польского языка, обуславливающие состояние этой системы на том или ином синхронном срезе. Наиболее чувствительны к процессам неосемантизации глаголы и прилагательные. Их “чувствительность” и “пластичность” находит отражение в производных существительных, глаголах и прилагательных.

Е.А. Карпиловская (Украина) выступила с докладом на тему “Системообразующие параметры украинской мотивированной лексики и возможности ее лексикографического моделирования”. В сравнительном плане были проанализированы теоретические принципы построения “Словаря аффиксальных морфем украинского языка” (авторы Н.Ф. Клименко, Е.А. Карпиловская, В.С. Карпиловский, Т.И. Недозим) и “Гнездового словаря украинского языка” (автор – Е.А. Карпиловская). Были охарактеризованы способы подачи производных слов в гнездовом словаре, рассмотрен вопрос о статусе словообразовательных и формообразующих морфем.

В докладе “Учет словообразовательного значения при построении словарной дефиниции в толковом словаре” К. Бузашова (Словакия) анализировала особенности соотношения лексического и словообразовательного значений у транспозиционных дериватов с формантом *-ость* в связи с проблемой их подачи в многотомном словаре современного словацкого языка, работа над которым ведется в Институте языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук. Практика составления словарных дефиниций показала, что существительные с формантом *-ость* нередко имеют лексические значения, не сводимые к их категориальному словообразовательному значе-

нию и к толкованию типа “отвлеченное существительное к прилагательному X”. По этой причине в новом словаре словацкого языка все отвлеченные существительные, в том числе и транспозиционные дериваты, в каждом из своих значений будут иметь отдельную словарную дефиницию.

Анализируя проблему взаимосвязи мотивации и коннотации в рамках коммуникативного подхода к акту образования слов, О.П. Ермакова (Россия) рассмотрела механизм образования русских личных существительных, отсубстантивных прилагательных и глаголов, обладающих метафорической мотивацией. Охарактеризовав ряд словообразовательных типов со специализированными аффиксальными показателями коннотации, О.П. Ермакова подчеркнула, что метафоричность дериватов обусловлена прежде всего семантико-синтаксическими особенностями производящих слов, наличием у них предикативной функции.

О. Мартинцова (Чехия) рассмотрела в своем докладе проблему мотивации в области неузуальной лексики чешского языка. Предметом исследования были неологизмы как показатели синхронной и диахронической динамики языка, которые не только свидетельствуют о продуктивности словообразовательных моделей, но и позволяют судить об активности конкретных типов производящих основ.

В докладе В.Н. Виноградовой (Россия) “Мотивированное слово в тексте и системе поэтического языка” были проанализированы особенности функционирования дериватов в поэтических текстах, рассмотрены условия развития лексической полисемии дериватов на базе полисемии словообразовательной, охарактеризованы способы сохранения в поэтическом тексте многозначности дериватов, обладающих метафорической мотивацией.

Доклад Й. Реке (ФРГ) был посвящен семантике славянских аугментативов, особенностям их функционирования в тексте. Было установлено, что экспрессивно-эмоциональная окрашенность аугментативов существенным образом влияет на частотность их употребления в текстах.

Анализируя семантические категории производных существительных в польских говорах, Е. Серочук (Польша) показал, что словообразовательная вариативность является концептом абстрактно понятой лексической системы, весьма далекой от лексикона носителей конкретных говоров. Был выдвинут постулат – при исследовании взаимодействия лексической и словообразовательной систем дериватологи должны анализировать данные языка конкретной социальной или территориальной группы говорящих. Такой подход дает возмож-

ность ответить на следующие вопросы, поставленные в докладе: 1) какова природа словообразовательной вариативности в говорах; 2) существует ли лексическая обусловленность словообразовательной вариативности; 3) в чем проявляется взаимосвязь между семантической категорией в целом и дериватами, входящими в ее состав.

Теоретическим аспектам мотивированности в языке посвятил свое выступление Б. Тошович (Австрия). Была охарактеризована сложная природа явления словообразовательной мотивированности, проанализированы ее структурный, семантический, категориальный, синтаксический и функционально-стилистический аспекты.

Ц. Аврамова (Болгария) выступила с докладом на тему “Универбизация в лексической системе языка”. Этой проблеме посвящено множество исследований, однако и ныне она остается актуальной, требующей уточнения терминологических дефиниций. Ц. Аврамова предложила различать универбизацию (болг. *универбизация*) как языковую тенденцию и “универбизирование” (болг. *универбирание*) как акт или процесс номинации, отличный от композиции.

Особый характер имели выступления М. Олоштяка (Словакия) и С. Хёбуша (ФРГ). М. Олоштяк, ученик известного словацкого лингвиста Ю. Фурдика, члена Международной комиссии по славянскому словообразованию, умершего в 2002 году, сделал доклад на тему “Словацкое словообразование Юрая Фурдика с точки зрения издателя”. Посмертная публикация “Словацкого словообразования” Ю. Фурдика была осуществлена его учеником в виде вузовского учебника, отражающего научную концепцию ученого, который рассматривал словообразование в тесной взаимосвязи с другими уровнями языка. М. Олоштяк рассказал о принципах отбора материала для публикации, охарактеризовал структуру учебника (вступительную статью о Юрае Фурдике-дериватологе написала К. Бузашиова).

С. Хёбуш рассказал о работе над книгой немецких переводов статей И.С. Улуханова, написанных в разные периоды его научной деятельности. Эта книга – результат исследовательского проекта, реализуемого студентами-русистами из университета им. Мартина Лютера (Халле-Виттенберг) под руководством С. Менгеля. Целью этого проекта является не только популяризация в ФРГ научного творчества И.С. Улуханова, но также анализ проблемы эквивалентного подбора терминов при переводе работ по русскому словообразованию на немецкий язык.

На заключительном заседании Международной комиссии по славянскому словообразованию были подведены итоги ее работы за последние четыре года. Председатель Комиссии И.С. Улуханов от имени всех присутствующих поблагодарил К. Бузашиву и ее сотрудников за прекрасную организацию конференции, которая проходила в творческой атмосфере.

Материалы седьмой конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов будут изданы отдельным томом в серии публикаций

Института языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук*.

Следующая, восьмая, конференция Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов состоится осенью 2005 года в университете имени В. Гумбольдта в Берлине.

К. Клецова (Польша, Катовице),
Е. Коряковцева (Россия, Москва/Польша, Седльце)

Тридцать шестые Виноградовские чтения, состоявшиеся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН 20 января 2005 г., были посвящены тексту как объекту толкования.

Открыл чтения заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН чл.-корр. РАН А.Б. Куделин (Москва), отметив сохраняющуюся до сих пор значимость трудов В.В. Виноградова, в частности, ценность работ, посвященных языку Пушкина. Директор Института русского языка им. В.В. Виноградова чл.-корр. РАН А.М. Молдован (Москва) напомнил слушателям, что В.В. Виноградов, занимая должности академика-секретаря Отделения литературы и языка, заведующего кафедрой в МГУ, директора Института русского языка, был не просто лидером, но корифеем – человеком, сочетающим в себе качества лидера и мастера. Именно поэтому ему удалось при создании Института русского языка сформулировать основные направления фундаментальных исследований в области русистики, остающиеся актуальными до настоящего времени, и собрать тех людей, которые смогли бы деятельно работать по этим направлениям, одновременно воспитывая учеников, составляющих сейчас основу русистики.

Г.А. Золотова (Москва) в своем докладе “В.В. Виноградов и перспективы изучения структуры текста” рассмотрела некоторые из проблем в исследовании текста, которые были заложены В.В. Виноградовым в его трудах, посвященных языку Пушкина, и нашли свое продолжение в работах его учеников и последователей. Силу языковедческих идей ученого обусловили многогранность его филологических интересов, научная высота, с которой его мысль охватывала русский язык в действии, великолепное знание русского языка всех времен и во всех сферах его функционирования. Именно Виноградов смог наконец сформули-

ровать сущность образа автора как формы сложных и противоречивых отношений между авторской интенцией, воображаемой личностью писателя и ликами персонажей. Среди круга проблем, восходящих к трудам В.В. Виноградова, можно назвать вопросы о принципе объединения функциональных форм речи в целостное художественное единство, о семантико-синтаксическом соотношении между коммуникативно-речевыми типами в структуре индивиду-

* Материалы предыдущих конференций Комиссии по славянскому словообразованию при МКС опубликованы в следующих томах: “Neue Wege der slavistischen Wortbildungs-forschung 2”. Tagung der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung, Magdeburg, 9.11. 10.97. Renate Belentschikow (Hrsg.). Frankfurt am Main 1999; “Wortbildung interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand”. “Словообразование в его отношении к другим сферам языка”. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, Innsbruck, 27.09.2.10.1999. Hrsg. von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck 2000; “Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji”. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Katowice 27–29 września 2000 r., red. Krystyna Kleszczowa, Ludwig Selimski. Katowice 2001; “Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik” (Materialien der 5. Internationale Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Lutherstand Wittenberg, 20–25. September 2001), Hrsg. von Svetlana Mengel, LIT-Verlag, Münster; Hamburg; Berlin; London (= SLAVICA VARIA HALENSIA, t. 7), 2002; “Праблемы тэорыі і гісторыі слова ўтварэння”. Рэд. А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. Мінск, 2004.

ально неповторимого предложения, о композиционных функциях грамматических форм глагола. Эти же работы послужили основой для становления концепции коммуникативной грамматики, объектом изучения которой является текст, а за единицу текста принят коммуникативный регистр речи.

М.Ю. Федосюк (Москва) в докладе “Образ автора мемуарного текста: интенции автора и восприятие читателя”, опираясь на термины нарратологии, сформулировал три понятия, детализирующие представление об образе автора мемуарного текста. Это интенциональный автор – тот образ, который создатель текста в соответствии со своими интенциями стремится создать в сознании читателя; перцептивный автор – тот образ, каким его воспринимают читатели, и конкретный автор – реальный человек, который создал текст. Филологической является проблема изучения первых двух типов автора. Интенциональный образ складывается на основе эксплицитной информации, содержащейся в тексте (например, биографические сведения), и под влиянием импликаций, которые могут быть выведены из данного текста (из описания поступков автора, из тех оценок, которые он дает лицам или явлениям, на основе отбора фактов, о которых считает нужным сообщить, на основании некоторых используемых номинаций). Выводимые из текста нейтральные или положительные характеристики мемуариста вряд ли противоречат интенции автора. Отрицательные же оценки ложатся в основу перцептивного образа автора. С этой точки зрения докладчик рассмотрел воспоминания протоиерея Михаила Ардова.

В докладе М.В. Ляпон (Москва) “Парадокс как отражение авторской когнитивной стратегии” речь шла о доминантах исследовательского метода В.В. Виноградова, труды которого отмечены знаком современного научного мышления. Виноградовская “формула” автора стимулирует внимание к реальному стилесозидающему субъекту. Парадокс, изучаемый в прозе И. Бродского и М. Цветаевой (включая ее дневники и письма), осмыслен докладчиком как отпечаток в тексте глубинной ментальной потребности, отличающей личность разрушителя стереотипов, его поиск нового измерения истины. Логическая структура и семантика парадоксальных конструкций Бродского и Цветаевой исследуется с целью выявления индивидуальной стилистики авторского остроумия.

Д.Н. Ахалкин (Санкт-Петербург) (“Дейксис в поэтическом тексте: конструирование образа читателя”) на материале творчества И. Бродского показал механизмы авторского

влияния на рецептивные стратегии читателя, в частности остановился на приемах захвата читательского внимания и сформулировал принципы употребления указательного местоимения “тот” в функции “дейксиса к воображаемому” (К. Бюлер). Автор может никак не пояснять эти употребления, считая, что его читатель непременно обладает необходимой для их понимания информацией. Указание же может поясняться минимально (“Я жужжу, точно тот моноплан, точно Дариос и Геренос”); подчеркиваться системой ключевых образов, задающих некоторый другой текст; может быть обусловлено жанровым заданием (жанр “in metopias”); может содержать отсылку к личному опыту автора или его друзей, неясную для большинства читателей.

С.Ю. Артёмова (Тверь) в докладе “Виды маркирования адресата в посланиях XX века” выделила три вида эксплицитных адресатов в жанре послания. Наиболее частотный – конкретный (в заглавии есть его имя или указание на родственные связи). Обобщенным адресатом может быть современник или потомок (в текстах такого рода повышенная дидактичность); человек определенного социального слоя; человек определенной профессии (обычно художник, поэт); друг, приятель (в этом случае текст может содержать определенные коды, не дешифруемые всеми читателями). Наибольший интерес представляет случай с условным адресатом – заводом некоммуникабельным объектом (муза и ее метонимические эквиваленты, античные и христианские боги, творцы прошлых лет, явления природы, неодушевленные объекты). Увеличение в XX веке числа текстов с условным адресатом докладчик связывает с экзистенциальным кризисом, осознанием невозможности адекватной коммуникации в мире реальном и усилением потребности в такой коммуникации хотя бы в мире воображаемом.

М.Ю. Михеев (Москва) в докладе “Описание, рассуждение, повествование как речевые стратегии письменного текста” рассмотрел названные в заглавии микрожанры текста с формальной точки зрения, что позволило удобно членить такие аморфные тексты, как, например, роман Платонова “Чевенгур”. Рассуждением решено считать такие фразы текста, внутри которых предложения связаны причинно-следственными отношениями (если А, то Б; А, потому что Б и т.п.); повествованием – те, в которых использованы формы глаголов прошедшего времени совершенного вида (*пришел, увидел, победил*); а описанием – тексты с использованием глаголов настоящего времени (“Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...”) или прошедшего времени несовершен-

ного вида (“Гости съезжались на дачу. Зала наполнялась дамами...”). Наиболее типичным примером рассуждения являются судебные речи или описания решения задач в школьных учебниках. Типичное повествование – краткое изложение содержания художественного произведения. Типичное описание – пересказы картин. Более часто встречаются смешанные случаи: переход от одного к другому или взаималожения. Также был выделен еще один микрожанр – обоснование (например, перечни, каталоги имущества, проданных товаров).

В докладе “Языковой код как ключ к загадкам Набокова” О.В. Е в т у ш е н к о (Москва) предложила новый вариант прочтения рассказа “Весна в Фиальте”. Ряд особенностей этого рассказа (закодированность текста и доступность для проникновения в его суть только узкому кругу людей, имеющих специальную подготовку; возможность множества интерпретаций и, как следствие, необходимость длительной и кропотливой работы по его истолкованию; подтекст, связанный с решением вопроса о жизни после смерти) приводит докладчика к мысли о том, не поддался ли Набоков искушению со-

здать текст, способный стать в ряд с сакральными текстами. Ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку пока не удалось.

В докладе “О народной герменевтике” С.Е. Н и к и т и н а (Москва) продемонстрировала специфику конфессиональной герменевтики молокан. Объектом толкования в их традиции является текст Библии: фрагмент текста или отдельное слово (результатом становится текст-изложение или текст-объяснение) либо семантические, количественные и другие параметры текста (результат – текст-квалификатор). Субъект толкования – беседник, человек, идеально знающий текст Библии и способный назидательно интерпретировать его. Возможно буквальное толкование (молокане-буквари) и иносказательное (молокане-духари), индивидуальное (размышления проповедника) и коллективное (духовные стихи, песни). Доклад завершился исполнением духовной песни молокан Мелитопольского уезда на сюжет библейской притчи об Ионе во чреве кита.

Н.Н. Занегина (Москва)

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ИЗДАНИЙ,
ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ “ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ”**

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР. Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук (Росс. АН), АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нац. школе
РЯШ – Русский язык в школе
СБНУ – Сборник за народни умотворения
Сб. ОРЯС – Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СТ – Советская тюркология
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук (Пушкинского дома)
ФН – Доклады высшей школы. Филологические науки
ADAW – Abhandl. der Deutschen (Berliner) Akad. der Wissenschaften. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
AfslPh – Archiv für slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl. der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv för nordisk filologi
AO – Archiv orientální
APAW – Abhandl. der Preussischen Akad. der Wissenschaften. Philosoph.-hist. Klasse
BCLC – Bullétin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Biulétyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bullétin de la Société de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beiträge zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic journal
CFS – Cahiers F. de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Société finno-ougrienne
JФ – Јужнословенски филолог

KZ – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn
LaPh – Linguistics and Philosophy
Lg – Language
LIIn – Linguistic Inquiry
LM – Les langues modernes
MM – Maal og minne
MSFOu – Mémoires de la Société finno-ougrienne
MSLP – Mémoires de la Société de linguistique de Paris
MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
NSS – Nysvenska studier
NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
RES – The Review of English studies
RÉG – Revue des études grecques
RÉSI – Revue des études slaves
RF – Romanische Forschungen
RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódźk. t-wa naukowego
RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławsk. t-wa naukowego
RLing – Russian linguistics
RLR – Revue de linguistique romane
RO – Rocznik orientalistyczny
RS – Rocznik slawistyczny
SaS – Slovo a slovesnost
SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften, Phil-hist., Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst
SL – Studia linguistica
SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, národopies a literárnu históriu
SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
StO – Studia orientalia
SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
TA – Traduction automatique
TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
TPhS – Transactions of the Philological society
UAJb – Ungarische Jahrbücher
VR – Vox Romanica
WW – Wirkendes Wort
ZAS – Zentralasiatische Studien
ZCPh – Zeitschrift für celtische Philologie
ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
ZDPh – Zeitschrift für deutsche Philologie
ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
ZRPPh – Zeitschrift für romanische Philologie
ZSL – Zeitschrift für Slavistik
ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. *Рукописи* представляются в двух экземплярах: текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке или* через полуторный интервал *в электронном виде*. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес.

1.1. Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу. В состав электронной версии статьи должны входить: файл, содержащий текст статьи, и файл(ы), содержащий(е) иллюстрации. Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями. На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты). Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы.

1.2. *Подготовка электронной версии основного текста.*

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows. При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.). Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете. Размер шрифта – 12.

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter). Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы.

1.3. *Подготовка электронной версии графического материала.*

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

- для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого;
- векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны: CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS.

- для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi.

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS.

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения. Каждый файл должен содержать один рисунок.

2. *Примеры* в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

3. *Библиография* в журнале оформляется следующим образом:

3.1. Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так:

- "Код работы" (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы. В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al." .

- Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например:

Успенский 1994 – Б.А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

- Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Трубецкой 1990 – Н.С. Трубецкой. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3.

- Если это сборник или иное аналогичное издание, то "кодом" является одно из двух:

- а) фамилия редактора (или редакторов; допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.);

б) сокращенное название и год.

Greenberg 1978 – *J. Greenberg (ed.)*. Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

Universals 1978 – Universals of human language. V. I. Method and theory. Stanford (California), 1978.

3.2. **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках; фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно). Например [В.В. Иванов 1992 : 34], [W. Jones 1890]. Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа: [W. James 1890a].

4. **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию.

5. Непринятые рукописи не возвращаются.

6. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются.

7. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

V.Z. Sannikov (Moscow). On the history and contemporary status of the Russian pun; G.M. ZeI'dovič (Toruń). The Russian predicative noun: coordinated form, instrumental case; E.L. Rudnickaja (Moscow). Some features of syntactic and informative structure (functional sentence perspective) with stative predicates denoting psychological state in Korean; A.B. Letučij (Moscow). Non-prototypic transitivity and lability: the phasal labile verbs; A.V. Arkhipov (Moscow). Elements of typology of comitative constructions; P.M. Arkadiev (Moscow). Functional and semantic typology of two-case systems; **Reviews:** Ya.G. Testelec (Moscow). Word order and scrambling; A.D. Mostovaja (Melbourne). *M. Prandi*. The building blocks of meaning; Ju.H. Sirk (Moscow). *J. Brandshaw, K.L. Rehg* (eds.). Issues in Austronesian morphology: a focusschrift for B.W. Bender; L.A. Kalamullina (Ufa). *L.M. Vasiliev*. Systemic semantic dictionary; E.G. Kotorova (Tomsk). *E. Vaida, M.A. Zinn*. Morphological dictionary of the Ket verb; **Scientific life:** Chronicle features.

Сдано в набор 22.04.2005	Подписано к печати 20.06.2005		Формат 70 × 100 ^{1/16}
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл. кр.-отт. 19,6 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5
		Тираж 1484 экз.	Бум. л. 5,0
		Зак. 436	

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель: Российская академия наук

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон 201-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6